

Летопись ре-
волюции. - № 4 (9)
1924 г.

В. И. ЛЕНИН

Редкий снимок с визитной фотографической карточки 1891 г., приложенной к прошению В. И. Ульянова о допущении его к экзаменам при юридической испытательной комиссии Петербургского Университета. Найдена в архиве быв. Министерства Просвещения.

Революционная борьба в Николаеве¹⁾

(Воспоминания)

I. ГЕТМАНЩИНА

Разложение гетманской власти началось уже летом 1918 года. По мере того, как с укреплением этой власти возвращались прежние землевладельцы, организовывались их силы в лице „украинских хлеборобов“ — помещиков; по мере того, как германские оккупанты все дальше углублялись внутрь украинского села, чтобы выкачать побольше материальных ресурсов для отправки в Германию; по мере того, как усиливались репрессии на селе, — настроение крестьянства стало резко меняться в пользу оставившей Украину Советской власти. Тут и там началось противодействие крестьян; разрасталось повстанчество. Постепенно вся Украина перешла на положение повстанческого лагеря. Прежние помещики водворялись в свои поместья при помощи германских и австрийских штыков и экзекuciones.

В то же самое время в самом гетманском правительстве развивался раскол между украинскими самостийниками и русскими черносотенцами, сторонниками „единой и неделимой“. К осени последнее течение получило окончательно перевес. Стало совершенно очевидно, что гетманская власть, под диктовку германского генерального штаба, признана обслуживать помещиков не только украинских, но и все поземельное дворянство, всех реакционеров в обще-российском масштабе. Процесс разложения гетманской власти шел, таким образом, не только по периферии в уездах и в глубине села, но и в самом центре.

Судьбу гетманского правительства и германской оккупации окончательно решила германская революция. Когда выяснилась необходимость эвакуации германцев с Украины, стало совершенно очевидно и ясно, что дни гетманщины сочтены. Сигнал ко всеобщему восстанию

¹⁾ Настоящая статья представляет собой продолжение очерка того же автора под названием „Борьба сил в Октябрьскую Революцию в Николаеве“, помещенную в „Лет. Рев.“ № 1 за 1922 г.

был дан украинскими самостийниками — прежними деятелями Центральной Рады. Восстание закончилось, как известно, занятием города Киева, низложением гетманской власти в Киеве и ликвидацией того „государственного порядка“, который был построен в течение лета на Украине.

Восстание против гетмана застало меня на пути из Киева в Подольскую губернию, где находилась моя семья в подпольи. По этой дороге шла массовая эвакуация австро-венгерских оккупационных войск, направлявшихся эшелонами из Одессы и других местностей через Жмеринку и Волочиск на родину. Гетманская, а равно воцарившаяся петлюровская власть, старалась при реэвакуации германских и австрийских войск обезоруживать эшелоны. На этой почве на многих станциях происходили стычки, а подчас и целые бои; такое столкновение имело место также и в Жмеринке.

По пути австро-венгерские войска распродавали имевшиеся у них военные запасы и склады. Для предупреждения этого разбазаривания, из Киева на Проскуров был направлен эшелон германцев. С этим эшелном мне удалось добраться до Проскурова. При прибытии эшелона в Проскуров, ночью на станции началась перестрелка. Австро-венгерские солдаты торговали на станции оптом и в розницу военным имуществом. Для покупки, а также для захвата этого имущества, на станции сосредоточивались массы местного крестьянства. Прибывший германский эшелон, состоявший только из одной роты, не в состоянии был оказать ему противодействие. Выяснив положение, немцы отказались от попыток приостановить это торжище, и возможное столкновение было исключено.

Эвакуация австро-венгерских войск через Проскуров и Волочиск продолжалась в течение нескольких недель. За это время по Украине шла ликвидация гетманской власти и одновременно мобилизация, объявленная воцарившейся Директорией. Такая мобилизация была объявлена и в Проскурове и в ближайшем Каменец-Подольске. Мобилизованные должны были направляться на Жмеринку, а оттуда на взятие города Одессы. Настроение мобилизованных крестьян было определенное: они стояли не только за свержение гетманской власти, но и за разгон помещиков и ликвидацию власти буржуазии.

Политика и тактика Директории в Киеве в декабре 1918 года была массам в Проскурове еще не ясна. Говорили о контакте Директории с Советской властью. Широкие массы так и предполагали, что в ближайшие дни будет объявлена Советская власть. Однако, это заблуждение скоро рассеялось. Получились объявления и приказы, обнаружившие истинные планы и стремления Директории. Они призывали к борьбе с Советской властью; более того, они указывали, что эта борьба должна вылиться в открытую войну с „Московией“. Агенты Петлюры, работая среди мобилизованных, вели ярко шовинистическую пропаганду, выступая „против коммунистов и жидов“.

Обстановка Подольской губернии была сравнительно благоприятна для петлюровской пропаганды. Прежние гетманские чиновники и офицеры, а также воинские части быстро перекрашивались в национальный желто-благитный цвет.

Объявленная по всей губернии мобилизация коснулась также и меня. Я решил, поэтому, из Подольской губернии бежать. Еще в начале января месяца 1919 года до Проскурова дошли сведения, что в Николаеве гетманская власть ликвидирована и город занят атаманом Григорьевым. Я немедленно отправился в Николаев. Путь мой был окружный — через Жмеринку, Фастов и Знаменку. Всюду по линии железной дороги, а особенно в Фастове, происходило массовое скопление петлюровских частей и вновь мобилизованных крестьян. С большим трудом мне удалось пробраться на станцию Знаменка. На Знаменке выяснилось, что путь в Николаев занят атаманом Григорьевым, с одной стороны, и немцами, занимавшими город Николаев, — с другой. Нужно было, во что бы то ни стало, пробраться. В товарном поезде я доехал до станции Долинская. Дальнейшее движение в зону „военных действий“ было воспрещено. На станции Долинская был штаб одного из боевых отрядов Григорьева. В поселке Долинская я встретил одного из бывших членов Николаевского Совета — тов. Воробьева. При его помощи, мне удалось достать из местного волостного управления документы, а также крестьянскую подводу, на которой я решил проселочными дорогами пробраться в Николаев. Путешествие продолжалось три дня. По пути выяснилось, что блокада Николаева Григорьевым и оборона его немцами фактически осуществляется только по линии железной дороги и по большим дорогам. Для в'езда в город Николаев я выбрал базарный день, когда из ближайших деревень рано утром направлялась масса крестьян. Поголовной проверки немецкими караулами при в'езде крестьян не производилось. 25 января я был уже в Николаеве.

II. СВЕРЖЕНИЕ ГЕТМАНЩИНЫ

Приехав в Николаев, я разыскал прежних своих товарищей и остановился у них на нелегальном положении. После девяти месяцев реакции, после долгих скитаний вдоль и поперек Украины, я опять вернулся на старое поле борьбы.

Тяжелое здесь было время и трудны были задачи. Николаев был в редком и оригинальном политическом положении самостоятельного города. В то время, когда кругом было столько претендентов на власть, он зависел только от себя самого. Гетманская власть, в декабре месяце 1918 года, во главе с градоначальником Де-Бонди, со всеми прежними полицейскими, жандармерией и военными поспешно на транспортах направилась в Севастополь и Одессу. Город был занят

повстанческим атаманом Григорьевым, который, однако, не поладил с германским гарнизоном и принужден был оставить город. Реставрированная гетманом цензовая Городская Дума была распущена. У власти в городе стала вновь Демократическая Городская Дума во главе с Городским Головой Костенко. Городская Дума объявила в городе власть Городского Самоуправления и избрала Правительственным Комиссаром с. - р. Сергея Юрицына. Он должен был представлять центральное правительство, которого, однако, здесь и духу не было. В это же самое время в городе находились немецкий генерал-губернатор, комендант и германский гарнизон, численностью около 13.000 человек. Таким образом, в городе числилось трое властей: власть Городской Думы, Украинского Правительственного Комиссара и немецкого генерала-губернатора и опека Антанты. Все эти власти держались по отношению друг к другу нейтрально.

Немецкий гарнизон не имел возможности выбраться из Николаева и эвакуироваться на родину, ввиду того, что пути из Николаева через Киев были заняты атаманом Григорьевым и другими петлюровскими частями. Германскому гарнизону предстояло выдержать осадное положение и оставался единственный путь: возвращение на родину морем, с согласия Антанты. Другой путь, через Советскую Россию, был для немцев сомнительным. Ввиду такого положения вещей, в Николаевском немецком гарнизоне началось некоторое разложение, приведшее в начале к выборам Совета Солдатских Депутатов, а затем к выделению группы спартаковцев и групп нейтральных по отношению к Советской власти. Немецкому командованию, обеспокоенному этими фактами, пришлось вступить в переговоры с англо-французским командованием, пребывавшем в городе Одессе, относительно отправки германских солдат морем на родину. Командование Антанты, будучи враждебно настроено по отношению к немцам, не сразу согласилось на эту операцию: оно направило на Николаевский рейд английские военные суда для блокады Николаева.

Одновременно с восстановлением Городской Думы николаевскими рабочими (союзом Металлистов), под руководством коммунистов, был организован Рабочий Комитет, который быстро установил связи с немецким Советом Солдатских Депутатов и с группой спартаковцев. По мере усиления связей, настроение германских солдат, по отношению к Советской власти, стало все более и более благоприятным. Что касается германского командования и офицерства, то им еще живо мерещилось кровавое восстание николаевских рабочих весной 1918 года. Стали поговаривать о возможности повторения восстания. Эти разговоры поддерживались близостью осаждавшего город атамана Григорьева.

В общем и целом, в городе Николаеве и его окрестностях образовался запутанный конгломерат, враждующих между собою, сил:

Городская Дума, Правительственный Комиссар, немецкий генерал-губернатор, германский гарнизон, Николаевские рабочие и Рабочий Комитет, военные суда Антанты на реке, силы атамана Григорьева на железнодорожных путях и деникинцы в Одессе — все это находилось в выжидательном положении; никто не мог точно угадать и определить перспективы завтрашнего дня.

III. ПОДГОТОВКА К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

Мое пребывание в подполье в Николаеве продолжалось только два дня. Вследствие полученных телеграфных сведений об убийстве в Берлине вождей немецкого рабочего класса Карла Либкнехта и Розы Люксембург, было решено в предстоящее воскресенье провести всеобщую манифестацию по городу Николаеву. Пролетариат Николаева принял участие в этой внушительной манифестации. Я выступил на Думской площади с обширной речью, призывая рабочий класс против буржуазных убийц. Выступление вызвало под'ем среди манифестантов, привлекало к участию в манифестации и часть германского гарнизона. Оно было отмечено передовицами желтой прессы и сочтено черносотенцами и буржуазией, а также командованием Антанты в Одессе, сигналом к революционному выступлению. Николаевская буржуазия требовала самого быстрого вмешательства со стороны генерала Деникина и англо-французского командования, предупреждая, что, в противном случае, в Николаеве повторится восстание 1918 года. В николаевской прессе меня сравнивали с „кровожадным Робеспьером“, а Николаевскую Думу причисляли к авангарду Советской власти и перечисляли все ее прошлогодние „грехи“. Газетная травля приняла широкие размеры. Английский капитан послал запрос в Городскую Думу по поводу манифестации и настроения в городе. Городская Дума делегировала для ответа ему своего „дипломатического представителя“ комиссара Юрицына, который растолковал капитану смысл манифестации, а также преувеличенные страхи буржуазии. Несмотря на это, на одном собрании местного немецкого офицерства и присутствовавшего на нем представителя Антанты был решен мой арест. Однако, германское командование этого решения не привело в исполнение, боясь обострения отношений между немецким гарнизоном, с одной стороны, и рабочими гор. Николаева — с другой. Мне пришлось опять перейти на некоторое время в подполье.

Какова была политика Городской Думы? Она стремилась укрепить деловой работой и связью с немецким гарнизоном и английским капитаном свое положение, не допустить на территорию города Николаева деникинских сил и изжить блокаду Григорьева.

Номинально Городская Дума признавала власть Директории.

Что касается Рабочего Комитета и Коммунистической организации, то их задача была провести организационную работу по подготовке к захвату власти. Рабочий Комитет решено было, путем перевыборов, превратить в Совет Рабочих Депутатов. Назначены были перевыборы и началась предвыборная кампания. Организация коммунистов, во главе с т.т. Гордоном, Белявской и другими, повела работу по укреплению связей с немецким Советом Солдатских Депутатов и с группой Спартаковцев. Предвидя в ближайшем будущем все же вооруженную борьбу, коммунисты решили учредить подпольный штаб, который должен был организовать боевые дружины из рабочих в различных частях города. Начальником подпольного штаба был избран я. Организация штаба и боевых дружин наметилась в весьма скромных размерах и насчитывала вначале лишь несколько сот человек; первое время эта организация была совершенно неизвестна немецкому командованию.

В то время, как в Николаеве образовался сложный узел самых разнообразных вооруженных и невооруженных сил, Одесса, вся Одесская губерния и Херсон были заняты силами генерала Деникина и Антанты. Деникинцы решили охватить Николаев кольцом, заняв железнодорожную линию от Одессы до Колосовки, с одной стороны, и от Херсона — с другой стороны. Станция Николаев прерывала эту коммуникационную линию. И это заставило командование Антанты подумать о занятии Николаева. С этой целью ими было предпринято наступление по Одесской дороге со стороны деревни Варваровки. Деревня Варваровка, расположенная на противоположном берегу реки Буга, в полутора верстах от Николаева, была занята эскадронам деникинских офицеров. О занятии деревни нам сообщили бежавшие оттуда крестьяне, которые говорили, что в деревне идет пьяный разгул, грабеж и экзекуция. Подпольный штаб решил напасть на этот эскадрон. Во избежание недоразумений с немецким гарнизоном, начальник Фон-Кесслер был предупрежден о наших намерениях. Так как деревня Варваровка находится за чертой города, то Фон-Кесслер дал нам иезуитский ответ: что он не возражает, так как офицерский эскадрон не находится в пределах подчиненной ему территории. После этих переговоров, была организована группа, к которой присоединилась конная городская милиция. Она должна была ночью пробраться через Варваровский мост и, врасплох, напасть на деникинцев. Эта операция была выполнена удачно: деникинский офицерский эскадрон был частью разгромлен, частью обращен в бегство по Одесской дороге. Бегство деникинского эскадрона навело панику на следующий отряд, расположенный в селе Нечаянном в 32-х верстах от Николаева. Он также отступил к селу Красному. Таким образом, эта попытка Деникина занять Николаев была ликвидирована.

Другой эпизод разыгрался в самом городе. Как-то в городе появилась группа деникинских офицеров в погонах и при полном

вооружении. Выяснилось, что эта группа была выслана сюда для приобретения фуража. Она вызвала в городе крайнее возбуждение. Начальник милиции — тов. Рожанский, бывший член Совета, обратился немедленно к Фон-Кесслеру с требованием разоружения и высылке денкинцев за пределы города. Фон-Кесслер предоставил начальнику милиции взвод германских солдат, при помощи которых денкинские офицеры были высланы.

Все эти незначительные эпизоды подняли, с одной стороны, настроение у нас, а, с другой стороны, подливали масла в огонь в Одессе денкинскому командованию. Главным виновником такого „попустительства“ считали английского капитана на Николаевском рейде. Английский капитан с военным крейсером был отозван, а на его место прислан французский крейсер, во главе с адмиралом, который должен был повести более решительную тактику. В местной желтой прессе пошло ликование, что через неделю город займут греки и денкинцы, а немцы будут эвакуированы. Ввиду такого оборота дел, Городская Дума заявила французскому адмиралу протест против вмешательства во внутренние дела города, а подпольный штаб решил усилить организацию боевых сил. Добровольцы пока не являлись, французы вели себя лояльно...

5 марта на Николаевский вокзал, вдруг, прибыл эшелон денкинской жандармерии с предписанием занять станцию. Наглое появление жандармов подняло на ноги нашу организацию. Городская Дума послала ноту протеста адмиралу, требуя немедленного удаления жандармерии со станции; одновременно городской милицией были заняты ближайшие улицы и выходы из вокзала в город. Николаев решил блокировать жандармерию на станции. После того как Городской Думой было заявлено, что появление жандармов вызовет восстание в городе, по приказу французского адмирала, они были эвакуированы.

Эти факты, очевидно, заставили командование в Одессе начинать эвакуацию немецкого гарнизона, чтобы вместо него занять город греками. По слухам, для занятия Николаева назначено было до 3.000 греков. Действительно, после эвакуации 1-го транспорта немцев, из Одессы прибыл транспорт греков — около полуторы тысячи человек. Появление греков вызвало всеобщее возмущение. Экстренно было составлено заявление о том, что Николаев протестует против занятия территории города враждебными силами, что греки объявляются врагами, население города Николаева призывается не оказывать им никакого приюта, а учреждения призываются бойкотировать их.

В это же самое время Городская Дума и Рабочий Комитет получили от атамана Григорьева „ноту“, в которой тот заявляет, что 7-го марта утром атакует город. Эта нота поставила нас в неопределенное положение: если атаман Григорьев выступит против немцев, которых в городе целая дивизия, то, несомненно, потерпит полное поражение,

а мы, примкнувши к этому выступлению Григорьева, будем еще раз разгромлены, как год тому назад; если же действия Григорьева будут направлены против французов, то это вызовет из Одессы лишние боевые суда и части, и город будет, несомненно, занят девикинским командованием. Было решено спешно делегировать в стан атамана Григорьева, на станцию Снегиревку, делегацию во главе со мной, чтобы отклонить его от нецелесообразной затеи.

Я с тов. Рыбаком выехал ночью. Проехали немецкие позиции и направились в сторону станции Заселье. На рассвете мы вышли из зоны немецких войск и прибыли в сферу григорьевских передовых постов, которые начали стрельбу. Все же нам удалось подойти к григорьевскому сторожевому посту. По выяснению обстоятельств дела, начальник поста Киковка направил нас от станции Заселье в лагерь Григорьева, на станцию Снегиревку. На этой станции стояло несколько эшелонов григорьевского Верблюжского полка. Григорьев занимал в одном из эшелонов два вагона первого класса, переделанные под помещение штаба. Немедленно было назначено заседание штаба. Явился Григорьев, в сопровождении своего помощника и начальника штаба полковника Тютюнника и Советского комиссара т. Ратина. В их компании я встретил также нескольких левых с-эров, из бывших членов Николаевского Совета. Григорьев, человек маленького роста, явный дегенерат, был, по своему обыкновению, пьян. Он сразу заявил, что завтра к обеду будет в Николаеве. Его помощник — Тютюнник, несомненно умнее и хитрее Григорьева, стал излагать план наступления. Из переговоров выяснилось, что силы Григорьева состоят только из 1.600 штыков, около 2-х десятков сабель и 3-х пушек. Григорьев надеялся, главным образом, на восстание Николаевского пролетариата. По выяснению этих данных, я постарался объяснить Григорьеву, что он положит костями все свои силы под Водопойскими позициями, а для николаевского пролетариата вызовет кровавую баню, так как в городе Николаеве находится не менее 10.000 немцев и полторы тысячи греков, что против его трех пушек будет выставлено не меньше полсотни орудий и до 100 пулеметов. Наконец, план напасть на Николаев прямо со стороны Водопоя является нелепостью, легче взять город, при более крупных силах, либо с севера — со стороны Ингула, либо со стороны села Богоявленского. Я категорически заявил, что николаевский пролетариат для такой авантюры не выступит. Несмотря на наши уговоры, пьяный Григорьев оставался при намеченном плане. Наши разговоры с Григорьевым убедили нас в том, что мы имеем дело с неисправимым авантюристом.

Возвратившись в Николаев, мы ночью еще созвали Рабочий Комитет и коммунистическую организацию для обсуждения всех обстоятельств. Было решено предупредить боевые дружины и рабочих Николаева, чтобы они воздержались от выступления при наступлении

Григорьева и предостеречь их от провокации. Благодаря этой поездке, мы убедились в ничтожности григорьевских сил и охладили пыл товарищей, готовых вывести рабочие дружины на уличный бой с немцами и греками. Последующие события показали, что наши расчеты были верны, Григорьев разделил свои незначительные силы на две группы: первая выступала со стороны села Богоявленского, другая с севера — со стороны реки Ингула. Наступление началось орудийной перестрелкой. Немцы, занимавшие линию станции Водопой и фронт Ингула, отбили наступление, а французский крейсер, стоявший на Буге, открыл огонь из судовых орудий по наступавшей цепи Григорьева со стороны Богоявленска. Было совершенно очевидно, что такое наступление не достигнет цели. Мы оповестили об этом рабочих и направили делегацию к германскому командованию с предложением прекратить борьбу. Делегаты вначале были арестованы, но вскоре германское командование согласилось послать своего парламентаря, совместно с нашими представителями, на фронт с тем, чтобы удержать Григорьева от дальнейшего бесполезного кровопролития.

Наши представители выехали на автомобиле через Ингульский мост по Вознесенской дороге, где им удалось передать передовым отрядам Григорьева категорическое требование приостановки боя. Наступление Григорьева на город Николаев закончилось; Григорьев вернулся снова на станцию Снегиревка. Во время этих событий около 4000 германских солдат объявили себя „нейтральными“ в борьбе с Григорьевым. Вообще, немцы драться не желали, но атаман Григорьев вел убийственную политику: он грозил перерубить всех немцев, „как капусту“. Вот почему немцы и заявили: „пока мы здесь, Григорьеву тут не быть“. По отношению к французам, англичанам, грекам — немцы были настроены также враждебно.

В связи с этими событиями, настроение в городе стало чрезвычайно напряженным. Греки, только что высадившиеся в порту, были объявлены врагами; вечером разыгрался между греческими солдатами и безработными кулачный бой. Одновременно - же был пущен по городу слух, что ночью выступают боевые дружины для уничтожения греков. Греческие войска, охваченные паникой, решили этой же ночью оставить город. Они отправились в сторону Херсона; часть перегрузилась снова на транспорты. И Николаев, вновь, был избавлен от посторонних гостей.

В эти же дни шла деятельная подготовка к эвакуации немцев. Настроение немецких солдат, после нашего выступления против Григорьева, определенно изменилось в нашу пользу. Многие солдаты стали открыто высказывать свое намерение оказать содействие нашему подпольному штабу. Однажды вечером, в подпольный штаб явился Фон-Кесслер с секретным заявлением о том, что германское командование не имеет намерений не только вмешиваться во внутренние дела Николаевского Городского Самоуправления, но также оказывать

поддержку Антанте; более того, командующий германскими войсками считает нежелательным передачу англо-французам германских орудий, вооружения, имущества и считал-бы выгоднее, если бы „Советская власть“ получила эти орудия для борьбы с Антантой. Эти разговоры и намеки убедили нас окончательно в том, что мы должны смотреть на германский гарнизон, как на тайных союзников, и принять меры в овладению его военным имуществом.

В эти, чреватые для города Николаева последствиями, дни к нам пробрался представитель Советского правительства — тов. Эго, который должен был официально вступить в переговоры с немецким командованием на предмет эвакуации немцев железнодорожным путем на родину. Эта миссия тов. Эго, однако, запоздала, ибо эвакуация немцев морем уже началась и, кроме того, германское командование все равно не доверило бы судеб своей армии случайностям эвакуации через Советскую Россию. Выяснив истинное положение вещей в Николаеве, тов. Эго ускорил соглашение с немцами относительно сдачи оружия. Был составлен официальный договор, по которому германское командование сдает Советской власти все оружие: винтовки, пулеметы, броневики, авто-машины и военные склады.

В то время, как в Николаеве шли переговоры с немцами и их эвакуация, атаман Григорьев, отбитый немцами из-под Николаева, решил попытаться счастья по взятию города Херсона. Херсон охранялся незначительным отрядом Антанты, в том числе бежавшими из Николаева греками и командой германского бронепоезда. Было решено облегчить атаману Григорьеву взятие гор. Херсона. Германский бронепоезд получил секретное предписание отступить из-под Херсона или держаться строгого нейтралитета. Это облегчило Григорьеву возможность вторжения в город. В Херсоне поднялась паника: греки отступили и во время отступления сжигали здания и совершали зверства над населением, в то время как англо-французское командование обстреливало город из военных судов. Город был Григорьевым взят штурмом, но, ввиду незначительности сил, не был удержан. Главное внимание Григорьева опять было направлено на Николаев. До его сведения дошло, что коммунисты и подпольный штаб заключают договор с немецким командованием о приемке военного имущества. Действительно, договор с германским командованием о сдаче города был тов. Эго и мной подписан, насколько я помню, 14 марта. По этому договору немцы, при нашем содействии, в течение 4-х суток должны были эвакуироваться и передать военному штабу всю тяжелую и легкую артиллерию, винтовки, пулеметы, снаряды, патроны, автомобили и броневики, грузовики, военные повозки, 1200 лошадей и склады. С собой германцы имели право брать только ручное оружие, продукты и обмундирование. Образованы были приемные комиссии, которые на следующий же день приступили к работе.

Узнав об этом, Григорьев послал Городской Думе угрожающую депешу о том, что начальник подпольного штаба тов. Ряпо делит шкуру убитого Григорьевым медведя, что он немедленно с николаевцами расправится, заградив тыл на случай отступления николаевцев перед Деникиным. Очевидно, Григорьев полагал, что после эвакуации немцев, город Николаев будет немедленно занят деникинским командованием. С другой стороны, ввиду сложившихся в Херсоне обстоятельств, французское командование, не настаивая уже на вывозе оружия, требовало от немцев его порчи и потопления. Французским командованием было отдано также распоряжение отряду морской пехоты — произвести разрушение радио-станции. Об этом своевременно узнало немецкое командование и немецкий отряд, занимавший радио-станцию, предупредил наш подпольный штаб. Было отдано распоряжение боевым дружинам занять радио-станцию совместно с немцами. Отряд морской пехоты, прибывший к радио-станции для выполнения своего дерзкого задания, встретил сторожевые посты и должен был удалиться. Спустя несколько часов, поступило заявление французского адмирала, угрожавшее подвергнуть бомбардировке город со всех военных судов. В последний раз на французское военное судно был отправлен наш „дипломатический представитель“ Юрицын с предупреждением, что открытие бомбардировки со стороны французов приведет к ответной бомбардировке военных судов тяжелыми орудиями, которые к этому времени находились в руках спартаковцев, перешедших в составе 400 человек на нашу сторону. В нашем распоряжении оказались тяжелые гаубицы. Одновременно были предприняты меры к сосредоточению наших отрядов. Угроза подействовала: союзное командование сообщило Городской Думе о решении сдать город; на рассвете французский крейсер поднял сигнал к отступлению и оставил Николаевский порт.

IV. ВЛАСТЬ В НАШИХ РУКАХ

Освободившись от французов, город подвергся новому наступлению Григорьева. Вслед за депешей от немцев, занимавших Водопойские позиции, поступило сообщение, что началось новое наступление Григорьева на город. Ночью начался обстрел. Оказалось, что Григорьев получил подкрепление из небольшого отряда матросов-махновцев, которые решили, во что бы то ни стало, войти в город. Наш штаб постановил дать отпор Григорьеву. Из германского гарнизона выделен батальон и направился на Водопойские позиции. Тов. Эго, Гордон и несколько других товарищей решили в ночной темноте поехать к наступающим и удержать их от авантюры, разрушавшей наш договор с германцами, (которым мы обещали обеспечить спокойную эвакуацию и посадку на суда). Цель Григорьева была помешать

посадке немцев на суда и устроить им кровавую баню. Григорьевское наступление было вновь предупреждено. Однако, тревога вывела немцев из равновесия: немецкое командование заявило категорически об аннулировании договора о сдаче военного имущества. Приемные комиссии приостановили свою работу; все военное имущество было брошено на произвол судьбы, все силы немцев были быстро стянуты в порт. Кузнечная улица и подступы к порту были заняты немецкими войсками с пулеметами, охранявшими посадку немцев на суда. Часть орудий и имущества была получена, часть вооружения — винтовок, пулеметов и револьверов — потоплена. К утру город был оставлен немцами.

Несмотря на охрану города, утром в город пробралась группа матросов - махновцев, — остатки разбитого отряда в составе около 40 человек. Эта группа повела дезорганизаторскую работу. Несмотря на наше миролюбивое отношение к ним, к вечеру пришлось их арестовать. В качестве уже официального начальника штаба и гарнизона, я объявил в городе военное положение. На этот же вечер 16 марта был назначен пленум вновь избранного Николаевского Совета Рабочих Депутатов. В течение дня были призваны к ружью все надежные рабочие Николаевских заводов, заняты все правительственные учреждения, все бывшие военные склады, собрано оставленное немцами оружие, был оцеплен Николаевский порт и установлены передовые отряды на окраине города. В течение этого же дня григорьевцы прислали третий ультиматум с требованием занятия города. В ответ на этот ультиматум организация коммунистов ответила снова решительным отказом, разрешив явиться в город только Григорьеву лично с незначительным отрядом.

В этот же день в Николаев прибыл командующий Советской Армией тов. Скачко. Явившийся в Николаев Григорьев был принят товарищами Скачко и Эго в Московской гостиннице. Тов. Эго требовал предания Григорьева к суду и снятия его из армии. Но категорическое обещание атамана отправиться немедленно со всеми силами на взятие Одессы, которая была занята Деникиным и Антантой, подкупило тов. Скачко, и Григорьеву дано было прощение.

На этом же совещании было решено вооружить германскими орудиями и военным снаряжением рабочих города Николаева и направить их также на взятие Одессы. Благодаря полученным из Николаева орудиям, винтовкам и пулеметам, Григорьеву удалось создать серьезные кадры. Все эти силы накоплялись и организовывались на станции Водопой в 8-ми верстах от города Николаева в течение 2-х недель. Григорьеву так и не позволили вступить в самый город Николаев.

Вечером, к открытию пленума Совета, прибыл тов. Раковский — председатель Совнаркома Украины. В обширной речи тов. Раковский

приветствовал николаевский пролетариат и, провозгласив восстановление Советской власти в городе Николаеве, призвал на дальнейшую борьбу, к наступлению на город Одессу — последний оплот Деникина и Антанты на Черноморском побережье.

Первым делом Совета было организовать боевую силу, которая должна была очистить ближайшие окрестности Николаева, города Очакова и путь на Одессу. Организация первого Николаевского полка из рабочих завода Наваль и Руссуд пошла быстрым темпом: в течение двух недель было скомплектовано 2 батальона, которые, при полном вооружении, были направлены по Одесской дороге. Сюда был пропущен также один григорьевский отряд. Наступление по Одесскому шоссе шло стихийно. На полпути от Одессы греки, охранявшие путь, решили преградить дорогу. Они были стремительно сбиты со своих позиций, часть потоплена в ближайшем лимане, другая часть обратилась в бегство. Наступление отрядов по Одесскому шоссе, а также движение Григорьева через Колосовку с севера, вызвало в Одессе слухи о колоссальных силах наступающих советских войск. В Одессе началась паника и самая спешная эвакуация. Ее удалось взять почти без боя.

Одновременно с организацией боевых сил и с очищением от неприятеля Херсонщины и Одессы, шла организация аппарата Советской власти в Николаеве. Исполком был избран на пленуме Совета.

В состав исполкома вошли коммунисты: председатель Исполкома и Заведывающий Отделом Управления — тов. Соколов, Заведывающий Отделом Юстиции — тов. Прокофьев, Заведывающий Коммунальным Хозяйством — тов. Свенционек, Заведывающий Фин. Отделом — тов. Давыдов, Заведывающий Социальным Обеспечением — тов. Ветров, Заведывающий Губздравом — тов. Голберт, Председатель ЧК — тов. Абашидзе, социал-демократы независимцы: Военрук и Заведывающий Отделом Народного Образования — тов. Ряппо, Председатель Опродкомгуба — тов. Макотинский, Заведывающий Отделом Труда — тов. Н. Мандельштам. Комендантом был назначен тов. Рожанский. Левые эсеры в состав Исполкома не вошли.

Вхождение независимых с.-д. в Исполком означал их окончательный переход на платформу Советской власти. Николаевская организация с.-д. интернац.-независимцев, расходясь по некоторым принципиальным вопросам с коммунистической партией, считала бездействие или нейтралитет, в дни борьбы рабочего класса с капиталом, преступлением против революции. Что касается Городской Думы, то она устроила последнее торжественное заседание, на котором, по предложению с.-д. коммунистической фракции, официально объявила о передаче власти Совету. Весь аппарат Городской Управы перешел целиком в распоряжение Исполкома.

В первое время Исполкому приходилось бороться со всевозможными анархическими выступлениями отдельных групп и с большим напряжением налаживать Советский аппарат. Эта работа осложнилась вскоре еще тем, что Николаеву пришлось начать борьбу с Григорьевщиной.

V. ИЗМЕНА АТАМАНА ГРИГОРЬЕВА

После взятия Одессы и пребывания в ней атамана Григорьева и его Верблюжского полка, Григорьеву было предложено отправиться на румынский фронт. Однако, Григорьев и его помощник — полковник Тютюнник — медлили выполнением этого приказа. Наоборот, все мероприятия Григорьева и его соратников вели к тому, чтобы вернуться домой на Херсонщину в Александровский уезд, где была родина как Григорьева, так и подчиненных ему отрядов, благо к этому был подходящий повод — пасхальные праздники. Вместо того, чтобы направиться на румынский фронт, Григорьев отдал распоряжение своим эшелонам двигаться по железной дороге из Одессы на Колосовку, а отсюда, через Гурьевку и станцию Водопой, — на Долинскую, а другим отрядам через станцию Знаменку на Александрию. Под пасху эшелоны Григорьева во главе, насколько помню, с полковником Тютюнником, появились под Николаевом и остановились на станции Водопой. В городе быстро распространились слухи о предполагающемся на пасху еврейском погроме. Когда намерения Верблюжского полка, стоящего на станции Водопой, стали известны, Николаевский Исполком решил объявить город на военном положении, чтобы дать отпор григорьевцам. Начальником гарнизона был назначен тов. Ряппо, который образовал совет по обороне города в составе Военкома, Коменданта, Начальника милиции и Председателя ЧК. Все надежные силы были быстро мобилизованы, рабочие призваны в ружье. Площадь перед гауптвахтой в течение нескольких часов наполнилась рабочими, которые комплектовались в отряды. Городская гауптвахта превратилась в боевой штаб. На окраине города была установлена батарея, на перекрестных главных улицах пулеметы. Отряд спартаковцев получил распоряжение занять вокзал. На требования выдать григорьевцам от города обмундирование и обувь ответили категорическим отказом; к Тютюннику был послан уполномоченный заявить, что вступление отрядов в город не будет допущено. Уполномоченный привез в ответ угрозу занять город силой. Предвидя вторжение григорьевцев, мы готовились к уличному бою.

Действительно, один из эшелонов Верблюжского полка, в составе 200 человек, двинулся со станции Водопой и в'ехал на Николаевский вокзал. Наши орудия дали по станции Водопой несколько выстрелов. Прибывший на станцию Николаев григорьевский эшелон был стремительно разоружен спартаковцами и арестован. Трофей эшелона:

мануфактура, сахар и прочие ценности, повидимому, награбленные в Одессе, достались Николаевскому гарнизону. Эти энергичные действия произвели на григорьевцев должное впечатление. Они с угрозами двинулись в сторону станции Долинская. По пути, на станции Казанка, ими был произведен первый еврейский погром. За этим погромом последовал ряд погромов в близ лежащих деревнях, вдоль по железнодорожной линии Николаев — Знаменка.

Местности около станций Долинская и Снегиревка стали полем военных действий Григорьева, замаскировавшего до сего времени свои истинные намерения. Однако, в дни пасхи, нами была перехвачена телеграмма Григорьева, в которой он призывал Тютюнника „держатъ фронтъ противъ коммунистовъ“. Об этой телеграмме из Николаева по радио было сообщено в Киев. Положение в Николаевском, Херсонском и Александрийском уездах осложнилось: советские служащие и отряды красноармейцев избивались. Из Николаева был послан отряд кавалерии для водворения порядка; в этом отряде был один взвод конной милиции. Ему ничего не удалось сделать, а при отступлении, на ночевке в деревне Заселье, часть отряда была перебита, часть взята в плен. В числе убитых было 12 милиционеров.

Николаев хоронил первые боевые жертвы григорьевщины.

Вскоре, атаман Григорьев созвал в городе Александрии уездный съезд, на котором был принят знаменитый „Универсал атамана Григорьева“, об'явивший выступление против коммунистов и евреев.

Григорьев решил базироваться на зажиточном крестьянстве Херсонщины.

Началась решительная борьба с атаманом. Григорьев снова занял железнодорожные пути, ведущие из Николаева в Харьков и Екатеринослав. Ставка атамана Григорьева была в первое время в Александрии. Его передовые отряды заняли станцию Снегиревку, Долинскую и Новую Полтавку. Эти отряды производили постепенную мобилизацию сил. Повстанческая волна постепенно приближалась к Николаеву. Свои главные силы Григорьев направил на Екатеринослав.

VI. ВОССТАНИЕ МАТРОСОВ В НИКОЛАЕВЕ

Во время этих событий, в самом городе Николаеве, во флотском полуэкипаже началось григорьевское и махновское движение матросов. По распоряжению из Киева, незадолго до этого, была начата мобилизация матросов. В николаевском флотском полуэкипаже собралось до 1.500 мобилизованных матросов, которые принесли с собой анархо-эсеровские и махновские настроения. Настроения эти усиливались по мере того, как кругом уезды охватывались повстанческим движением. Решено было провести во флотском полуэкипаже кампанию против анархо-эсеровской агитации. Устроенные 2 собрания,

однако, не обнаружили подлинного настроения матросов; очевидно лево-эсеровская организация вела свою работу с большими предосторожностями. Положение было тем более критическое, что наши лучшие силы, в лице спартаковцев и партийных дружин, занимали позиции за городом против наседающих повстанцев. И вот, в те дни, когда григорьевщина, дойдя до своего апогея, начала заливать подступы к Николаеву, а мы спешно укрепляли позиции, дабы оборонять город от идущей на нас волны, Николаевский флотский полуэкипаж выступил против Советской власти. На одном из воскресных митингов председателю Исполкома не дали говорить. Ему были пред'явлены требования „свобода для всех социалистических партий и упразднение чрезвычайки“. Вечером, когда часть флотского полуэкипажа получила предписание выступить на позиции против григорьевщины, объявлена была сходка матросов. На этой сходке выступали с антисоветскими призывами матросы Проскуренко и Евграфов. Сходка приняла резкую резолюцию против Исполкома и вызвала через своего представителя Проскуренко во флотский полуэкипаж уполномоченного правительства тов. Скляра. Тов. Скляр, уполномоченный правительства, я (начальник гарнизона), тов. Белов (военком города Николаева) заседали в Военном Комиссариате. Обсудив дерзкий вызов Проскуренко, мы дали ответ, что не нам, а ему надлежит немедленно явиться в Военный Комиссариат. В ответ на это Проскуренко заявил от имени матросов флотского полуэкипажа, что не признает Военного Комиссариата. Из этих кратких переговоров стало совершенно очевидно, что флотский полуэкипаж перешел к повстанцам. Я отдал распоряжение по вооруженным частям города Николаева немедленно окружить флотский полуэкипаж и взять его приступом. Спартаковцы получили приказ сняться с загородних Водопойских позиций и наступать на флотский полуэкипаж с восточной стороны; караульный батальон получил распоряжение наступать со стороны Садовой улицы, Городская милиция — со стороны Адмиральской улицы. Две дружины: Коммунистическая и с.-д. независимцев должны были атаковать флотский полуэкипаж со стороны завода Руссуд. По истечении 2-х часов выяснилось, что партийными дружинами заняты позиции на заводе Руссуд, Спартаковцы, которые были два дня без смены на позициях, не успели во время провести наступление. Городская милиция отказалась наступать, а караульный батальон перешел на сторону флотского полуэкипажа. Флотский полуэкипаж совместно с караульным батальоном успели заручиться также нейтралитетом артиллерийских частей. Таким образом, в моем распоряжении остались только 2 партийные дружины, батальон ЧК, охранявший свои учреждения, и 2 роты спартаковцев, которые частью занимали позиции на станции Водопой, а частью, вернувшись в свои казармы, решили соблюдать строгий нейтралитет. Стало очевидно, что о взятии флотского полуэкипажа не может быть и речи.

Вместо наступления, мы принуждены были перейти к обороне. Мы решили занять часть города: бульвар на берегу Ингула, гауптвахту, военный комиссариат, бывший дворец и здания, занимаемые батальоном ЧК, с тем, чтобы дать здесь бой флотскому полуэкипажу.

Бой начался на рассвете и был вначале для нас удачным: 2 наступления матросов были отбиты. Однако, к полудню выяснилось, что на сторону флотского полуэкипажа стали переходить все, донныне нейтральные, части караульного батальона. Еще хуже: флотский полуэкипаж, не располагавший достаточным количеством винтовок, стал обогащаться винтовками из городской милиции. Наступление на батальон ЧК было также отбито с некоторыми потерями для матросов. Во время операции с нашей стороны из строя вышел наш единственный броневик. Надежда выдержать бой до конца возлагалась на спартаковцев. Однако, ни мои уговоры, ни уговоры председателя Исполкома, тов. Соколова, не в состоянии были привлечь к этому делу упорствующих спартаковцев. Между тем, повстанцы разлились по всему городу и постепенно стали проникать на территорию, занимаемую нашими дружинами и батальоном ЧК. Стало очевидно, что продержаться до следующего дня будет невозможно.

Ввиду этого, со стороны председателя Исполкома, тов. Соколова, по телефону было сделано предложение Проскуренко и флотскому полуэкипажу прекратить кровопролитие и установить перемирие, на что Проскуренко согласился. Для заключения перемирия наши представители должны были явиться во флотский полуэкипаж. Ясно, что в числе этих представителей должны были быть все Советские власти: председатель Исполкома, военком и уполномоченный Правительства, тов. Скляр. Я считал требование такой явки подозрительным и угрожающим; однако, не желая вызвать подозрения в трусости, решил также отправиться во флотский полуэкипаж. Во флотском полуэкипаже во дворе происходил митинг матросов, караульного полка и всех тех, кто в течение боя присоединился к повстанцам. Во флотском полуэкипаже я, т. т. Соколов, Скляр и Белов были немедленно арестованы. Матросы Проскуренко и Евграфов бросились на нас с угрозами. На митинге был поставлен вопрос о нашем расстреле. Начались дебаты, в которых перечислялись все грехи и проступки Исполкома, уполномоченного Правительства, тов. Скляра, и военкома; упоминались „невинные жертвы“ из числа матросов. Так как комната, в которой мы сидели в качестве арестованных, выходила окнами во двор, то все споры были слышны. Проскуренко и Евграфов несколько раз являлись к нам, указывая на то, что должны быть расстреляны т. Скляр и военком Белов. Считаю, что дело все равно проиграно, я сделал попытку испугать бандитов, заявив, что нами дана радиотелеграмма в Одессу о высылке подкрепления и что, в случае нашего расстрела, все участники восстания будут повешены. Это заявление оказало некоторое

воздействие на Проскуренко, который не будучи уверенным в победе Григорьева, выступил на митинге с предложением не допускать расстрела. После двухчасовых дебатов к нам в камеру пришел один из моих знакомых матросов и заявил, что среди матросов полуэкипажа произошел раскол. Произведенное голосование сложилось в нашу пользу. После этого нами был заявлен отказ оставить флотский полуэкипаж до тех пор, пока не будет освобожден также т. Скляр, на расстреле которого особенно настаивали. Было принято предложение о том, чтобы тов. Скляр и я отчитались перед собранием гарнизона на Думской площади. Это решение было внесено, главным образом, благодаря струсившим Проскуренко и значительной группе матросов флотского полуэкипажа. Вся масса солдат и матросов отправилась на Думскую площадь, на которой тов. Скляр и я выступили с длинными речами. Нам удалось несколько охладить страсти. Собрание окончилось постановлением о созыве заседания Исполкома совместно с представителями восставшего гарнизона. Через час в зале Совета собрались представители Исполкома и гарнизона. Членами Исполкома было решено довести это заседание до абсурда. Вместо сложившего свои полномочия военкома тов. Белова, военкомом и начальником гарнизона был избран Проскуренко. Против этого мы не возражали, желая возложить всю ответственность за порядок в городе на него, как на главаря всей истории. Этим постановлением, весьма льстившим честолюбию Проскуренко, мы решили связать его в его действиях, ибо было совершенно очевидно, что город в данный момент находится все равно в руках восставшего флотского полуэкипажа и прочих военных частей. На этом же собрании матрос Евграфов, без всякого назначения и выбора, по собственному почину, вызвался быть комендантом.

К вечеру стало известно, что, несмотря на наше перемирие и постановления гарнизонного собрания, в городе начались обыски и аресты ответственных работников и грабежи. Назначение Проскуренко начальником гарнизона умерило пыл матросов, но далеко не ликвидировало всех эксцессов. ЧК была разгромлена, а председатель, тов. Абашидзе, и несколько других товарищей убиты. Ночью было решено, чтобы т. т. Скляр, Соколов и я перешли на нелегальное положение. Товарищ Соколов и бывший комендант города, тов. Рожанский, попытались пробраться в Одессу для информации о создавшемся положении. Однако, на Варваровском мосту тов. Соколов был арестован. Т.св. Рожанскому удалось вырваться и скрыться в городе. Ночью был арестован также военком Белов. Лозунги повстанцев „против коммунистов, жидов и ЧК“ распространялись по городу. Мы предупредили Проскуренко и возложили всю ответственность на него за могущий произойти погром. Чтобы отвлечь внимание матросов флотского полуэкипажа в другую сторону и подчеркнуть свое расхождение с

Григорьевым, Проскуренко решил совершить поход на ст. Заселье, Снегиревку и Херсон.

На следующий день, по настоянию членов Исполкома, был созван пленум Совета совместно с фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами. Пленум состоялся вечером в большом кино-театре. В нем приняли участие все ответственные работники, пребывавшие в подпольи. Герои переворота надеялись на отставку Исполкома. Однако, этого не случилось: пленум Совета выразил Исполкому полное доверие, пополнив Совет только представителями от армии и флота. Кроме того, на пленуме был поставлен вопрос о немедленном освобождении арестованных т. т. Соколова, Белова и др. Комендант города Евграфов на пленуме Совета пригрозил револьвером; это вызвало общее возмущение членов Совета, которые, встав со своих мест, выгнали из зала заседания Евграфова. Наконец, нам удалось склонить на свою сторону державшихся до сего времени нейтрально спартаковцев. Спартаковцы, узнав об аресте председателя Исполкома тов. Соколова и военкома тов. Белова, решили их освободить. Спешно обе роты спартаковцев были вооружены и направились с пулеметами на взятие флотского полуэкипажа. Они застигли матросов врасплох. Товарищи Соколов и Белов были освобождены и явились в заседание пленума Совета. В результате, пленум Совета постановил призвать повстанцев к порядку, при чем поддержать это постановление силой оружия.

Принимая во внимание могущее произойти после этого решения кровопролитие, было решено сохранить постановление о вхождении в Исполком трех представителей от гарнизона. Должность начальника гарнизона была сохранена за Проскуренко, так как большая часть гарнизона состояла из частей ему подчиненных. При военкомате, в качестве уполномоченного Исполкома, был поставлен я.

Таким образом, в Николаеве временно установилось некоторое равновесие сил: с одной стороны, Исполком и Совет, с другой стороны, — флотский полуэкипаж и часть гарнизона. Товарищ Скляр и некоторые другие ответственные работники находились под покровительством спартаковцев на нелегальном положении. Создавшееся перемирие мы решили использовать для информации Одессы и Киева, для вызова подкрепления и восстановления Советской власти. Однако, вскоре обстоятельства еще ухудшились. Атаман Григорьев, разбитый под Екатеринославом, стал отступать в сторону Николаева. В Николаеве был созван вновь пленум Совета, который постановил дать решительный отпор атаману Григорьеву. На пленум Совета явился уполномоченный Григорьева, украинский офицер, прочитавший „Универсал“ атамана Григорьева с угрозой немедленно занять город Николаев всеми 12 эшелонами, расположенными, якобы, за станцией Горохово. Т. т. Соколов и Салтанов выступили с призывом к оружию всех рабочих Николаева, чтобы дать отпор наступающим погромщикам

и выбить из города измену в лице анархистов и эс-эров. Совет единодушно отозвался на призыв. Все бросились на Думскую площадь к гауптвахте; в самый короткий срок было разобрано имеющееся оружие, и все отправились на позиции для защиты города.

Комендант Евграфов исчез из комендатуры и стал во флотском полуэкипаже готовить новое выступление. Проскуренко, державшийся до сих пор двойственной политики, не будучи уверен в победе григорьевцев, решил присоединиться к рабочим. К рабочим присоединились также некоторые части флотского полуэкипажа и спартаковцев. К утру были сформированы два внушительные отряда, из которых один должен был занять окраины города, а другой — отправиться по железно-дорожной линии и занять станцию Водопой. К величайшему изумлению, в числе добровольцев, отправлявшихся против Григорьева, оказался значительный отряд матросов, в составе 500 человек, при 4 орудиях и пулеметах, во главе с матросом-анархистом Евграфовым. Я лично сомневался, чтобы отряд Евграфова являлся надежным, но считал, что удаление его из города является во всяком случае, для нас выгодным и необходимым.

После отправки этих отрядов, в заседании Исполкома было решено: продолжать вооружение рабочих, призвать к охране города милицию и караульные части и назначить руководителем этих операций меня. Разведка наша донесла, что григорьевцы, потесненные от Екатеринослава, отступают на юг целыми эшелонами. Часть их высаживается из вагонов и расходятся по деревням, а часть, во главе с атаманами Тютюником и Ясинским, прошла станцию Явкино и приближается к Николаеву. Определялось даже число наступающих в 7 тысяч человек. Сведения эти, как позже выяснилось, оказались преувеличенными. В течение наступившей ночи нами был развернут целый фронт от реки Ингула до Буга на протяжении около 4 верст, заняты все подступы к городу. При установлении частей на этом фронте, были учтены все возможности обмана и предательства. С этой целью, все матросские части были расположены на левом фланге около реки Ингула, в центре по линии кладбища расположены колеблющиеся караульные части и милиция, а на правом фланге, около реки Буга, по линии железной дороги, исключительно партийные дружины и рабочие. В тылу их находились судостроительный завод Наваль и вокзал: в резерве были оставлены спартаковцы.

На рассвете стало известно, что передовые отряды матросов, во главе с Евграфовым, перешли на сторону григорьевцев, которые заняли станцию Водопой. После незначительной перестрелки выяснилось еще более серьезное обстоятельство: переход на сторону григорьевцев левого фланга матросов, расположенных у реки Ингула. Таким образом, еще до начала боя, фронт был открыт. Оставшиеся в центре караульные части и милиция не внушали никакого доверия, и

рабочие, расположенные на правом фланге, рисковали быть отрезанными. Перестроить весь фронт в самом городе, снять моряков и милицию не было уже времени. В силу таких обстоятельств, Исполком решил снять партийные дружины и рабочих с окраины города и отступить за Варваровский мост на реке Буге. Это решение было принято для того, чтобы избавиться совершенно от предателей моряков, от продажной милиции и прочих ненадежных частей, развязаться с сомнительным Проскуренко и сплотить все силы, преданные Советской власти. Так как не все получили своевременно приказ, число отступивших было невелико. За Варваровский мост отошел Исполком, рота спартаковцев, часть партийных дружин и четвертая рота караульного батальона, всего около 600 человек при 12 пулеметах, без артиллерии. Мост был разведен, мы заняли позиции на Варваровском мосту. В это время в город вошли григорьевские и махновские части и братающиеся с ними николаевские матросы. На Варваровском мосту завязался бой. Атаки григорьевцев и матросов на мосту были отбиты спартаковцами; перестрелка продолжалась в течение целого дня, не давая никаких результатов. За это время наступающие установили батарею и стали обстреливать село Варваровку. Так как мы не имели орудий, то считали бесполезным сидеть под обстрелом и решили вывести наши части из сферы орудийного огня и перенести лагерь в местечко Ламбертово, в 14 верстах от Николаева. Здесь собрался и Исполком. Тов. Рожанскому было поручено установить телефонную и телеграфную связь в селе Красном с Одессой. Тов. Соколов и Гордон поехали в Одессу для информации о положении вещей. Тов. Скляр, уполномоченный Правительства, остановился в с. Нечаянном.

В Ламбертово был выработан план дальнейших действий и высланы разведчики в Николаев, в сторону Очакова. На второй же день выяснилось, что Григорьевское движение и повстанчество распространилось не только в городе Николаеве и по восточной стороне Буга, но перебросилось и в Одесский уезд, в частности — в Очаковский гарнизон и немецкие колонии, расположенные в Одесском уезде. Вскоре пришло известие о восстании немцев-колонистов и ближайших сел Нечаяновской волости. Очаковский гарнизон выступил по направлению к Ламбертово и занял местечко Анчикрак. Как будто враждебное положение по отношению к нам заняли также деревни Большая и Малая Корениха. Таким образом, мы очутились между трех огней: с одной стороны Николаевский фронт, с другой стороны фронт повстанцев в селе Нечаянном, а с боку неопределенная позиция Очаковского гарнизона в Анчикраке. Стало ясно, что повстанцы со стороны Нечаянного имеют намерение прорваться к Николаеву и соединиться с григорьевцами. Восставшими кулаками и колонистами были убиты и растерзаны тов. Скляр и находившиеся с ним в с. Нечаянном 14 коммунистов. Одновременно началось наступление повстанцев на

Ламбертово. Дальнейшее пребывание в Ламбертово стало невыносимым. Решено было провести быстрый маневр: установить на всех путях к Ламбертово отдельные сторожевые посты, реквизировать в близлежащих деревнях подводы и на них весь наш отряд вечером перебросить на север, чтобы, обогнув фронт колонистов, ударить им в тыл. Для этого нужно было проделать до 20 верст.

На рассвете наши части вышли на высоту села Нечаянного с севера и стремительно напали на фронт колонистов и повстанцев, линия которых была растянута верст на 10. Задачей нашего наступления было — прорвать повстанческий фронт, разделив его на две части и оставив к северу немцев-колонистов, а к югу нечаянновских повстанцев. Бой, начавшийся в полдень, продолжался до вечера. На стороне повстанцев было абсолютное превосходство сил, но отсутствие у них орудий делало наше наступление уверенным. Повстанцы развили пулеметный и бомбометный огонь на дальнем расстоянии, на который ни спартаковцы на левом фланге, ни наши партийные дружины, расположенные в центре, не могли ответить. Только после значительного приближения партийные дружины решили перейти в атаку. Спартаковцы, шедшие в течение нескольких часов без единого выстрела, открыли пулеметный фланговый огонь, что дало возможность партийным дружинам быстро овладеть центральным курганом, занимаемым повстанцами. После прорыва центра, повстанцы начали отступать, караульная рота повела наступление к северо-западу на немцев-колонистов; партийные дружины и спартаковцы направились прямо на село Нечаянное. Началось паническое бегство повстанцев. К вечеру село было пусто, не осталось ни живой души: все население села бежало по Одесской дороге в сторону села Красного. Вечером, с наступившей темнотой, разыгрался бой в лесу, где засели более упорные повстанцы из бывших фронтовиков под предводительством офицеров из немецких колонистов. Лес был занят спартаковцами, которые уничтожили сопротивляющихся.

Разгром нечаянновских повстанцев оказал отрезвляющее впечатление на Очаковский гарнизон, расположенный в селе Анчикраке. Реквизировав в селе Нечаянном еще сотни подвод, наш отряд двинулся на Николаев, куда с севера, со стороны Гурьевки, вступал уже Одесский 49 полк. Григорьевцы и восставшие матросы поспешно очистили город Николаев и бросились в сторону Херсона. Таким образом, после 4-х дней, город Николаев вновь был занят Советской властью. За эти дни Николаев подвергся грабежу и разгрому; погибло до 100 человек.

Среди григорьевцев шло разложение: часть восставших матросов окончательно порвала с ними, часть рассеялась по окрестным деревням, часть, соединившись с махновцами, перебросилась за Днепр в Алешки.

VII. В ПОВСТАНЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

После изгнания григорьевцев и махновцев из Николаева, власть Исполкома была восстановлена в полном объеме. Однако, в городе заметное значение и влияние получил 49-й украинский полк, который, как и все украинские полки, был скомплектован недавно и далеко еще не дисциплинирован. Сам командир пьянствовал и развратничал, ему подражал его штаб. Действия командира полка и штаба деморализовали и разлагали полк.

Полком было присвоено частью имущество расформированного крымского полка, флотского полуэкипажа, конного эскадрона и многих складов, им производились частые обыски, реквизиции и конфискации в самом городе. Командир полка Бражников смотрел на Николаев, как на покоренный город.

Получив назначение на должность начальника гарнизона и военного комиссара, я вступил в решительную борьбу с Бражниковым. Борьба эта оказалась весьма трудной, так как в моем непосредственном распоряжении был лишь небольшой караульный батальон, который находился в периоде организации и должен был принять на себя всю охрану и караульную службу в городе. В течение двух недель этот батальон был доведен до 90 человек. Взаимоотношения Бражникова с Исполкомом все более и более обострились.

Приехавший в Николаев уполномоченный Правительства тов. Иоффе отдал категорическое распоряжение Бражникову подчиниться в городе начальнику гарнизона, а адъютанта Бражникова, тов. Липченко, уволить с должности коменданта города. Вместо Липченко, комендантом города был назначен тов. Рожанский. Это взвинтило Бражникова: он стал чинить всевозможные неприятности караульным частям гарнизона, а в уезде затянул дело с ликвидацией повстанцев.

49 полк был, наконец, сменен нашим караульным батальоном в несении караульной службы; наступила пора полку отправляться на фронт. В это время стало известно окончательно об измене на денкинском фронте атамана Махно. Поступавшие с фронта сведения говорили о необходимости сосредоточить на денкинском фронте крупные силы. Из Одессы, от окрвоенкома, товарища Краевского, было получено предписание 49-му полку выступить. Бражников всячески оттягивал это выступление под всевозможными предлогами: то представлял Исполкому и военному комиссариату невыполнимые требования по обмундированию полка, то производил по окрестным деревням мобилизацию лошадей, то требовал громадное количество топлива и продовольствия. Из окрестных деревень стали поступать на него жалобы. Наконец, полковым комитетом было возбуждено обвинение против Бражникова в растрате полкового имущества, пьянстве и в измене. Выяснилось, что Бражников и его штаб ведут в полку

кампанию против Исполкома и готовят новый повстанческий переворот, а об отправке полка на фронт даже не помышляют.

После подробного разбора дела Исполком постановил арестовать полковника Бражникова и его штаб. Арест был произведен в Московской гостинице, где в это время происходила оргия Бражникова и его штаба с женщинами. В гостинице были найдены награбленные золотые и серебряные вещи и обнаружена переписка с белогвардейцами, а на допросе окончательно выяснена связь Бражникова с денкинцами. Бражников и его соучастники были расстреляны, а полк, под начальством нового командира, отправлен на Екатеринославский фронт.

После измены Махно и с наступлением Деникина разгорелось всеобщее повстанческое движение по Херсонскому, Николаевскому и Одесскому уездам. Восставали одни кулацкие деревни за другими. Николаевским караульным частям, спартаковцам, партийным дружинам пришлось снова начать походы в окрестные деревни для умиротворения кулаков и колонистов.

Особенно сильное восстание разразилось в окрестностях города Одессы и по линии железной дороги около станции Колосовка - Вознесенск до станции Помощная. Николаевскому гарнизону предписано было выделить части на помощь городу Вознесенску и на станцию Помощную, а также послать все конные части в Одессу для усиления сформировавшегося там конного полка. Силы Николаевского гарнизона постепенно истощались. Чувствовался особенно острый недостаток в патронах. Посланный из Вознесенска транспорт на пароходе был захвачен, около села Гурьевки, повстанцами.

В эти тяжелые дни было решено произвести мобилизацию 15 возрастов рабочих в Красную армию. Для содействия этой пролетарской мобилизации, из Киева приехали представители правительства. Мобилизация по городу Николаеву дала хорошие результаты. Было принято более 7.000 человек, преимущественно членов профсоюзов. Но трудна была отправка мобилизованных на север. Первый эшелон, отправленный через станцию Долинская, подвергся нападению и ограблению со стороны григорьевцев. После этого мобилизованные требовали оружия, которого в Николаеве не было. Стали отправлять эшелоны мобилизованных через Вознесенск и Помощную. Иная картина была с мобилизацией в уездах. Из деревень на сборные пункты являлись только единицы. Это объяснялось всеобщим повстанческим движением и горячим для крестьянина сезоном уборки урожая. Еще хуже обстояло дело с мобилизацией лошадей. Приходилось прибегать к принудительной мобилизации, что приводило к столкновениям. Правда, бывали случаи, когда из некоторых деревень появлялись целые группы крестьян и просили отправить их против денкинцев. Так из Антоновско - Привольнянского района явился целый эскадрон

с лошадьми и вооружением. Такие группы отправлялись немедленно на Екатеринославский фронт. Вместе с мобилизацией рабочих, шла регулярная мобилизация коммунистов и членов правлений профсоюзов, которые зачислялись в маршевые роты и сопровождали их на север к месту назначения. Из оставшихся в Николаеве коммунистов, с.-д. интернационалистов и членов профсоюзов были организованы дружины, для которых были назначены строевые занятия. Это были все свои люди, на которых можно было положиться, но, как боевой материал, дружины были все же не крепки: здесь были люди разных возрастов и разной подготовки. Наряду с всеобщей мобилизацией, в городе Николаеве шла еще вербовка для формирования отдельной стрелковой бригады тов. Дмитриева. Эта вербовка в сильной степени дезорганизовала всеобщую мобилизацию. Зато у энергичного тов. Дмитриева выросло 4 батареи с 12 орудиями, эскадрон кавалерии и около 1100 человек пехоты. Формирование этой бригады шло три недели, после чего Дмитриевские партизаны отправились на Екатеринославский фронт.

После всех этих мобилизаций, Николаев был сильно обескровлен и с большим трудом справлялся с происходившими в окрестностях восстаниями. Кто только не черпал силы из Николаева! В начале августа месяца восстала Червонная, в 7 верстах от Николаева на левом берегу Буга; к ней примкнула позже деревня Терновка. Для умирения Червонной была выслана караульная рота и партийная дружина. В начавшемся бою караульная рота отступила, оставив на позициях партийную дружину, которая вела упорный бой, но была окружена подавляющей массой повстанцев и перебита. В этом бою погибло до 30 товарищей коммунистов, социал-демократов независимцев и беспартийных рабочих. Обстрелом из орудий деревня была очищена от повстанцев. Население пришло с повинной, сдавая винтовки. Но не прошло и двух дней, как поднялось новое восстание в соседних окрестных деревнях и колониях.

Во главе повстанцев стали немцы-колонисты и, очевидно, скрывавшиеся белогвардейцы. Червонная и Терновка и на этот раз присоединились к повстанцам. Вследствие отсутствия у нас патронов было решено вести бой исключительно артиллерийский и на близком расстоянии. Снарядов в Николаеве было неисчерпаемо много, поэтому мы снарядов в бою не жалели. Повстанцы подходили почти к Ингульскому мосту, но полевые орудия заставили их отступить. Так без передышки Николаев отбивался от повстанцев в течение всего августа 1919 года.

В августе месяце, уходя от наступающих денкинцев, Красная армия бросилась к Днепру. Часть ее переправилась через Днепр, заняла Херсон и докатилась до Николаева. Части, расположившиеся вдоль реки Днепра и под Екатеринославом, вели упорные бои с денкин-

цами; части, отступавшие от Херсона далее на Николаев, подверглись разложению. Они таскали с собой повозки, фургоны, экипажи и всякую домашнюю утварь. Настроение армии было полумахновское. Правда, на линии Днепра и под Екатеринославом она дралась великолепно, но скоро теряла боеспособность. В первую очередь в Николаеве появились отдельные отступающие отряды, а за ними штаб во главе с начальником Гапонцевым. Штаб этот прибыл в составе ряда эшелонов и поездов, в которых оказались не только отступающие войсковые части, но и всевозможное имущество из Крыма. В Николаеве образовалось скопление отступающих частей. Поведение некоторых из них было вызывающее: антисоветское и погромное. Штаб, очевидно, не в состоянии был принять нужных мер. Стало ясно, что Днепровский фронт в угрожающем положении.

По распоряжению из центра, нами был образован Совет Обороны Николаевщины и Херсонщины, в состав которого вошли в Николаеве: председатель Исполкома — т. Соколов, я, как военком, компрод — т. Чигрин, предсовнархоза — т. Гиллер и прибывшие из центра т. т. Аким и Семен Шварц. Совет Обороны должен был задержать отступающие части и организовать местные по линии реки Днепра. Мы решили из Николаева перебросить лучшие наши силы на Днепр и Перекоп: выделили отряд спартаковцев, флотский полуэкипаж и две роты караульного батальона при двух батареях. Высланные на Днепр части вступили в распоряжение реорганизованной из Крымской армии 58 дивизии.

В эти же дни, по распоряжению из Киева, был эвакуирован из Николаева железнодорожный батальон и батальон ЧК. Таким образом, Николаев остался буквально без всяких местных регулярных сил.

Николаевские части, отправленные на Перекоп, дошли до Херсона, где, будучи объединены с местными Херсонскими частями, образовали фронт по берегу Днепра. Эти группы должны были удерживать наступающих денкинцев от переправы через Днепр. Одновременно, был усилен гарнизон города Очакова: туда были посланы две полевые батареи для охраны входа в Днепровский лиман со стороны военных судов Антанты и Деникина. Но эти легкие орудия были недостаточны. Тяжелые орудия Кане были без замков. Во главе Очаковского гарнизона стоял тов. Чижиков¹⁾, работавший имевшимися в его распоряжении орудиями.

Между Очаковским гарнизоном и военными судами происходили частные бои, в то время, как Днепровский фронт укреплялся и усиливался местными силами.

¹⁾ Упомянутый здесь т. Чижиков — это Макар Чижиков, пом. нач. Одесской Красной Гвардии, портрет которого был помещен в № 3 (8) „Летописи Революции“

VIII. 58 ДИВИЗИЯ В НИКОЛАЕВЕ

Начальник дивизии Федько, заменивший Дыбенко, перенес свой штаб в Николаев.

Штаб расположился на станции. Сюда прибыли отступающие части дивизии. Первая бригада дивизии, под начальством Кочергина, оставалась на линии Знаменка—Долинская. Махновское разложение началось с этой бригады. Дело кончилось разгромом штаба и переходом бригады на сторону Махно. Разложение первой бригады было обусловлено отчасти теми тяжелыми боями, которые она выдержала, недостаточным обмундированием и т. п. Из Николаевских базисных складов было направлено на фронт обмундирование, но это запоздалое мероприятие не спасло положения. Тов. Федько принимались самые энергичные меры к восстановлению порядка как в самом Николаеве, так и на пути отступления в Херсоне и станции Долинской. Однако, установить порядок было трудно: разложение первой бригады оказало свое влияние также на части, расположенные в Николаеве, и в их среде имелись сторонники Махно, которые вели свою пропаганду преимущественно среди находившихся на бронепоездах матросов.

Ввиду скопления большого числа эшелонов с военным имуществом на станции Николаев и ввиду того, что из Николаева шла непрерывная эвакуация государственного имущества, решено было начать продвижение этих эшелонов с военным имуществом по железной дороге по направлению к станции Колосовка, на линию Одесской железной дороги. Это было тем более необходимо, что предвиделось отступление дивизии с Днестра на линию реки Буг. Однако, выполнение этого плана почему-то откладывалось.

А повстанческая волна в Николаевском и Одесском уездах снова заметно усилилась. Повстанцы стали снова подходить к самому Николаеву. Вся линия реки Буга и Ингула была охвачена восстанием. Жел.- дорожный путь от Николаева в сторону Колосовки был во многих местах разобран. Дальнейшую эвакуацию имущества из Николаева пришлось окончательно приостановить. Нам удалось в городе снова собрать и организовать небольшие части, но главный недостаток был в отсутствии патронов; приходилось бороться с повстанцами из полевых орудий. После обстрелов восставшие деревни очищались, но на следующие дни приходилось их брать опять с бою.

Эвакуация Николаева, налаженная было удовлетворительно, в свое время не была пущена полным ходом. Представители Киева, т. т. Аким, Семен и Потапов, высказывались против энергичной эвакуации; они твердили одно: никакой эвакуации, никакого отступления,—все должны оставаться на своих местах; так как из Киева идет подкрепление и т. д. Многие сомневались в правильности этого

взгляда. Приблизительно такого же свойства были и действия штаба. Против повстанцев дивизия располагала пехотой, артиллерией и бронепоездами. И они сидели со всеми эшелонами в Николаеве, в то время как в тылу кипело повстанческое движение, когда в тылу был наполовину деревянный мост через Буг, который мог быть уничтожен повстанцами в любой момент; это было, несомненно, ошибкой. Наконец, тов. Федько решил занять Гурьевский мост и принять меры к отводу эшелонов в тыл. Под начальством одного из командиров батальона были отправлены для занятия Гурьевского моста три отряда.

Ночью начался бой за обладание Гурьевским мостом. Отряд Белова был потеснен превосходными силами повстанцев, которых насчитывалось до 2.000 человек. Деревянная часть моста осталась за неприятелем. Облив эту часть моста керосином неприятель сжег ее. Вскоре мост запылал и к утру рухнул. В это самое время части дивизии, направленные по линии железной дороги, и спартаковцы ночевали в нескольких верстах в поле, не взвешивая значения происходившего за обладание мостом боя. Таким образом, единственная железнодорожная линия отступления была разрушена. Части дивизии, расположенные в Николаеве, очутились в тупике, были сбиты с рельс. Такое положение вещей заставило штаб дивизии перестроить свой план. Было решено снять все военное имущество, продовольствие, амуницию и снаряжение с эшелонов и отправить на подводах по Одесскому тракту. Число подвод было достаточно. Требовалась только большая выдержка и энергичная работа по перегрузке имущества.

Однако, разложение в составе частей дивизии стало еще больше. Во многих частях стали агитировать за присоединение к атаману Махно, по примеру первой бригады.

По этому вопросу на ст. Николаев происходили митинги, которые вылились, наконец, в открытый бунт. Штаб дивизии был окружен. Начальник штаба, полковник Гапонцев, исчез и, говорят, бежал к денкинцам. Начдиву 58 тов. Федько пришлось выступать с речами убеждения. Достигнутое успокоение явилось только временным. В этот же день вечером в здании бывш. Городской Думы состоялось экстренное заседание Совета с командирами частей и с политкомами. Тов. Федько сделал доклад о происшедшем в дивизии и высказался за снятие фронта в Херсоне и образование новой линии обороны по реке Бугу, включая и Николаев. Он не думал, что придется отступить из Николаева. Сил для борьбы было еще достаточно. Больше всего беспокоил обход со стороны Нового Буга, Вознесенской и Елисаветграда махновцами. Положение в этом районе было совершенно неясное. В этом же заседании было постановлено реорганизовать штаб. Начальником штаба был назначен я. Начдив 58 тов. Федько принял на себя обязанности начальника гарнизона. Это было 16 августа.

Как только кончилось заседание и мы начали расходиться, со стороны станции донесся до нас гул оглушительного взрыва, и началась перестрелка. Оказалось, что часть бронепоездов, на которых команды состояли из матросов, настроенных по-махновски, решила направиться к Махно. Нужно было, во что бы то ни стало, помешать их уходу; завязался бой. По приказу тов. Федько, решено было взять бронепоезда и взорвать их. Это и удалось. От оглушительных взрывов бронепоездов город задрожал. Кем-то из предателей были зажжены пакгаузы. От пакгаузов пламя распространилось на поезда со снарядами. Оглушительные взрывы следовали один за другим, снаряды взлетали на воздух. Весь город озарился пламенем пожара, а над городом стоял гул и визг разлетающихся снарядов и шрапнелей. Всему городу грозила опасность. Были подняты на ноги местные команды, которым было поручено, вместе с железно-дорожными рабочими, отвести поезда со снарядами дальше от станций на внутреннюю железно-дорожную ветку в сторону завода Руссуд. Во время пожара кем-то был пущен слух о наступлении со стороны Херсона кубанских казаков Шкуро. Этот слух был преувеличен, так как наши передовые части были еще в 35 верстах от Николаева. Среди частей началось волнение и беспорядки.

Стали опустошать склады.

Сотни подвод с имуществом потянулись из Николаева через Варваровский мост на Одесскую дорогу. Вереница повозок растянулась на несколько верст. Я решил преградить путь этой отступающей волне и направил на Варваровский мост прод-батальон латышей и часть николаевских моряков. Им удалось приостановить бегство. Отступающие части были переправлены в село Варваровку с тем, чтобы там перестроить их.

Между тем, в городе продолжался грохот разрывающихся снарядов и пожар на вокзале, который, наконец, удалось локализовать.

На следующее утро тов. Федько перенес штаб дивизии в село Нечаянное (Козлово). Части 58 дивизии окончательно оставили город, в нем остался только Исполком (Совет Обороны), местные партийные дружины и караульные команды. В Николаев стали прибывать отступающие из-под Херсона части, которые заняли позиции на станции Водопой, чтобы оборонять город от наступающих денкинцев. Выяснилось, что число частей, обороняющих город Николаев было весьма незначительно; пришлось подумать о присоединении к ним николаевских партийных дружин. Исполкомом было решено произвести эвакуацию за Буг, в село Варваровку.

Настали последние дни Советской власти в Николаеве. 17 августа вечером стало известно, что даже Херсонский гарнизон уходит за Варваровский мост. На Водопойские позиции было оставлено каких-нибудь 800 человек. В городе было не более 400 человек партийных

дружинников, которые несли караульную службу по всему городу и должны были принимать участие в самой обороне города. Последнее совещание Исполкома и Совета Оборона происходило под моим председательством в Военном Комиссариате ночью, когда отряды генерала Шкуро вступили в бой с нашими отрядами на станции Водопо́й. В это время происходило передвижение последних учреждений и желающих отступать на другой берег Буга в село Варваровку. На рассвете мы переехали в село Варваровку. Артиллерийский бой с отрядами Шкуро усилился. Снаряды ложились в самом городе. К полудню наши незначительные части и партийные дружины отошли на Варваровский мост. Бой продолжался на реке Буге. Я переехал из Варваровки в штаб дивизии в село Нечаянное, где были сосредоточены отступающие из Николаева части дивизии. Здесь было решено устроить собрание частей, на котором мы выступали с требованием вернуться под Николаев, чтобы дать отпор нападающим частям генерала Шкуро. Выступления оказали воздействие: не менее 2.000 человек решило принять участие в бою. Часть отступающих расплзлась постепенно по разным дорогам: кто в сторону Одессы, кто в сторону Гурьевки и Вознесенска, в надежде присоединиться к атаману Махно, который к этому времени занял станцию Помощную.

Возвратившиеся под Николаев части вступили вместе с другими немедленно в бой с переправившимися офицерскими частями. В этом бою переправившиеся отряды были уничтожены и отброшены, правый берег Буга очищен. Однако, недолго пришлось держаться на линии реки Буга: позиции в селе Варваровке были для нас невыгодны, ибо обстреливались со стороны канонерки с фланга и могли быть обойдены отрядами казаков, которые направились вдоль реки Буга в сторону Вознесенска. После четырехдневного боя наши части стали отступать от реки Буга и ушли из-под Николаева.

IX. НА ПУТЯХ ОТСТУПЛЕНИЯ

Взятие Николаева денкинцами и переход Буга требовало перестроения фронта по линии железной дороги: Одесса — Вознесенск — Помощная с тылом железнодорожной линии: Помощная — Голта — Бирзула. 58-я дивизия, таявшая по путям отступления, частью перешедшая на сторону атамана Махно, частью расходившаяся по деревням, совершала свой отход двумя главными путями: вдоль по реке Бугу через Вознесенск и через село Нечаянное на станцию Колосовка. На крайнем восточном фланге вдоль по реке Бугу отступали, направленные еще раньше занятия города Николаева денкинцами, части спартаковцев и николаевских матросов, которые должны были пробиваться через повстанцев на Вознесенск, а затем, направляясь на станцию Помощная, выходить дальше на север в сторону Киева. Этот крайний

фланговый отряд более других способен был противостоять махновскому разложению. Отряд состоял из 300 спартаковцев и около 600 николаевских матросов при 5 орудиях и 12 пулеметах. Ему удалось пробраться через Вознесенск, выбив оттуда повстанческие отряды. Дальнейшее движение, однако, было закрыто окружившими их многочисленными отрядами, в которых число махновцев доходило чуть ли не до 10.000 человек. Завязался отчаянный бой, продолжавшийся несколько дней, в котором были исчерпаны патроны и снаряды. По заявлению вышедших из этого боя спартаковцев, уцелело их только 47 человек, которые, будучи обезоружены, были доставлены в штаб Махно. Тот хвалил их храбрость и сообщил им, что потерял в этом бою 2.000 человек. Таким образом, этот крайний восточный фланг 58-й дивизии был уничтожен. Махновцы вновь вошли в соприкосновение с менее устойчивыми частями, которые не считали особенно нужным вести борьбу с Махно.

С 18 по 22 августа штаб 58-й дивизии работал в селе Нечаянном. Работа штаба сводилась за эти дни к тому, чтобы удержать переправляющихся через Буг части деникинцев и привести в порядок остатки дивизии, а также к тому, чтобы изолировать дивизию от махновцев. Что касается 47-й дивизии, то она была еще в периоде формирования, и в ее составе был лишь один Очаковский гарнизон с товарищами Мокроусовым и Чижиковым во главе.

После пятидневного пребывания в селе Нечаянном в штабе дивизии, тов. Федько и я отправились в Одессу для выяснения создавшегося положения и для того, чтобы раздобыть хотя бы небольшой запас патронов, недостаток которых остро чувствовался по всему фронту. Части дивизии, в том числе и Очаковский гарнизон, должны были планомерно сниматься и отходить на линию Вознесенск — Колосовка.

В Одессе положение было еще более запутано. Силы Одесского гарнизона были значительны, но их устойчивость — весьма неопределенна, скорее сомнительна. Команда, с которой пробивался с севера тов. Затонский, частью добралась до Одессы, но мало обогатила части 58-й дивизии боевыми припасами. Отсутствие припасов во всей дивизии было настолько значительное, что ими нельзя было дать ни одного длительного боя.

Более устойчивое положение имела 45 дивизия, расположенная на Румынской границе под командой тов. Якира. Судьбу этой дивизии, однако, решила судьба Одессы.

На следующий день по прибытии в Одессу, я приступил к сдаче в Окружном Военном Комиссариате имущества Николаевского Военного Комиссариата и Николаевского караульного полка. В это время в городе началась перестрелка. Вскоре стало известно, что высадился белогвардейский десант под прикрытием военных судов Антанты и что в городе произошло выступление белогвардейцев.

Будучи уверен, что такой значительный гарнизон, как Одесский, справится с белогвардейским выступлением, я продолжал было сдачу, дел, но вскоре убедился, что сотрудники в окрвоенкомате частью растекались, частью преобразились в белогвардейцев и заговорили совершенно иным языком.

Мне с комендантом гор. Николаева и с комендантом военкомата удалось выбраться из окрвоенкомата и пробраться к вокзалу.

Вокзал был оцеплен нашими частями в то время, как в городе шла перестрелка. Оказалось, что на сторону белогвардейцев перешли Одесские гражданские учреждения с их служащими и частью городской милиция.

Мною было отдано распоряжение коменданту, тов. Ноинскому спешно отправиться в Центральную гостиницу, где был автомобиль, чтобы выехать к воинским частям. Однако, ему выполнить этого поручения не удалось. По позднейшим сведениям, в автомобиль на Пушкинской улице была брошена бомба, а тов. Ноинский и шоферы куда-то скрылись.

Между тем, шла бомбардировка города с военных судов Антанты. Снаряды ложились в районе вокзала и жел.-дор. линии.

Пробравшись на вокзал, я застал отходящий поезд, в котором находились некоторые работники города Одессы, а из Николаева — т. т. Аким и Шварц. Решил отправиться этим же поездом из Одессы. Несмотря на обстрел, поезд прошел благополучно. В следующем поезде, говорили, было разбито снарядами несколько вагонов. Главное внимание неприятеля было направлено, очевидно, на то, чтобы воспрепятствовать уходу, подготовленным на станции, эшелонам.

Наш эшелон добрался до станции Бирзула 23 августа. Город Одесса в течение нескольких часов стал добычей денikinцев. Все поезда, которые вышли из Одессы, остановились на станции Бирзула. Здесь собрался также Реввоенсовет Южной Армии, располагавший только одной целой 45 дивизией на Румынском фронте и частями отступающих 47 и 58 дивизий.

Вследствие сдачи Одессы части 45 дивизии, расположенные на Румынском фронте, принуждены были постепенно сниматься и отступать также на линию Бирзулы.

В течении нескольких дней положение выяснилось. Оказалось, что черноморское побережье, а также районы реки Буга до Вознесенска включительно, заняты денikinцами, надвигавшимися с одной стороны на Голту, с другой стороны из Одессы на Бирзулу. На линии Помощная и Ново-Украинка действовал Махно. На путях отступления у станции Валнярка, Христиновка и Умань оперировали Петлюра и разные атаманы. Наши части были окружены со всех сторон.

Единственный путь пробраться, и то пешим порядком, в сторону Киева был путь через Балту и Голту на Умань. Попытки пробиться

через станцию Вапнярка или же через станцию Помощную оканчивались неудачей.

Из Киева не было распоряжений о дальнейшем отступлении. Но не было сомнения и в том, что дальнейшее пребывание на линии Бирзула — Голта выгод не сулит, а, наоборот, постепенно разлагает части.

Главное зло заключалось не только в деникинцах — с его наступающими частями мы в состоянии были бы справиться, — а в тыловых операциях немецких колонистов, махновских и петлюровских повстанцев, которые парализовали наши действия и разлагали наши части. Нужно было, во что бы то ни стало, двинуть части либо в наступление, либо в отступление — на север.

На станции Бирзула образовался обширный военный лагерь: здесь были поезда с имуществом из Одессы, поезда с семьями советских служащих, с беженцами и эшелоны с войсками.

Несколько дней просидел и я на станции Бирзула. Выяснив, что отступающая 28 дивизия через Колосовку и Вознесенск проходит линию Голты, решил отправиться в Голту.

В Голте действительно прошли части 58 дивизии. Здесь чувствовалось настроение отступления, близость Махно, Заболотного и др. Циркулировали всевозможные легенды. Отставшие части думали, главным образом, о выходе из мешка и пробирались отдельными группами. Некоторые попадали в руки махновских раз'ездов или же петлюровцев, где партийные и советские работники подвергались уничтожению, остальных грабили и раздевали. Части, перегружаясь на подводы, стали подвигаться по линии наименьшего сопротивления — в сторону Умани. Иные отряды распылялись на части и пробирались, ведя стычки с повстанцами. В одном из таких отрядов предполагал перебраться и я. В неудачных скитаниях, от непрерывного нервного напряжения, я заболел. Местечко же Голта, где я находился, было занято каким-то конным отрядом махновцев. Собрав местное население в синагоге и наложив контрибуцию, махновцы заявили, что, если деньги не будут внесены в 48 часов, они вырежут все еврейское население Голты. Скоро, однако, махновцы исчезли и на смену им явились казаки.

В ночлежку, где я находился, стали наведываться с обысками подозрительные субъекты. Пришлось убраться и поселиться на ближайшем огороде. Здесь пробыл я около 3-х недель. Мой спутник с трудом добывал необходимую пищу, и мы вместе обдумывали планы, как выбраться из ловушки, в которую мы попали.

X. ДЕНИКИНЩИНА В ОДЕССЕ И НИКОЛАЕВЕ

Вслед за кубанскими казаками, Голту заняли деникинцы. Местная буржуазия и мещанство радовались появлению новой власти; высылались делегации. Устроили торжественный ужин генералу, говорили

приветственные речи, при этом подчеркивали, что время „анархии“ миновало и наступает новая счастливая эра „под сенью дружеских штыков“.

Но в ту же ночь в Голте начался еврейский погром: загуляли кубанские казаки. Как только стемнело, по всем трем местечкам (Голте, Ольвиополю и Богополю) поднялся душераздирающий крик. Мужские, женские и детские голоса сливались в море нечеловеческого стога, а среди этого крика шла редкая оружейная стрельба. Казаки ходили группами по домам и дворам, грабили, убивали и насиловали женщин. Деньги, золотые и серебряные вещи, самовары, подушки, ковры, матрацы и прочие вещи выносились на подводы и куда-то увозились. Несколько раз за ночь отдельные группы казаков и солдат проходили через огороды, где мы находились.

На следующее утро на базаре, по слухам, повесили несколько человек, которые, якобы, осмелились сопротивляться, когда казаки насиловали их жен. Делегации Общественного Комитета, отправившейся к генералу Слащеву, ответили, что беда невелика, если казаки немного погуляют и что „это только на три дня“. Итак, Голта была отдана генералом Слащевым „только на три дня“ на поток и разграбление. И действительно, три дня продолжались эти ужасы. В гостинице, на огороде которой мы пребывали, не было погрома, но зато здесь в номерах шли непрерывные оргии казаков с проститутками.

Мы находились дни и ночи на огороде и в саду, не имея при себе решительно никаких документов и самые ничтожные денежные средства. Три недели пришлось провести здесь, слушая оргии, происходившие в здании гостиницы. Наконец, нам удалось переменить наши головные уборы и обменять одежду. Мы выбрались из Голты, подкараулив товарный поезд, на котором и выехали в сторону Ново-Украинки. В наш план входило — пробраться на Знаменку, а отсюда на Харьков. Однако, этот план был несущественным, ввиду того, что Махно сосредоточил свои силы в районе Помощной, а денкивцы вели здесь, очевидно, его окружение. Поэтому, пришлось двинуться в сторону Одесского уезда. Пробравшись до Вознесенска, мы выяснили, что железные дороги и прочие пути занимают денкивскими патрулями и, при участии местных кулаков и колонистов, идет основательная охота на коммунистов и советских работников. Но в некоторых местах образовались уже группы повстанцев, настроенных враждебно против денкинцев и начинавших, пока еще в скромных размерах, против них боевые действия. Однако, связаться с этими группами было бы еще преждевременно. После мытарств, нам удалось в конце концов, пробраться в Одессу.

Прибыв в Одессу, мы очутились в критическом положении, из-за отсутствия документов и недостатка средств. Нам не удалось ни где

найти помещения; ходить же по улицам, разыскивая знакомых оставшихся в подполье, было опасно, так как в Одессе работала уже деникинская контр-разведка. Мой спутник случайно встретил одного из николаевских товарищей, давшего нам адрес т.т. Даргольцев.

Даргольцы сами были на нелегальном положении и жили временно у родных, которые содержали лавочку на Арнаутской улице.

Вечером, когда стемнело, я прошел к т. Даргольцу, где встретил т. Н. Мандельштама. Не прошло и часа, как дом был оцеплен отрядами полиции и солдат, и начался обыск. Во двор вошел пристав с солдатами.

Считая, что мне нечего терять, так как моя голова была оценена, я решил вылезть через окно во двор. Выскакивая в окно, я провалился в нишу перед окном подвального этажа. Пьяный пристав, бывший во дворе, подошел к окну, спрашивая, кто это вылез. Во дворе было совершенно темно; была слякоть и шел мелкий дождь. Начался обыск в квартире. Тем временем я выбрался из ямы. Прислонившись к стене дома, я постепенно продвинулся к под'езду, в котором было так темно, что на расстоянии нескольких шагов ничего нельзя было различить. Пробравшись к калитке, я увидел, что снаружи по тротуару ходит патруль из двух солдат. Улучив момент, выскочил в калитку и пустился бежать по Арнаутской. Патруль начал стрелять вслед, но мне удалось пробраться на базар, где я и спрятался в рундуке до утра.

Арестованные товарищи Дарголец и Мандельштам на следующее утро в участке были отпущены по имеющимся у них документам безработных и обруганы приставом бродягами. Оказалось, что ночная облава разыскивала самогонщиков.

На следующий вечер тов. Дарголец привела меня к одному из одесских с.-д., тов. Брин, где решено было поселить меня до получения соответствующих документов. Там я прожил около 2-х недель, не выходя абсолютно из квартиры. За это время удалось связаться с находившимися в Одессе в подполье коммунистами, которые достали мне паспорт и небольшие средства. Пребывание у т. Брина вскоре сделалось невозможным, так как его жена заболела тифом. При помощи т. Дарголец, я устроился у т. О. в качестве учителя и стал заниматься с детьми. Пребывание в таком подполье было весьма тяжелым, ввиду отсутствия средств, холода и голода, а также абсолютной невозможности показаться, где бы то ни было. В Одессе шла широкая работа контр-разведки. Целые отряды контр-разведчиков, посланные из Николаева, разыскивали николаевских работников. Ткрьмы были переполнены, каждый день производились истязания и расстрелы. Трупы коммунистов из контр-разведки ежедневно вывозились за город.

В эти дни из николаевских работников были арестованы т.т. Соколов, Гордиенко, Пархоменко, Рожанский, Бурмистров, спартаконцы — Ромберг, Талгот и другие и были водворены в николаевскую каторжную тюрьму. Шел разгул самой черной реакции.

В Одессу приезжал Деникин в качестве „Правителя Юга России“. Одесса торжественно встречала этого генерала, спасителя самодержавия. Во встрече принимало активное участие все одесское мещанство.

Ничтожна в это время была роль одесской организации меньшевиков, считавшейся при Деникине легальной организацией. Организация была деникинцам полезна тем, что меньшевистская одесская газета „Южный рабочий“ усыпляла рабочих, призывая их к спокойствию и доказывая возможность нормального существования и работы при военно-полевой юстиции генерала Деникина. Меньшевистские лидеры, в лице Коробкова, Астрова и других, вели по разным случаям разговоры в то время, как среди бела дня происходил неслыханный террор, шли массовые расстрелы не только коммунистов, но и всех сколько-нибудь причастных к революции.

Меньшевистская организация Одессы участвовала в выборах в Одесскую Городскую Думу, реставрированную в лице одесских зубров — Пеликана и его присных.

Вакханалия деникинских офицеров и разгул в одесских кафе сопровождалась бесцеремонными обысками и грабежами. Примеры деникинских офицеров были заразительны: грабеж дошел до неслыханных размеров. Число бандитов в Одессе разрослось в это время, по слухам, до 40.000. Хождение по улицам с наступлением вечера сделалось невозможным. В декабре месяце раздевали, например, на главных улицах — Дерибасовской и Преображенской уже не по ночам, только, а и среди бела дня.

Разложение пошло особенно быстрым темпом в январе месяце, когда в Одессе стали появляться, отступающие с различных фронтов, деникинские части и дезертиры. Вся бывшая полиция и жандармерия, эвакуируемая из Киева и Харькова, а также выезжавшая из различных городов, занимаемых советскими войсками, контр-революционная интеллигенция заполнила мутной волной всю Одессу. Весь город: кафе, рестораны, гостиницы и прочие дома кишели полицейскими, жандармами, казаками, дезертирами, контр-революционной, погромной интеллигенцией. Стали поговаривать о всеобщем погроме в Одессе. Погром этот наверно произошел бы, если бы в Одессе не было представителей Антанты, с которыми деникинская власть все же не могла не считаться.

В то время, как в Одессе шло самое быстрое разложение и деморализация деникинских частей, с одной стороны, и разгул деникинского командования и офицерства — с другой, в городе Николаеве держался жестокий режим генерала Слащева. Каторжная тюрьма была переполнена, регулярно шли расстрелы по приговору военно-полевого суда. Т.т. Соколов, Гордиенко, Рожанский, Пархоменко и другие ждали своей очереди. Генерал Слащев распространил свою террористическую систему управления не только на город Николаев,

но и окрестные селения, которые восставали одно за другим. Так была разгромлена деревня Терновка под Николаевым, потом последовал разгром „Баштанской республики“; за ней следовал разгром „Висунской Республики“. Но все эти карательные экспедиции не спасали положения, ибо вслед за ними выступали отряды повстанцев-крестьян, особенно молодежи, которые громили на каждом шагу деникинцев и грозили выступить на Херсон или Николаев. В разгаре этой борьбы Николаевской жандармерией было арестовано 63 человека, преимущественно молодежи, по обвинению в большевизме. Молодежь была собрана из намеченных полицией семейств, направлена на Площадь Коммунаров, где, по приказу пьяного Слащева, и была расстреляна. Только один из числа 63 спасся, пустившись во время расстрела в бегство.

Кровавая расправа совершалась всюду, где действовал генерал Слащев и казаки генерала Шкуро.

Между тем, Советская Красная Армия наступила через Харьков на Донбасс, выбивая везде белогвардейцев. На взятие Николаева и Одессы была направлена 41-я Советская дивизия. В Николаеве началась паника среди деникинских властей, комендантом города был отдан приказ о спешной эвакуации. Началось форменное бегство и город остался без всякой власти. Бывший член Городской Думы Сергей Юрицын решил взять власть в свои руки. Первым делом его было освобождение арестованных в каторжной тюрьме. В течение одного дня каторжная тюрьма очистилась: освобожденные рассыпались, кто куда.

Но на следующий день приказом из Одессы деникинская власть была снова восстановлена. Оказалось, что распоряжение коменданта города об оставлении Николаева было ошибкой, ибо советские войска были от Николаева еще, сравнительно, далеко. Было постановлено Юрицына за самовольный захват власти — арестовать. Юрицын бежал на стоявший на рейде английский миноносец. Английский капитан решил не выдавать Юрицына. Таким образом, совершенно случайно из Николаевской тюрьмы были освобождены ожидавшие расстрела коммунисты. Вскрсе, Николаев был занят частями 41-й дивизии, которая двинулась по Одесской дороге на освобождение Одессы.

XI. ВЗЯТИЕ ОДЕССЫ КРАСНЫМИ

В те дни, когда происходило занятие Советскими войсками Николаева, в Одессе шли форменные уличные бои между одесскими бандитами и деникинцами. Полиция и жандармерия осаждали те кварталы, в которых жили бандитские элементы. „Бандиты“, вооруженные не только винтовками, но и пулеметами, мерялись силами с полицией и жандармерией весьма успешно.

После взятия Николаева в Одессе началась частичная эвакуация. Хотя было совершенно очевидно, что Одессу не удастся отстоять, все же деникинская Городская Дума объявила совместно с деникинским командованием осадное положение, мобилизуя городское население для производства окопных работ на подступах к городу. Но превратить Одессу в неприступную крепость не было никакой возможности. Громадный город, в котором шло быстрое вздорожание хлеба, в котором находилась значительная масса пролетариата и бедноты, в котором среди бела дня вели непрерывную войну тысячи бандитов, в котором, наконец, совершался дикий разгул офицерства, полиции и жандармерии, такой город взорвал бы всякую оборону в самый непродолжительный срок. Поэтому, деникинское командование, говоря трескучими фразами и приказами об обороне города до последней капли крови, само готовилось к отступлению в Крым и Константинополь.

Перед оставлением города совершилась еще последняя комедия — объявление в Одессе Украинской власти. Город должен был быть передан Украинским Галицийским частям, которые в составе нескольких тысяч человек занимали железно-дорожную линию: Бирзула, Раздельная, Тирасполь, Одесса. Однако, попытка создать нового „гетмана Одесского“ носила настолько бутафорский характер, что даже сами градоправители не верили в ее успешность. Вероятно, не верила в эту затею и Антанта.

Городские массы, низы готовились к занятию города советскими войсками. Наступление советских частей на город началось ночью 6 февраля со стороны Куяльницкого лимана, по Николаевской дороге.

Англо-французский флот принял деятельное участие в обороне города. Ночью началась сильная орудийная канонада с военных судов, которые обстреливали наступавшие советские части беглым огнем. Советские части, не желая обнаружить своего положения, не отвечали, а быстрым маршем шли на город. На утро полгорода было уже занято Красной Армией, а некоторые части города — восставшими бандитами. Последними кое-где был произведен разгром магазинов. Бандиты бросились на отступающие массы эвакуировавшегося деникинского сброда, сосредоточившегося в Одесском порту и грузившегося на пароход. Это нападение застало отступающих врасплох: они бросали свое имущество и скарб в порту и рассеивались в разные стороны. Этой схватке положили конец красные войска, которые быстро заняли и очистили порт.

Последние остатки деникинской армии и отступающих эмигрантов очутились на пароходах в Одесском порту. Пароходы стояли на Одесском рейде долгое время и не могли отплыть из-за отсутствия угля.

Английские военные суда хотели перед отступлением вывезти из Одесского порта баржи с зерном и военным обмундированием, что им, однако, не удалось.

С занятием советскими войсками Одессы, я вступил в исполнение обязанностей Одесского губвоенкома. Перед военкоматом стояли неизмеримо тяжелые задачи. Во-первых, город находился еще в значительной степени под террором бандитов, которых действительно насчитывалось до 40.000, с другой стороны, все больницы, лазареты и госпитали были переполнены больными тифом, которых насчитывалось около 20.000. Все казармы были разрушены и приведены в полную негодность, никакого снабженческого аппарата не существовало. С большим трудом все же удалось организовать части местного гарнизона, наладить питание в больницах и повести жестокую борьбу с бандитизмом, повернувшим свое оружие против Советской власти.

При энергичном содействии 41-й советской дивизии, в течение месяца бандитизм был искоренен, и жизнь в Одессе вошла в нормальное русло. Советская власть окончательно укрепилась как в Одессе, так и в Николаеве и на всем Черноморском побережье.

я. РЯПО

Кровавое подполье¹⁾

(к 5 - й годовщине освобождения Харькова от белых)

27 июня 1919 года под давлением белогвардейских сил нами оставлен был Харьков, превратившийся вскоре в их вторую резиденцию. Внешний вид Харькова сразу резко изменился.

Город разукрасился национальными флагами. Была восстановлена старая полиция. Буржуазия ожила, вылезла из подвалов. На улицах замелькали разноцветные шелковые юбки и яркие платья, чистенькие фраки, высокие прически, вылощенные, напудренные лица. „Освободителей“ забрасывали цветами, непрерывно гремел оркестр, раздавалось громкое — „ура“. Под хохот ликующей толпы разрывалась на Советской площади братская могила, гробы сваливались на подводы и исчезали неизвестно куда. Звонили колокола.

Церковь стала очагом гнуснейшей агитации против Советской власти. За каждой обедней провозглашалось многолетие „новому порядку“, и вечная память самодержцу Всероссийскому Николаю Романову. К главнокомандующему и генерал-губернатору потянулись делегации от буржуазных и демократических слоев, рассыпая на перебой льстивую похвалу „доблестной русской армии“ и лживо заверяя о готовности пожертвовать всем своим состоянием для „спасения родины“. Май-Маевский высказывал либеральные мысли „о законности и порядке“, в своих воззваниях, расклеенных по Харькову, он указывал на необходимость участия „демократических слоев“ населения в государственной работе по восстановлению „единой России“, обещал созвать Думу и примирить интересы „труда и капитала“ посредством создания при ней особого совещания из фабрикантов и рабочих. Словом, на место „варваров“ и „анархии“, появился, наконец, цивилизованный „либеральный правитель“. Его называют „отцом—благодетелем, вторым Кутузовым“, промышленники подносят ему золотую шпагу в бриллиантовой оправе за усмирение донецких шахтеров.

---

¹⁾ Редакция предполагает дать по истории Харьковского подполья, так же, как по истории деникинского и гетманского подполья в др. городах, несколько статей-воспоминаний, в целях возможно полного освещения этого совершенно неизвестного широким партийным кругам своеобразного периода украинской революции.

Идут банкеты, грандиозные балы, переходящие в дикие оргии, откуда частенько, на рассвете, под гром музыки, крики и аплодисменты перепившейся „изысканной толпы“, второго Кутузова выносят адъютанты на руках мертвецки пьяного в закрытый автомобиль.

Такова была „идиллия“ в центре города. Свободно и весело зажила Харьковская буржуазия, стараясь наверстать недавние лишения и широко распустив свои хищнические щупальцы, вонзаясь ими в потребителя и казенные подрады.

Немного иная картина выявлялась с первых же дней на окраинах, в рабочих поселках и деревнях, куда не замедлили вернуться старые хозяева - капиталисты и помещики. Там шла дикая охота на коммунистов, красноармейцев и советских работников. Там расстреливали пачками захваченных в плен красноармейцев или полуголых, избитых, голодных, прогоняли их по улицам, бросали в тюрьмы, полуразрушенные бараки, где они большей частью умирали от ран, тифа и голода. Там пьяные разъяренные офицерские и казацкие отряды ежедневно устраивали массовые облавы, врываются в дома и квартиры к семьям коммунистов и красноармейцев, грабили имущество, избивали и убивали, оставляя в домах и на улицах голые, обезображенные трупы. Буржуазная печать всех оттенков, чтобы оправдать дикую белогвардейскую расправу, печатала сведения об укрывающихся на окраинах и в деревнях „большевистских комиссарах“ и фабриковала чудовищные вымыслы о зверствах большевистской чрезвычайки.

Ну, а что делали в это время правления профсоюзов? В большинстве из них самочинно засели правые меньшевики и в своей травле большевиков ничем не отличались от буржуазии. Секретари союзов: Гроссман, Бабин, Казарновская, председатель Харьковского союза металлистов Ткаченко и др. открыто заявляли на рабочих собраниях и в своем журнале о своей ненависти к большевикам, предсказывали скорую и полную гибель Советской власти, уверяли Май-Маевского в том, что рабочие всегда были против коммунистов и что только теперь (при белогвардейцах) для рабочих организаций создались нормальные условия работы. Самые гнуснейшие средства были пущены в ход против коммунистов, с целью помочь добровольцам истребить их физически и морально. Белогвардейцы додумались до новой неслыханной провокации. Они распространяли среди солдат и рабочих фальшивые прокламации и газету „Бедноту“ с девизом „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Там от имени коммунистов писалось, что „революция в смертельной опасности“, „рабочие Москвы получают ¹/₁₀ фунта хлеба в день“, „власть бессильна бороться с разложением красной армии“, „красноармейцы сдаются целыми корпусами“ и т. д. и т. д. И, конечно, так же и „позор трусам“ и „проклятие пзменникам“ и „лучше смерть в борьбе с золотопогонниками, чем позорное рабство“.

Так они действовали в своем тылу и всем известно, чем эта авантюра кончилась. Если не всем рабочим понятны и убедительны были речи коммунистов о белогвардейской опасности, то должное понимание скоро пробудил в них пьяный белогвардейский каблук, нагайки и пули. Даже буржуазия, отведавши все прелести нового режима, начала желать „кого угодно“, хоть черта, только не „шкуровцев“ и „деникинцев“.

Что же делали коммунисты при белых в Харькове? Первое время, после занятия города, их там почти не было. 18-го июня все они, и члены, и кандидаты были Губкомом мобилизованы, переведены на казарменное положение и отстаивали на фронте в жестоких боях каждую пядь советской Украины. В Харькове было оставлено два-три рядовых коммуниста на явочной квартире. И лишь в середине августа, недели за две до сдачи Киева, оттуда прибыли в Харьков представители Ц. К. К. П. У. (члены областкома), т. т. Михаил Черный и Петр Слинько. Вместе с ними приехал технический секретарь т. Ефим (не приступавший к работе из-за болезни), и еще несколько товарищей, назначенных закордот бюро Ц. К. К. П. У. для работы в самом Харькове. Вместе с приехавшими одиночками из других городов, в Харькове собралась группа коммунистов в 15-20 человек. Нужно сказать, что состав первой Харьковской организации подполья носил сборный и пестрый характер. Большинство товарищей узнавали друг друга лишь по мандату. Кроме явочной квартиры, не было еще ни помещения, ни оружия, ни связей с заводами. Необходимую на первых порах сумму денег привез с собою тов. Черный из Киева. Числа 20-го августа под председательством тов. Черного было устроено первое организационное собрание, где-то на окраине города, в подвальной комнатке у одного из товарищей. Выделен был первый Харьковский Губком из 5-ти следующих товарищей: Б. Колесникова, (Андрей), Бурова, Левитина (Абрам), Аси. Секретарем был назначен т. Леонов, приехавший из Екатеринослава с небольшой группой товарищей. Через неделю в Губком вошел шестым членом т. Яковенко, приехавший в Харьков от закордот бюро Ц. К. К. П. У. с мандатом члена Харьковского Губкома.

В связи с близостью фронта, естественно, на первый план были выдвинуты вопросы военно-оперативного и разведывательного характера, и с этой целью под председательством т. Бурова, в составе членов т. т. Левитина и Клима, был организован первый Ревком-тройка.

По поручению Губкома местный печатник, коммунист Сливинский (расстрелянный позже Харьковским Ревтрибуналом за предательство), привез из Сум и поставил в Харькове нелегальную типографию, где вскоре был отпечатан листок, распространенный в вагонных мастерских и среди солдат. На Мещанской улице была снята маленькая колониальная лавченка для явки из Центра, с паролем: „есть ли у вас соленые арбузы“ и послан курьер в закордот с информацией и связями.

С первого же дня потребовались подложные паспорта и удостоверения, в связи с объявленной белогвардейцами мобилизацией. Добыты были паспортные бланки, отпечатаны в своей типографии мобилизационные удостоверения и сделаны 15 — 20 печатей различных губерний. Начал действовать Ревком. Из Кременчуга привезено было около десятка револьверов, четыре пироксилиновых шашки и пять фугасных бомб (фонарей, для подрывной работы). Ревкому удалось связаться с заводом взрывчатых веществ Ополочина, с вагонными мастерскими и Корниловским ударным полком, находившимся в то время в Харькове в Змиевских казармах. В этом зверском белогвардейском полку оказалась группа солдат, около 15 человек, которые обещали к нам примкнуть в нужный момент. По их указанию, Ревком организовал нападение на гужевой транспорт оружия с 8-ью пудами пироксилина, но посланные товарищи перепутали дорогу и вернулись ни с чем. Ревком пытался наладить связи с другими ближайшими городами, где уже работали коммунисты. Так, были отправлены товарищи в Кременчуг и в Луганск. (Т. Бурову, командированному в Луганск, где уже произошел провал, было поручено освободить шесть приговоренных к смертной казни). Была завязана связь с группой анархистов, тоже выделивших несколько товарищей в распоряжение Ревкома. Губкомом начаты были переговоры с группой левых социалистов-революционеров борьбистов, которые перед эвакуацией мобилизовали своих членов и вошли в Красную армию. Переговоры велись о совместных действиях и допущении от них представителя в Ревком.

Из разных мест прибывали новые товарищи, организация значительно увеличилась. Ревком решили реорганизовать и ввести туда более опытных работников. Председателем второго Ревкома был назначен т. Яковенко, членами: „Капитан“ (он же Мазнюк), т.т. Орлов, Гринев и Клим. Последнему было поручено установить связь с партизанскими отрядами, действовавшими в Харьковских лесах. Но очень скоро произошел в Харькове первый провал членов областкома: М. Черного и П. Слинько (М. Черный был арестован на улице, месяца через 1½ — 2 после приезда опознавшим его киевским офицером, а Петр Слинько, в вечер приезда, — следившим за ним из Киева шпиком), нанесший непоправимый удар организации и положивший начало дальнейшим непрерывным провалам в течение всей подпольной работы.

Здесь необходимо отметить, что провалы М. Черного и других членов харьковской организации происходили не столько вследствие ловкости белогвардейской, пьянствующей контр-разведки, сколько вследствие нашей недостаточно умелой конспирации как в центре, так и на местах. В дальнейшем, когда организация подтянулась, провалы происходили вследствие предательства некоторых из арестованных, не выдержавших жестоких пыток и издевательств, которым их подвергали в контр-разведке с целью вынудить признание.

Неожиданный и быстрый провал членов Областкома заставил нас подтянуться. На место областкома организовалась временная политическая тройка, куда вошли: т. Белкин (Орлик), приехавший к нам в Харьков от профессиональной областной тройки, Френкель и Михаил Харольский. По тому же принципу „тройки“ был реорганизован и Харьковский Губком и Ревком. В новый губком вошли т.т. Соня (из Ростова), М. Харольский и Леонов. Михаилу Харольскому было поручено реорганизовать Ревком и устранить Яковенко, т. к. возникло подозрение, в связи с странностями его поведения, что он предатель. Но второй Ревком реорганизовать не удалось: он был арестован (за исключением Яковенко) вместе с М. Харольским и хозяином харчевни, у которого жили два наших товарища и происходило последнее заседание Ревкома. Уцелел только Яковенко. Он пришел на заседание уже во время обыска, пред'явил паспорт и тут же был отпущен офицером, руководившим арестом. Через два дня после ареста членов Ревкома он вдруг скрылся с хранившейся у него значительной суммой денег и тем самым подтвердил наше подозрение в предательстве. Вслед за Ревкомом провалилась явочная лавочка на Мещанской и вновь снятое кафе на Петинской улице. Всего было арестовано человек 20 — 25. В центр нами был послан сейчас же „курьер“ с указанием новых явок для присылаемых к нам товарищей и новым паролем. Но пробраться через фронт было не легко, чаще совсем не удавалось. На проваленных явках контр-разведка устроила засады и схватила еще несколько товарищей, прибывших из центра.

Создалось очень тяжелое положение. Пришлось всем уцелевшим переменить паспорта и квартиры. Члены политической тройки оказались также проваленными. Партийное руководство перешло к губернской профессиональной тройке, организованной в начале октября т. Белкиным из т.т. Харнаса, меня и одного представителя от Губкома. Благодаря тому, что я с первого дня приезда (конец августа) устроился в качестве инструктора в Харьковском союзе металлистов, профтройке удалось наладить связь с некоторыми заводами и через рабочих отыскать новые квартиры на окраине города. В конце октября профтройкой было созвано собрание ответственных работников, на котором было вынесено решение об упразднении областного бюро и избран новый Губком из следующих лиц: И. Савельева, И. Козлова и Марка Резникова. Был составлен Ревком из т.т. Аси, Тучи, представителя левых социалистов-революционеров, и т. Мидова, под председательством Марка.

Новый Губком и Ревком очутились в очень тяжелом положении. Остаток денег, привезенных раньше из центра, был захвачен при арестах, квартиры провалены, работники также, а, между тем, требовалась довольно крупная сумма для приобретения, необходимого партизанскому отряду, оружия и, главное, необходимы были деньги для

помощи и освобождения сидящих в контр-разведке товарищей. Небольшую сумму денег нам удалось занять через т. Гаврилова в Центросоюзе.

Энергичные попытки освобождения арестованных велись двумя путями: с одной стороны, подкупали следователя и контр-разведчиков, а с другой — Ревком подготавливал вооруженное нападение на контр-разведку. С арестованными мы переписывались. В связи с ухудшением положения белых на фронте, усиливалось неистовство их в тылу, и наши товарищи со дня на день ждали военного суда и расстрела. По ночам их вызывали по одиночке пьяные контр-разведчики, издевались над ними, подвергали мужчин и женщин ужасным пыткам, стараясь вынудить признание. Но товарищи держались очень твердо.

Я приведу для характеристики их общего настроения предсмертное письмо М. Черного, пересланное им накануне казни: „Дорогие, вчера 28 октября в конторе тюрьмы был военно-полевой суд. Приговорено двадцать семь человек к смертной казни, в том числе я и моя половина (Петр Слинко). Завтра нас расстреляют. Я спокоен и давно приготовился к этому. Сообщите об этом моим родным и знакомым. Привет вам, дорогие друзья. Целую вас. Берегите себя. Умираю спокойно. Мстите. Ваш Михаил. 28 ноября в 3 часа утра¹⁾).

Это письмо произвело на нас потрясающее впечатление; у всех нас была одна мысль и одно желание — освободить их или погибнуть вместе с ними. В этот день мы решили мобилизовать все наши силы и устроить нападение на конвой по дороге к месту казни (обычно расстреливали в Григоровском бору, около Харькова). Но освободить товарищей нам не удалось. Накануне казни был задержан товарищ, который вез в город оружие и бомбы, а затем был арестован Марк, Лидов, Ася и др. товарищи, во время заседания в квартире т. Тучи на „Холодной горе“. Они были расстреляны вскоре вместе с М. Черным, Петром Слинко и членами второго Ревкома.

Как ни кошмарны были эти дни, но ни у кого из нас не опустились руки, ни у кого не зародилась мысль ликвидировать нашу организацию и выехать из Харькова. В ноябре на фронте произошли серьезные перемены. С радостью мы встретили весть о разгроме белых, взятии Курска и успешном продвижении Красной армии на Украину. Никто не хотел уезжать из Харькова, все горели жаждой мести и желанием увидеть своих опять в Харькове. Кроме того к нам бежали товарищи из других городов: из Екатеринослава прибыли Иван Гончарук, Михаил Авилов и несколько других товарищей, бежавших оттуда

---

¹⁾ По рассказам т.т., работавших в то время в Харькове, для спасения Михаила и Слинко были произведены подкупы всей деникинской юстиции: были подкуплены 2 судей и следователь, и, кроме того, 2 купца. давших письменное ручательство, что М. Черный — лично им известный честный торговец. Но чуть ли не накануне суда вся эта публика была арестована, очевидно, по доносу, и дело сорвалось.

после налета на город Махно. Нами был организован 4-й Ревком, куда вошли т.т. Гончарук, М. Авилов и один представитель от социалистов-революционеров на место арестованного т. Лидова. Т. Гончарук вошел в Ревком на место Марка и был назначен председателем.

Связь с социалистами-революционерами поддерживалась через т. Табакова (Зиновий). Главное внимание наше в ноябре было сосредоточено на партизанских отрядах, с которыми у нас была установлена прочная связь и посланы к ним для руководства М. Авилов, т. Антон и др. товарищи. Принимали также всевозможные меры к выкупу за деньги членов Ревкома.

Чем ближе к нам придвигалась Красная армия, тем сильнее становилась паника среди белогвардейцев и буржуазии. Усиливались открытые грабежи в городе. Май-Маевский издавал истерические приказы „о сборе белья“, „о ловле дезертиров“. Но неоднократные приказы о мобилизации всех возрастов и угрозы смертной казнью за дезертирство не производили впечатления: на мобилизационные пункты почти никто не являлся. Начались массовые облавы по всему городу. На Николаевской и Павловской площадях были поставлены виселицы, где, на глазах у обезумевшего от ужаса населения, вешали пойманных беглецов с плакатами приклеенными на грудь — „дезертир-бандит“. Но все было напрасно. Разложение армии росло с каждым днем, буржуазию грабили на улицах и в домах, не только на окраинах, но и в центре города. Для характеристики настроения среди добровольцев, я приведу письмо одного из белогвардейских офицеров:

„Раньше мы воевали за царя, потом за Россию. Воевать же за вакхавалию тыла, спекулянтов, толстокожей буржуазии мы не хотим. Нам остается одно: воевать за себя, чтобы, награбив, уйти в тыл, дабы не остаться инвалидами — нищими.“

И они, корчась в предсмертных судорогах, старались забыться в пьянстве и грабежах, расхищая частное и казенное имущество. В центральной тюрьме скопилось до 2-х тысяч арестованных, которых администрация спешила кое-как рассортировать. Для каждой группы была установлена определенная цена, начиная от 5-ти тысяч за голову. Нам удалось в центральном кооперативе, через т. Гаврилова, занять 300 тысяч рублей и пущены были в ход все связи и деньги на выкуп товарищей и в первую очередь т. Марка, Аси и др. членов Ревкома. Хотя многих удалось выкупить, все-же большинство членов нашей организации было расстреляно, в том числе и все члены Ревкома.

В начале декабря у нас чуть-чуть не провалился и четвертый Ревком. За екатеринославцами следил приехавший вместе с ними шпик. К одному из них, молодому наивному хлопцу, ночевавшему в вочлежке за неимением квартиры, шпик влез в доверие, уверив его, что он приехал из центра с мандатом от т. Раковского и просил

связать с кем-нибудь из членов Ревкома. Товарищ попался на „удочку“ и поплатился за свою наивность жизнью. Членов Ревкома захватить не удалось.

Дня за два до занятия нашими Харькова началась лихорадочная эвакуация белых. Поездов не хватало; они заполнились, главным образом, буржуазией, командным составом и их имуществом. Эвакуированы были и сидящие в тюрьмах, по шоссе в направлении к гор. Змиеву, где у нас действовал большой партизанский отряд. Мы сообщили ему об арестованных, поручили отбить их. Кроме того были посланы вместе с арестованными два товарища с деньгами, чтобы по дороге попытаться их выкупить. (Один из посланных был там же захвачен и расстрелян).

Нам было передано также предложение секретаря военно-полевого суда отбить арестованных. Он обещал дать переодетых солдат и за это требовал гарантии своей жизни и денег, чтоб уехать за границу. Мы сочли это за провокацию, да и он сам быстро скрылся.

По дороге к Змиеву многие из арестованных были расстреляны, больных, не могших поспевать за конвоем — прикалывали, словом, старались всячески освободиться от лишнего балласта. Где-то на конвой налетел партизанский отряд и освободил часть арестованных¹⁾.

Нами был отпечатан приказ Ревкома с призывом не принимать добровольческих денег и всеми средствами препятствовать эвакуации белогвардейцев.

Вечером 11-го декабря мы с радостью услышали орудийные выстрелы около Золочева, а на другой день утром в Харьков вошел первый разведывательный отряд т. Саблина. На место буржуазии и золотопогонников на улицах появились снова рабочие и бурно приветствовали красноармейцев. Кругом раздавались еще неуверенные голоса: „Неужели это наши? Спасибо вам“. „Измучили нас“. „Будь они прокляты“. „Теперь мы грудью будем стоять за Советскую власть“.

Кончилось, наконец, кровавое подполье, стоившее сотни жизней. Губком вышел из подполья, составил временный Ревком, куда вошли: Савельев, Козлов и Френкель, и отпечатал несколько приказов. Образована была комиссия о расследовании зверств белогвардейцев. Найдены были еще свежие могилы, где лежали кучами голые, обезображенные трупы нам дорогих товарищей, мужественно погибших за Советскую власть.

В заключение, нужно сказать несколько слов о предателях. Я говорил, что после исчезновения Яковенко из Харькова с деньгами, мы все были убеждены (а некоторые из нас убеждены и до сих пор),

---

¹⁾ Деникинцы забрали с собой около 2000 человек, из которых большая часть погибла в пути, часть удалось освободить около Змиева и при вторичном нападении на конвой в Бахмуте, несколько человек бежало с пути. Прим. ред.

что он, по неизвестным нам причинам, сделался предателем. Впоследствии, благодаря т. Капитану, члена 2-го Ревкома, каким-то чудом убежавшего из-под расстрела, удалось выяснить следующее: тов. Яковенко был арестован двумя днями позже ареста 2-го Ревкома и приведен в контр-разведку, где он сидел вместе с членами Ревкома, вместе с Капитаном был приговорен к смертной казни и вместе с Мих. Черным расстрелян. На это заявление следует обратить серьезное внимание и распутать темное дело. Одно странно: при раскопке могил, среди трупов, не было трупа Яковенко. Конечно, не все могилы нами были найдены, так как раскопки происходили зимой, но могила, где находились трупы членов 2-го Ревкома и Михаила Черного, была найдена. Если Яковенко расстрелян вместе с ними, почему же его не оказалось?

О другом предателе Климе мы узнали, что он после приговора к расстрелу (вместе со вторым Ревкомом) был освобожден и скрылся. Уже при Советской власти он был задержан, кажется, в Ростове и приговорен Ревтрибуналом к 20 годам каторги¹). Печатник Сливинский, арестованный с типографией, также оказался предателем. Он был выпущен на волю белыми, но нами задержан и, по постановлению Харьковского ревтрибунала, расстрелян,

И. КОЗЛОВ

¹) В настоящее время он, по полученным нами сведениям, на свободе.

Луганск и его пролетариат

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 г. В ЛУГАНСКЕ

Луганский пролетариат, издавна славившийся своей революционностью, отдавший так много жертв царской власти и в дни февральского переворота, проявил себя по-революционному. Весть о государственном перевороте и низложении императора Николая II донеслась в Луганск сравнительно поздно, но, как только стало известно, что петроградские рабочие и войска восстали против царя и всего существующего строя, в Луганске, как в котле, забурилась революционная стихия.

Местная власть и все ее слуги, преданные царскому строю, немедленно были обезоружены и, по усмотрению новой власти, частью посажены в заключение, частью отпущены на волю. На заводах были устроены митинги, по городу — демонстрации. Был наспех создан так называемый „Общественный Комитет“, куда вошли представители от рабочих и городского самоуправления, а впоследствии влились представители от всевозможных групп и слоев городского населения. Большевистская группа была представлена слабо; и, благодаря предшествовавшей перевороту реакции, связь с центром была почти утеряна, в силу чего провинциальным работникам трудно было в такой неожиданной обстановке определить правильную линию поведения.

Вначале, на этом отыгрались кадеты, а затем меньшевики и эс-эры, но все-таки инстинкт настоящих революционеров - большевиков выводил местных работников из трудных положений, они меньше всего подходили к разрешению того или иного вопроса с теоретической стороны, а больше с практической — где не удавалось взять словом, там бралось силой.

Вскоре после переворота был избран первый Совет Рабочих Депутатов, во главе которого стал небезызвестный меньшевик Ларин-Римский, перепортивший не мало крови рабочим. Рабочие Гартманского завода почти все поддерживали большевиков, но они не могли иметь большинства в Совете, так как в него попало много мелко-буржуазного элемента от разного рода „трудящихся“. Затем Совет пополнился военными депутатами.

С самого начала пошла борьба в Совете, принимавшая все более и более острые формы.

Вернувшийся из ссылки луганчанин, бывший член 2-ой Государственной Думы, меньшевик И. Н. Нагих, пользовавшийся в свое время доверием луганских рабочих, снова стремился подчинить рабочих своему влиянию. Местные большевики, состоявшие, преимущественно, из рабочих—т.т. Ляпин, Лаврухин, Исачев, Иванов, Венецкий, Третьяков, Николаенко и другие, к которым примкнуло несколько интеллигентов—Каменский, А. Червяков, А. Истомир, Вольский—начали вести усиленную борьбу за коренную ломку политики Совета, плясавшего под дудку Керенского.

Шла ожесточенная борьба не только на трибуне Луганского Совета, но и на заводах—у станков и верстаков; на всех улицах, перекрестках, всюду большевики вели агитацию и разоблачали Временное Правительство и коалицию.

Приезд бывших луганских рабочих, большевиков Клина Ворошилова и Юрия Лутовинова, сразу произвел в настроении луганского Совета перелом. Ворошилов, как старый вождь донецких рабочих, вышедший из их семьи, еще с 1903 г. пользовавшийся у них колоссальной популярностью и авторитетом, сразу стал у кормила власти—на посту председателя луганского Совета. Тов. Лутовинов, также питомец луганской рабочей семьи, занял место представителя в Совете и члена Заводского Комитета патронного завода.

Под влиянием т.т. Ворошилова и Лутовинова, на заводах рабочие стали выносить недоверие так называемому „социалистическому“ коалиционному правительству, возглавлявшемуся Керенским и Церетелли.

Подходили выборы в городскую думу. Все партии повели усиленную агитацию против большевиков, называя их провокаторами и обвиняя в разложении армии и в июльском восстании.

Несмотря на гнусную кампанию клеветы, большевики одержали победу, и в луганскую городскую думу прошло 28 наших товарищей, а председателем ее стал тов. Ворошилов.

Таким образом, уже в августе месяце 1917 г. луганский пролетариат поставил во главе местного управления большевиков. Все попытки меньшевиков и эс-эров (не говоря уже о кадетах) спровоцировать рабочих и солдат терпели полную неудачу. На этот счет, однажды, тов. Ворошилов на заседании Совета сказал: „Луганские рабочие слишком много отдали жертв в борьбе за свержение царского строя, и теперь, когда самодержавный трон рухнул, они не позволят его восстанавливать. Зажженный факел пролетарской революции мы не потушим до тех пор, пока в великом пожаре не сгорит весь буржуазно-капиталистический мир“.

Как только появилась опасность со стороны генерала Корнилова, задавшегося целью захвата власти, а на Дону—генерала Каледина,

луганский пролетариат немедленно сформировал „Комитет Спасения Революции“ — из представителей социалистических партий — и рабочие боевые отряды, которые выступили на подавление „Калединского мятежа“. Кровью оросилась Донская земля, и первое боевое крещение в борьбе с контр-революцией, принятое луганскими и другими рабочими, увенчалось успехом: мятеж был подавлен. Из рабочих, вернувшихся с калединского фронта, была сформирована Красная Гвардия, которая беспрестанно пополнялась новыми и новыми бойцами. Луганск вступил в боевой, кровавый, но славный период своей революционной истории.

Октябрьский переворот не был новостью или чем-либо неожиданным для луганского пролетариата, так как, в сущности говоря, Луганск такой переворот произвел еще в сентябре месяце: диктатура пролетариата была фактически осуществлена, и Октябрьская Революция лишь утвердила созданные формы управления и подчинила Луганск революционному центру.

Как всюду, так и в Луганске был сформирован местный „Совнарком“. Портфели были распределены следующим образом: Председатель Исполкома — тов. Ляпин, Отдел Труда — Лутовинов, Комиссариат Внутренних Дел — Якимович и Крюков, Земельных Дел — Ханзон, Юстиции — Червяков, Продовольствия — Алексеев, Комиссариат по Военным Делах — Волокитин, Государственный Контроль — Каменский Абрам, по Делах Финансовым — Марापалец, Комиссариат Путей Сообщения — Николаенко, Социального Обеспечения — Молдавский и по Делах Просвещения — Истомирин.

Работа Совнаркома в деловом отношении шла слабо. Было не до того. Появившиеся в Луганске со своими гайдамаками украинцы, во главе с офицером Малашко, повели против власти рабочих ожесточенную борьбу, доходившую до вооруженных столкновений. Был создан революционный Комитет, работа которого свелась к беспрестанному ведению переговоров с украинцами о конституции местной власти, в которой как одна, так и другая сторона стремилась захватить первенство. Большевики и эс-эры горячо поддерживали украинцев, однако их блок оставался в меньшинстве.

Подожли дни Брестского мира со всеми его последствиями. Немцы начали оккупировать Украину. Коммунистическая партия Украины призвала луганских рабочих к обороне социалистического стечества.

Тов. Ворошилов, оставив гражданскую работу, приступает к организации партизанских рабочих отрядов и, сформировав отряд в количестве 5.000 человек, становится во главе его и отправляется навстречу немецким войскам. Отряд тов. Ворошилова вошел в соприкосновение с противником под Конотопом и, самоотверженно обороняясь от превосходящих сил, отступил до самого Луганска.

Здесь тов. Ворошилов пополнил свои отряды новыми тысячами донецких рабочих и с боем довел их до Царицына, где держался, уже будучи командующим 5-ой, а затем 10-ой Красной Армией, с апреля по декабрь 1918 г. Так луганские рабочие боролись и жертвовали своей жизнью за великое дело пролетарской революции. Много лучших революционеров честно сложили свои головы в великой борьбе, многих славных страничек они вписали своей кровью в историю Российской Революции.

РЕВОЛЮЦИЯ В ПОДПОЛЬИ (1918 — 19 Г.Г.)

После того, как предатели украинского народа, в лице желто-голубой рады 1918 года, заключив постыдный союз с австро-немецкой буржуазией, повели украинских рабочих и крестьян под плети и расстрелы культурных варваров, на Украине все-таки не угасал революционный огонь. Под стоны и вопли трудящихся, под пятой черной реакции разрасталась революционная волна. Ответом на жестокие расправы отечественной и австро-немецкой буржуазии был рост боевых отрядов рабочих и крестьян, руководимых коммунистической партией.

В Луганске, который всегда являлся оперативным штабом революционного движения в Донецком бассейне, вскоре после занятия его оккупантами, образовался Районный Комитет КПУ, а наряду с ним Ревком, который возглавлялся довольно энергичными подпольными работниками: Спиридоном, Сезоновым, Семеном Поповым, Васильевым, Зайцевым и другими.

В то время, когда немецкие карательные отряды устраивали по селам над крестьянами экзекуции, подвергая их поркам и расстрелам, когда по пятам преследовали рабочих бывшие царские ищейки, бросая их в тюрьмы, расстреливая десятками и сотнями — Луганский нелегальный Райпарком и Ревком развивали свою работу.

За период с июня по январь месяц Ревкомом было созвано три районных конференции, а Райпаркомом — две партийных конференции и около 10 обширных совещаний. Райпарком и Ревком поддерживали тесную связь не только с местами, но и с Екатеринославом, Харьковом, Москвой, посылали делегатов на VII Всероссийский Съезд РКП и на V Всероссийский Съезд Советов. Благодаря налаженной связи с Харьковом и Москвой, Луганская организация всегда была хорошо информирована о событиях в России, получая оттуда — газеты, книги и даже листовки на русском и немецком языках для рабочих и крестьян Украины и немецких солдат. Кроме того, в Луганске имелась примитивная, но довольно хорошо оборудованная типография, в которой печатались листовки не только для луганского района, но даже, одно время, для Харькова, так как там была провалена организация,

в силу чего харьковцы вынуждены были типографские свои заказы отдавать в Луганск. Вся поступавшая и печатавшаяся в Луганске литература широко распространялась среди населения деревни и города и немецких войск. Одновременно с партийной, агитационно-пропагандистской работой Райпарком и Ревком были озабочены формированием боевых отрядов как по району, так и в самом Луганске.

Ревком был разбит на пять отделов: 1) Организационный, 2) Оперативный, 3) Снабжения, 4) Связи и 5) Общий или Административный. В функции этих отделов входили довольно трудные и рискованные задачи, в особенности по отделам связи и снабжения. Работа Отдела Связи заключалась, главным образом, в поездках с секретными поручениями и литературой по району и через украинско-русскую границу, а работа Отдела снабжения — в том, чтобы достать побольше вооружения, которое, в большинстве случаев, добывалось ценой человеческих жизней у немецких часовых, вартовых и т. д.

В результате работы Райпаркома и Райревкома, к сентябрю месяцу 1918 г. в самом Луганске был сформирован коммунистический отряд в 145 человек, вполне вооруженный, а по районам, в каждом селе, на каждом заводско-рудничном поселке, также были организованы вооруженные отряды, подчиненные Оперативному Отделу Ревкомов. Отдел Снабжения имел в Луганске свой арсенал, в котором хранилось два пулемета, 15 ручных бомб, десятка два винтовок и несколько ящиков патронов.

О существовании подпольной большевистской организации было хорошо известно надлежащим местным властям, а также обывателям, у которых складывались о ней чрезвычайно легендарные представления. Но место пребывания руководителей, место собраний и всевозможных хранилищ бдительному оку власти долго не удавалось установить. Работа продолжалась; все спешно готовились к предполагавшемуся восстанию против немецких войск. Ревком выпустил воззвание к крестьянам и рабочим, в котором призывал усиливать ряды повстанцев для скорейшего изгнания немецких войск из Украины; с другой стороны усиленно распространялись среди немецких солдат листовки на немецком языке, в которых их призывали выйти из повиновения своим баронам и вернуться в Германию, для поддержания революционного движения у себя на родине.

Такая работа подпольной организации не могла не поставить на ноги местные власти, в том числе немецкое командование. В результате усиленных поисков была обнаружена организация в селе Петропавловке, где было арестовано около 20-ти человек коммунистов; из них 8 были расстреляны в луганской тюрьме. Вообще, с усиленной подготовкой к восстанию начались массовые аресты, и все чаще становились случаи расстрела большевиков в тюрьме.

Работа подпольников становилась с каждым днем труднее, так как имена членов Паркома и Ревкома стали известны вarte. Много

толков вызвал среди населения существовавший при Райпаркоме „Красный Крест“, который через определенных лиц снабжал находящихся в тюрьме коммунистов деньгами, бельем, продовольствием и т. д., а также оказывал материальную помощь семьям рабочих, находящихся в Красной Армии и, вообще, в Великороссии. После нескольких раздач пособий, варты стали известны имена раздатчиков и чуть ли не всей организации в целом, в силу чего многим работникам пришлось менять квартиры и паспорта. Понятно, все эти предосторожности не избавили организацию от провалов. Несколько человек были арестованы и подвергнуты избиению, а в тюрьме были расстреляны лица, не имевшие никакого отношения к луганской организации.

В ноябре месяце грянула революция в Германии. Немецкие войска, находившиеся в Луганске, преобразились; лица солдат сияли радостью, все о чем-то весело болтали, угощали друг друга сигарами, суетились. Офицеры ходили смущенные. Местная власть и местная буржуазия, получив известие о свержении кайзера, совершенно растерялись, ибо единственной их опорой были немецкие штыки.

В тот же день было созвано об'единенное совещание Луганского Райпаркома с Райревкомом, на котором вопрос о восстании против немецких войск сам по себе отпал, и наряду с этим всплыл новый вопрос — о свержении местной власти, состоявшей из повитового старосты (исправника), человек пяти вартовых надзирателей (околоточных), человек 100 вартовых (городовых) и сотен двух тайной варты и сыщиков.

Райпарком и Райревком были уверены, что такую силу, какой располагал повитовый староста, да еще при их растерянности и беспомощности, можно легко сломить. Однако, решено было немедленно выслать гонца в Областной Комитет КП за соответствующими указаниями. Гонец выехал, и подпольники с нетерпением ждали его возвращения.

В этот момент было получено сообщение, что бывший член Центральной Рады — Петлюра, склонив на свою сторону гайдамацкие войска поднял восстание против гетмана Скоропадского. Петлюра имевшимися в его распоряжении частями не мог сразу охватить всю Украину, поэтому на местах держались губернские и повитовые старосты, опиравшиеся на небольшие кучки разного сброда — в виде варт, сыскных отделений да офицерских отрядов, состоявших из „украинцев“ — Новгородской, Тверской, Ярославской и т. п. губерний. Таким образом, на Украине было три претендента на власть: Павло Скоропадский, бежавший из Киева, Центральная Рада и сидевшие в подпольи коммунисты, которые, не имея прочной связи для координации своих действий во всеукраинском масштабе, никак не могли одновременно и единодушно поднять восстания для захвата власти. Наконец был получен от Областка боевой приказ о подготовке восстания к

определенному сроку. Но еще за несколько дней до получения приказа Обкома, ворта, совместно с появившимися в то время в Луганске белогвардейцами (на историческую арену уже выступил Деникин со своей белой армией) обнаружила членов Райпаркома и Райревкома, которым все же удалось переправиться в Лозовую - Павловку, где при их помощи было поднято восстание шахтеров. Луганская боевая организация, таким образом, осталась только при двух членах Паркома и Ревкома. Обнаружилось полное безначалие, так как начальника Оперативного Отдела не было, а связь с подрайонами почти прервалась.

В ночь на 21-е ноября ст. ст. 1918 г., одним членом Ревкома и двумя членами Паркома было созвано совещание сотенных и десятковых командиров, на котором было решено утром 22-го ноября поднять восстание. Были уже назначены руководители восстания, выработан план действий, а также выбран новый Ревком.

Но под конец этого совещания поступило из Лозовой - Павловки сообщение, что начавшееся там восстание подавлено белогвардейцами. Тогда постановление было изменено в том смысле, что восстание недопустимо до установления прочной связи с подрайонами. Через несколько дней последовал также приказ „Областного Комитета“ отложить выступление, но, тем не менее, подготовительная работа велась успешно.

После подавления белыми Лозово - Павловского восстания вернулись члены Луганского Паркома и Ревкома, пребывание которых в Луганске было сопряжено с большим риском. Время шло. Наступление Красной Армии на Украину воодушевляло подпольных работников, которые подчас даже забывали о существовании белогвардейской власти и часто не соблюдали должной предосторожности, чтобы не обнаружить себя и организацию в целом. Белогвардейцы же с удвоенной бдительностью следили за большевиками и всех, попавшихся в их лапы, жестоко карали.

Красная Армия вступила на территорию Украины и быстро продвигалась к Донецкому Бассейну. Белогвардейцы, теряя надежду удержать напор надвигающейся с севера революционной лавины, боялись за свою судьбу в тылу, учитывая, что большевистские подпольные организации опираются на реальную силу. Они начали производить у рабочих и даже у крестьян чуть ли не повальные обыски, сопровождавшиеся арестами и расстрелами большевиков. В результате упорной работы белогвардейских сыщиков был обнаружен арсенал Луганской нелегальной организации, где были арестованы два товарища и в связи с этим провалилось еще несколько товарищей в разных концах города.

Провал арсенала и арест товарищей — эти два обстоятельства поставили Луганскую организацию в довольно трудное положение. Она лишилась в значительной степени боевых ресурсов и опасалась,

что кто-либо из арестованных может оказаться слабым и при допросах (или, вернее, пытках) выдать руководителей организации. Однако, из числа арестованных „слабых“ не оказалось: никто не был выдан, но работать в такой атмосфере было весьма трудно.

Наконец, Луганская организация дождалась желанного дня. В начале января 1919 г. Красная Армия вступила на территорию Донбасса; настали минуты воодушевления и великого подъема пролетарского духа. В Луганском районе начались восстания. Первыми восстали Петропавловская и Староайдарская волости, затем шахтеры и крестьяне Беловодского и Успенского подрайонов, затем ночью и Луганская организация вошла в бой. Была обезоружена команда воинского начальника, со склада забрано оружие. Загудели на заводах тревожные гудки, поднялась стрельба, на улицах завязался бой. Белогвардейцы, уходя из города, захватили с собой часть арестованных и по дороге расстреляли 29 человек.

К утру 8 января подоспели Красные войска, и противник был отброшен за город. Объединенными силами Красных войск и местных повстанцев, к которым присоединилось много рабочих, молодежи и женщин, Луганск стал Советским. Началась организация местной власти.

ОБОРОНА ЛУГАНСКА

Вышедший из подполья Ревком не в силах был справиться со своими задачами. Стали прибывать из Великороссии новые ответственные работники, и с их помощью работа начала налаживаться как в самом Луганске, так и в районе. Все-таки близость фронта сильно мешала нормальной жизни Луганского района, так как белогвардейцы, отступив в Донскую область, границы которой находятся в 15-20 верстах от Луганска, нашли себе там в лице казаков хорошего соратника и покровителя, в силу чего имели возможность остановить дальнейшее наступление Красной армии.

Снова пошли упорные бои. Луганск превратился в военный лагерь. Наши войска то продвигались вперед верст на 30—40, то, отступая, подпускали противника к самому городу. Каждый раз, как только неприятель подступал к городу, чуть ли не все рабочее население, без различия пола и возраста, выступало для отражения врага. В такой обстановке приходилось работать местной власти с января до последних чисел марта. В конце марта на Луганском боевом участке произошла смена воинских частей. Занимавшая Луганский участок 4-я стрелковая партизанская дивизия, находившаяся под командой Федора Дыбенко, была сменена другими дивизиями. Положение фронта еще более ухудшилось, так как пришедшие войска были измучены, лошади от весенней распутицы и отсутствия фуража падали. Ощущался острый недостаток в перевозочных средствах, нечем было перевозить

РАБОЧНЕ ВОЖДЫ ДОНБАССА

К. Ворошилов, Г. Петровский, Ю. Лутовинов
в ноябре 1917 г. в Ленинграде

пушки. Естественно, боеспособность такой армии не выдерживала никакой критики; терялась надежда на возможность удержаться в Луганске. Военное командование и заведывавшая в то время политотделом VIII армии Землячка обратились за содействием в Луганский Парком и Исполком. Был проведен ряд совместных совещаний, в результате чего был сформирован первый Луганский Коммунистический полк (добровольческий). Кроме того, Райпарком мобилизовал 90 человек вполне надежных местных коммунистов для политработы в воинских частях, а также для вкрапливания их в части, как стрелков, чтобы поднять боевой дух красноармейцев.

31-го марта противник повел энергичнейшее наступление на Луганск. Уже несколько дней шли дожди; усталые люди с трудом передвигались по намокшей земле; измороженные кони не в состоянии были перевозить пушки и снаряды; в частях проявлялось паническое настроение: командование потеряло надежду удержать за собой город. Райисполком предписал всем учреждениям и предприятиям эвакуироваться. Конечно, смешно говорить об эвакуации в такой короткий срок: захватили лишь ценности, документы и погрузили в вагон людей. К вечеру все учреждения были вывезены; из города выехали все советские работники и много рабочих. Войска почти все оставили город. Лишь небольшая кучка с артиллерией удерживала позиции под самым городом, отчаянно отражая наседающего противника. Луганск не был сдан. На другой день воинские части вернулись на свои позиции и остановили наступление противника. Все эвакуированные вернулись обратно в город. Второго апреля рано утром белогвардейцы во главе с генералом Шкуро повели снова отчаянное наступление на Луганск. Пьяные калмыки и казаки лезли, что называется, на пролом. Завязался ожесточенный бой. Красные части держались стойко. Снаряды рвались над городом, пули свистели по улицам; орудийный рев, трескотня ружей и пулеметов потрясали воздух. Город превратился в какой-то клочующий вулкан. Рабочие, их жены и дети, вооружившись кто чем мог, бесконечной лавиной двигались на передовую линию огня, на окраину города. Красноармейцы, при дружной поддержке рабочих, дрались, как львы. Женщины и дети подносили патроны и воду и перевязывали раненых. Конница генерала Шкуро металась то в одну, то в другую сторону, пытаясь прорваться. Нащупав слабое место, неприятель ворвался в город, но встреченный дружным ружейным огнем вынужден был бежать, оставив убитым своего командира и несколько кавалеристов. Бой продолжался в течение 5—6 часов; наконец противник, убедившись в невозможности взять город, отступил верст на 15. К вечеру бой утих; только поле, усеянное трупами людей и лошадей, напоминало о происходивших событиях.

У многих убитых белогвардейцев были найдены записки следующего содержания: „Добровольцы, возьмите Луганск, и Вам

предоставляется право три дня свободно действовать в нем". Это означало: погром, грабеж, насилия и расстрелы.

После этого боя у каждого коммуниста явилась уверенность в силе луганского пролетариата. Все спокойно принялись за свой обычный повседневный труд. На заводах и в советских учреждениях с удвоенной энергией закипела работа. Исполком был превращен в оперативный штаб, где чуть ли не непрерывно происходили всякого рода совещания, заседания и т. п. Однако, как ни старались усилить защиту Луганска, сколько ни ходатайствовали перед центром — помощи не было. Находившиеся в Луганском боевом участке воинские части были настолько изнурены и потрепаны, что не внушали никакого доверия в смысле своей боеспособности. Луганский коммунистический полк также был разбит. Противник не дремал, и перед нашим командованием и местной властью уже в третий раз встал вопрос об обороне Луганска. 26 августа созвали об'единенное заседание Исполкома, Парткома и Военного Командования. Решили издать приказ к рабочим Луганска от имени начальника гарнизона (командира 15 - й Пензенской дивизии тов. Лациса). Все трудящиеся гор. Луганска были объявлены мобилизованными и через два часа после объявления приказа обязывались явиться на сборный пункт для направления на передовые позиции. На заводах срочно были созваны митинги для оглашения приказа.

Рабочие всех заводов решили временно пойти на фронт. Заводы стали; учреждения приостановили свои занятия.

Рабочие прямо от станков, стройными рядами, с песнями потянулись со всех сторон на сборный пункт (Красная площадь).

Измазанные, усталые лица рабочих горели решимостью и тревожной радостью; звуки песни вырывались из глубины пролетарской души и стальным отзвуком наполняли улицы. К шествию на фронт присоединились тысячи женщин и детей, и вся эта масса, охваченная энтузиазмом, двинулась на помощь армии. Противник, видя эту бесконечную живую лавину, открыл сильный артиллерийский огонь. Из сплошной колонны быстро образовались две густые цепи, под напором которых противник не в силах был устоять. До поздней ночи шел бой, и только темнота приостановила стрельбу. Рабочие и красноармейцы остались на ночь в окопах, а часть женщин и детей разошлась по домам. Три дня подряд шли бои с переменным успехом. Противник засел в окопах, откуда его никак не удавалось выбить. Рабочие все время рвались в бой. Больше всего их привлекала так называемая „Острая могила“ (курган), которая находилась в руках белогвардейцев. 29 апреля вечером Красные части пошли в наступление, решив во что бы то ни стало взять „Острую могилу“. Завязался сначала артиллерийский бой, затем вышли наши два броне-автомобиля, которые, не взирая ни на какой обстрел, треща со своих

пулеметов, подходили вплотную к окопам неприятеля. Вслед за автомобилями поднялась наша бесконечно-длинная цепь.

Пошла в бой; за ней поднялась другая. Как противник ни пытался сдержать наше наступление,—это ему не удавалось; уже совсем стемнело, когда красные части подошли к „Острой могиле“. Но при наступлении несколько красных командиров вышли из строя; была потеряна связь с соседними частями; произошло некоторое замешательство. Неприятель, проведав это, пошел ночью в контр-наступление, и красные части отступили опять в свои прежние окопы.

На другой день рано утром начали проверять людей,—многих не досчитались: некоторые попали в плен, другие были убиты; в том числе безвестно пропал один из лучших командиров от рабочих рот Евладий Палкин. Рабочие требовали второго наступления на „Острую могилу“; чтобы забрать оттуда тела накануне убитых наших товарищей. К вечеру пошли в бой. Неприятель сильно отбивался, но не мог устоять. В сумерки наши бойцы взяли „Острую могилу“ и окопы противника, отступившего верст на 15.

Несколько дней сряду мы удерживали эти позиции за собой. Не белогвардейцы убедились, что Луганск с этой стороны (в лоб) не взять, и повели наступление на железно-дорожную линию, в верстах 20-ти западнее и в верстах 25-ти восточнее Луганска, чтобы отрезать город. На этих участках красные части были слабоваты, и началось отступление. В силу необходимости нужно было эвакуировать Луганск. Эшелоны с грузом и семьями рабочих направились на Харьков и Миллерово; им с боем удалось прорваться. Рабочие и красные части увидели, что дальнейшее удержание позиций Луганского участка является бесцельным, так как Луганск лишился железнодорожного сообщения, и с великой болью в душе решили 4 мая оставить город. Изморенные, измученные и полураздетые, под дождем и по грязи, герои Луганска пешим порядком отступили на северо-запад (по направлению к Бахмуту). Прибыв в Бахмут и отдохнув там пару дней, луганские рабочие начали пред'являть требования своему Исполкому, находившемуся там в полном составе, чтобы их в срочном порядке сформировали и направили снова на Луганск, чтобы отбить его у врага.

Но 15 мая Луганск был взят, а луганские рабочие находились еще в Бахмуте; они не успели подойти на фронт к бою, а прибыли лишь на второй день после взятия Луганска красными. Только часть рабочих, самовольно раньше ушедших в Бахмут, принимала непосредственное участие в боях при взятии Луганска, в том числе члены Ревкома: т.т. Мышков, Погребной и Фокин.

На долю Ревкома выпало много работы. Белогвардейцы заняв город успели произвести изрядное количество грабежей, насилий и расстрелов; в одних еврейских кварталах документально зарегистрировано

284 грабежа, 48 изнасилований еврейских женщин и несколько расстрелов. Грабежи, изнасилования и расстрелы производились и среди прочего населения, в особенности среди рабочих. В боях под Луганском было убито до 700 человек луганчан. Таким образом, Луганскому Ревкому приходилось уделять много времени и средств для удовлетворения вопиющих нужд населения. Кроме всех прочих зверств и безобразий, белые, находясь в Луганске, сочли своей обязанностью открыть братские могилы павших в боях рабочих и красноармейцев и выбросить трупы за город, а также разгромить водочный склад, в котором находилось 15000 ведер водки и 1700 ведер спирта. Белогвардейцы одиннадцать суток пили с присущим им усердием и вывозили спирт из города.

Работать было очень трудно. Фронт оставался попрежнему в 14—15 верстах от города; попрежнему орудийный и ружейный гул не прекращался, и часто неприятельские снаряды разрывались над городом. Мы держались в Луганске в течение 15 дней, и все эти пятнадцать дней были днями исключительного напряжения, внимания и бдительности. Каждый рабочий днем трудился на заводе, а ночью превращался в воина. В конце концов все так втянулись в эту обстановку, что мало внимания обращали на бои, происходившие под самым городом. Чем сильнее и ближе становились бои, тем больше народу выходило к позициям и помогало красноармейцам. В такой обстановке жил и трудился луганский пролетариат, пока, в силу общих условий фронта, не пришлось 1-го июня 1919 г. оставить Луганск на целых 7 месяцев. На этот раз из Луганска эвакуировались, кроме семейств, человек до тысячи рабочих, включая туда всех партийных и ответственных работников. Все почти эвакуированные из Луганска вступили в Красную армию.

Но и после оставления Луганска, революционный жизненный пульс не переставал в нем биться. Оставшиеся там товарищи продолжали нелегально свою коммунистическую работу. Работа мало-помалу налаживалась, но бдительное око усмотрело, когда следует прибавить к рукам, и ликвидировало всю подпольную организацию.

Часть арестованных была зверски расстреляна. Большинство было увезено куда-то на принудительные работы, а некоторые оставались под стражей до прихода в Луганск красных войск, т. е. до 23 декабря 1919 г.

За все время пребывания деникинской власти в Луганске рабочие переживали тяжкие дни. Местная буржуазия и обыватели преследовали семьи коммунистов, клеветали на них и выдавали так называемой „государственной страже“. Заводы и фабрики почти все стояли, а если работали, то с самым минимальным количеством людей. Жен и детей коммунистов на работу нигде не принимали. Рабочих, мало-мальски замеченных в сочувствии Советской власти, также не

допускали на заводы. Семьи коммунистов и рабочих, эвакуировавшихся из Луганска, в борьбе за существование вынуждены были продавать последние лохмотья, чтобы изо дня в день перебиваться, утешая себя надеждой, что скоро вернется Советская власть.

Но Красные войска все отступали на север и надежда на возвращение Советской власти все отдалялась...

Буржуазия злорадствовала и смеялось, когда добрармия продвигалась к сердцу Советской России. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Военное счастье вернулось к красному оружию. Усилиями Коммунистической партии был поднят дух Красной армии, и белогвардейцы покатались из-под Тулы до белоснежных вершин Кавказа. Побежала добрармия, а за ней — буржуазия. Уходя из Луганска, белогвардейцы частью расстреляли, частью увезли с собой находившихся в тюрьме коммунистов. Луганск освободился от денкинских варваров и вновь стал Советским и на этот раз — навсегда.

С. ПОГРЕБНОЙ

Июльская стачка солидарности 1903 г. в Киеве¹⁾

I. ВВЕДЕНИЕ

Всеобщая забастовка в 1903 году в Киеве представляет интересную страницу из истории революционного движения на Юге России. Это был один из первых подземных ударов мощного движения, которое до основания потрясло здание самодержавного строя. Движение это явилось генеральной репетицией 1905 г., и люди, обладавшие способностью видеть и делать правильные выводы из своих наблюдений, и тогда уже не сомневались в грозном и значительном характере разворачивающихся событий.

Мы не говорим уже о содержании партийных социал-демократических прокламаций, в которых чуть ли не в каждой предсказывалась близость революции и крушения царизма. Но даже из писем современников, перехваченных „черным кабинетом“, наглядно видно, насколько было распространено убеждение, что происходившая забастовка является прелюдией к еще более крупным событиям.

„Нам нужно устроить общую всероссийскую демонстрацию“, пишет один неизвестный автор. „Беспорядки — начало драмы, которую придется видеть не в столь уж отдаленном будущем“ — задумчиво замечает другой внимательный наблюдатель.

В те далекие дни, отошедшие в область истории, Киевский Комитет Р. С. - Д. Р. П. принимал деятельное участие в организации и в социально - политическом оформлении мощного, стихийного по существу движения, пробуждающегося рабочего класса, выступающего на арену исторической жизни. К началу забастовки Комитет представлял из себя дружную организацию, состоявшую из небольшого количества убежденных, активных работников. Движение тогда еще находилось в зачаточном состоянии. Только что был изжит переход от кружковой пропагандистской работы к широкой массовой агитации и соответственно этому перестраивалась организация. Состав Комитета был

---

¹⁾ В основу этой статьи легла, во-первых, брошюра В. Правдина „Революционные дни в Киеве“, вышедшая в издании „Искра“ с предисл. В. Засулич в 1903 г., во-вторых, материалы Киевск. Охр. Отд. и Жанд. Упр., относящиеся к 1903 году, в частности, к июльской всеобщей забастовке.

тогда почти исключительно „интеллигентский“. Из числа рабочих в Комитет входили лишь единицы.

Способы воздействия на движение сводились к устному и печатному слову. Возможности Комитета и в том и в другом направлении были, конечно, не так уж велики. Ораторов, могущих выступать на больших собраниях и митингах было у нас всегда два-три человека. Было несколько человек пропагандистов, которые, по конспиративным и личным соображениям, могли выступать только на небольших собраниях.

Листки Комитета могли печататься в тайной Комитетской типографии лишь в количестве 1000—2000 экземпляров. Типографский станок был очень несовершенной конструкции, и печатание занимало очень много времени. В день можно было отпечатать не более одного листка. В целях экономии времени и труда, приходилось отдавать предпочтение печатанию коротких и небольших листовок прокламаций.

В то время все члены Киевского Комитета были объединены „искровством“. В Киевском Комитете в 1901—1903 г.г. не было уклона в сторону экономизма. Правда, во время существования „Рабочего дела“, издававшегося в Женеве Мартыновым, Акимовым-Махновцем, Кричевским и др., бывшего одно время единственным печатным органом заграничных социал-демократов, это издание поддерживалось и распространялось Киевским Комитетом. Но, как только стала издаваться „Искра“, Киевский Комитет в полном составе стал приверженцем „Искры“, завоевавшей себе сразу популярность среди киевских социал-демократов. Прежние корреспонденты „Рабочего Дела“ стали корреспондировать в „Искру“, платформа которой вполне соответствовала взглядам большинства членов Киевского Комитета.

II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОСТАВ КОМИТЕТА

(в 1902—1903 г. г.)

К моменту начала всеобщей стачки 1903 г. Киевский с.-д. Комитет представлял из себя довольно хорошо сложившуюся организацию, с достаточно работоспособным и солидным личным составом, с налаженными связями и организационными ячейками в рабочей массе, с хорошо устроенной типографией и с правильно действующим литературно-редакционным аппаратом.

Основное ядро Комитета состояло из следующих лиц: организатор стачки — подпольный работник т. Ишуф, пом. прис. пов. Василий Львович Рогачевский (известный впоследствии литературный критик Львов-Рогачевский), бывший народоволец Яков Григорьевич Френкель, работавший в то время в качестве корректора в „Киевской Газете“, присяжный поверенный Сергей Захарович Дижур (известный в Киеве, очень образованный с.-д., умерший от сыпного тифа в 1921 г.), Андрей

Николаевич Мельницкий, талантливый журналист, писавший фельетоны в „Киевской Газете“ под всевдонимом „Будущий“, студент-политехник Лев Яковлевич Карпов, бывший впоследствии инженером, занимавший видный пост в Совнархозе и умерший в 1921 г. в Москве, сотрудник „Киевской Газеты“ — Николай Федорович Пономарев и прис. пов. В. Вакар. Этот состав Комитета сменил т.т. Валлаха, Крохмаля, Бобровского, Басовского, Гурского и др., арестованных в 1901 году по делу Киевского Комитета и организации „Искры“ и впоследствии (в 1902 г.) бежавших из Лукьяновской тюрьмы.

Кроме того, при комитете работала коллегия пропагандистов, с которыми поддерживали сношения т. Ишуф и т. Мельницкий. В коллегии пропагандистов принимали участие: т.т. Вольский, бр. Зеланды, студент Фарбштейн, студент-политехник, впоследствии инженер, Т. Левин, Р. Паперно и др.

Постоянную связь с Комитетом имели и оказывали ему помощь: т.т. Георгий Михалов и его сестра Татьяна, братья Семен и Арнольд¹⁾ Гальперины, Александр Гилярович Богумил (впоследствии прив. - доц. Университета), Ривлин и др.

Работа Комитета окрепла и наладилась в течение предшествующего 1902 г. Об этой работе можно судить по следующим данным годового отчета Комитета на 1 мая 1903 г., составленного для второго Лондонского съезда партии.

Количество листовок разного рода, напечатанных Комитетом с сентября 1902 г. до 1 мая 1903 г., равнялось 42, с общим числом экземпляров 50.500 шт. За год было распространено свыше 10 пудов заграничной литературы, преимущественно „Искры“ (№№ 15 — 38), было организовано 15 массовых собраний — от 30 до 200 человек (встреча нового года, 1 мая и т. д.). Были проведены за год стачки кроватчиков, портных и литейщиков. Был организован побег 11 видных с.-д. из Лукьяновской тюрьмы. В течение зимы 1902/3 г. Комитетом было выпущено 9 номеров „Киевского Социал-Демократического Листка“, откликавшегося на всевозможные явления общественной и политической жизни. В листке затрагивались следующие темы: секретные приказы командующего войсками ген. Драгомирова, студенческие сходки, посвященные годовщине со дня смерти т. Балмашова, выселение из Киева 500 еврейских семей за нарушение закона о правительстве, юбилей жандармского ген. Новицкого, демонстрации рабочих на Подоле, преследования штундистов за веру, злоупотребления местной администрации, приезд Зубатова в Киев — и действия зубатовцев в Киеве, суд над полтавскими крестьянами, обвинявшимися в устройстве аграрных беспорядков, заявление защитников М. Б. Ратнера, В. М. Шейнмана и др. об уходе из процесса, ввиду стеснения

¹⁾ Очевидно, Рудольф Гальперин. Прим. ред.

прав защиты, годовщина Кишиневского погрома, некролог Д. Я. Логвинского, годовщина восстания декабристов, ростовская демонстрация, отставка ген.-губернатора Драгомирова, назначение ген.-губ. Клейнгельса и т. п.

Уже из перечня этих тем видно, что Комитет был чисто „Искровским“ и далеко ушел от рабочедельчества и экономизма, стремившихся держать рабочих в узком кругу экономических, непосредственно близких к нему интересов, проповедывавших теорию „стадий“ и т. п. Конечно, технические возможности Комитета были довольно незначительны, он не мог дать многого, но тенденция редакционно-издательской работы сводилась к тому, чтобы, не ограничивая кругозора рабочих рамками одних только экономических интересов, стремиться ввести его в курс всей современной политической и общественной жизни, давая в листках оценку ее проявления с точки зрения революционной социал-демократии. В предшествующие годы местное издательство знало либо листки, догматически излагающие основные положения с.-д., либо цеховые экономические листки.

Киевский Комитет в 1902 году, следуя примеру и принципам „Искры“, стремился использовать тот весьма ценный обличительно-агитационный материал, который давала деятельность местных административных властей и жандармерии, киевских судов, духовенства, учебных заведений, черносотенных газет вроде „Киевлянина“ и т. п. Этим и объясняется то значительное внимание, которое уделялось таким явлениям, как преследования штундистов, административная высылка еврейских семей, студенческие дела, суд над крестьянами и т. п.

Движение к этому времени уже переросло рамки кружковой пропаганды и даже массовой агитации и стремилось вылиться в массовые уличные демонстрации. При этих условиях приходилось, не оставляя старых испытанных форм работы (кружковой работы для подготовки отдельных агитаторов, печатания листовок и распространения брошюр общего характера), искать новых форм деятельности для руководства новыми формами движения (массовые уличные демонстрации и всеобщие политические забастовки). Для этого в первую голову был необходим отчетливо работающий, строго централизованный и конспиративный аппарат, состоящий из энергичных, дружных, способных товарищей и располагающий средствами для воздействия на массы путем устного и печатного слова (ораторы и типография). С.-Д. Комитет располагал и тем и другим.

К началу стачки он проделал уже определенную работу в массе, связался с ней, и события, надвинувшиеся с Юга, не застали его врасплох.

В одном из писем, находящемся в делах Охранного отделения, признается эта налаженность Киевского Комитета к моменту начала

стачки. Вот что там между прочим пишется: „Рабочие не признали Комитета своим руководителем и главою, да и трудно было признать (по смыслу это относится к началу 1902 г.), потому что он бездействовал и был в хвосте движения. А это ненормально. Понаехали сюда очень зрелые работники, взяли в свои руки все киевское движение, повели дело энергично и довели... до обрыва, с которого только оставалось оборваться и полететь в пропасть. Но судьбе было угодно иное, и вот мы втроем, очень зеленые люди, не убежали от дела, как те очень зрелые люди. Они побросали, а мы все взяли да и связали, и наладили дело так, что в очень короткое время заставили Комитет выпустить столько прокламаций, сколько во весь прошлый год не было выпущено. А теперь нас разрушает произвол киевских сатрапов да разлад с социалистами-революционерами, которые, как малые дети, хотят выйти на улицу да поплясать: а ведь толку-то мало, если опять будет в одном Киеве, а еще в этот день не будет нигде демонстрации. Опять будут пороть и опять должен какой-нибудь Леккерт мстить за опозоренных. Опять должен будет честный гражданин, истинный сын своей родины, отдать жизнь для России ни за что ни про что. Нет, нам нужно устроить общую всероссийскую демонстрацию, показать им, что революционеры не вывелись еще в России, а наоборот, масса — народ стал революционером, а не отдельные личности Балмашовы, Карповичи, Качуры. Убеденный соц.-дем. есть истинный революционер, а не политический убийца“... В этом письме все характерно для настроения рядового рабочего с.-д. того времени: предчувствие близости „всероссийской демонстрации“, сознание, что киевское движение было доведено до „обрыва“, отрицательное отношение к индивидуальному героизму социалистов-революционеров... Здесь отзвуки всей партийной работы того времени.

В то же время в Киеве находились некоторые представители Центрального Комитета партии или лица, имеющие с ними тесную связь. Члены местного Комитета поддерживали с ними постоянное общение и пользовались их советами и указаниями. Кто именно из этих товарищей состоял в ЦК — немногим из местных комитетчиков было известно, конечно, в силу конспиративных соображений. Немногие знали также и настоящие фамилии этих товарищей. В то время часто бывал в Киеве т. Ленгник, Красиков, именовавший себе Павловичем, Владимир Рязанов и др. Постоянно проживал в Киеве Глеб Максимилианович Крыжановский со своей женой Зинаидой Крыжановской, Дмитрий Ильич Ульянов с женой и сестрой и другие видные с.-д. Следы пребывания в Киеве указанных товарищей мы находим в делах охранного отделения. В одном месте мы встречаем: „Из лиц арестованных 1 января 1904 г. членом ЦК состоял Дмитрий Ильич Ульянов¹⁾“.

¹⁾ Как известно, в ЦК Дмитрий Ильич не входил — жандармы тут ошиблись.

брат коего Владимир был душой партийного съезда, состоявшегося в Брюсселе, и Залкинд, а по всему вероятно также и сестра Ульянова — Анна Елизарова, жена — Мария Ульянова¹⁾ и Владимир Елагин, давно известные департаменту полиции как истые с.-д. В тесных связях с ними состояли Глеб и Зинаида Крыжановские“.

Остановлюсь-еще на некоторых отдельных работниках, игравших видную роль в Комитете.

Организатором Всеобщей забастовки в Киеве был т. Ишуф, энергичный и способный соц.-демократ, подпольный работник, умерший в 1922 г. в Москве. Его партийная кличка была — Александр. По профессии он был учителем еврейской школы в Сев.-Зап. крае. Его имя часто встречается в делах Охранного Отделения за 1903 г. В записях филеров он проходил наблюдение под кличкой „Гусака“.

Начальник Охранного Отделения доносит Директору Департамента Полиции в 1904 г. „Александр считался одним из авторитетов Комитета и вел сношения с пропагандистами-политехниками: братьями Зеландами, Владимиром Вольским, Андреем Николаевичем Мельничким (сотрудник „Киевской Мысли“ — „Будущий“), Львом Яковлевичем Карповым и др.

Далее в делах Охранного Отделения имеются сведения, что т. Ишуф, вместе с другим видным членом Киевского с.-д. Комитета, прис. пов. Сергеем Захаровичем Дижуром, ездили 24 декабря 1903 г. в Ростов на Конференцию Р.С.-Д.Р.П., — в качестве делегатов Киевского Комитета партии. 17 января 1902 году т. Ишуф был приговорен в административном порядке к высылке из столицы и университетских городов на 3 месяца. В 1904 году т. Ишуф был арестован и сидел в Киевской Лукьяновской тюрьме вместе с другими членами Киевского Комитета.

В состав Комитета в то время входил известный теперь литературный критик Василий Львович Рогачевский (Львов-Рогачевский), представлявший крупную идейную величину в Комитете. По общим отзывам, речи товарища Рогачевского производили сильное впечатление. Т. Рогачевский был тем Комитетским оратором, который выступал на вокзале перед забастовщиками. Его речь приведена полностью в брошюре, содержащей описание этой забастовки. Тов. Рогачевский работал в Комитете не только словом, но и пером; он входил в литературную группу Комитета и сотрудничал в „Киевской Газете“. В 1904 г. тов. Рогачевский был арестован и сидел в Киевской Лукьяновской тюрьме. В делах Охранного Отделения имеются указания на то, что 28 декабря 1900 г. т. Рогачевский был арестован в Харькове

---

¹⁾ Жону т. Дмитрия Ульянова звали не Мария, а Елена; очевидно тут описка или предполагается сестра — Мария Ильинишна; все они арестовывались в 1904 г. в Киеве.

за принадлежность к Харьковскому Комитету Р.С.-Д.Р.П., при чем при обыске у т. Рогачевского была отобрана рукопись преступного содержания, призывающая рабочих „к ниспровержению существующего в государстве общественного строя“. По высочайшему повелению т. Рогачевский был приговорен к гласному надзору вне столиц и губернских городов Харьковской, Таврической, Полтавской и Саратовской губ. на 3 года. Из Харькова т. Рогачевский был выслан в Киев 10 июля под гласный надзор полиции, прибыл в Киев за неделю до начала всеобщей забастовки, как раз как нельзя более кстати, тотчас же вступил в Комитет и принял в нем самое деятельное участие. Я едва ли ошибусь, сказав, что т.т. Ишуф и Рогачевский были душой Комитета и самими активными работниками.

Тов. Рогачевский был помощником прис. пов., но практикой не занимался и жил литературным трудом. У филеров т. Рогачевский „проходил наблюдение“ под кличкой „Плут“, данный ему, вероятно, за умение ловко обманывать сыщиков.

Старейшим из членов Киевского с.-д. Комитета был Яков Григорьевич Френкель, носивший тогда партийное имя Доброва. Тов. Френкель пользовался большим уважением, как старый партийный работник. К делу с.-д. работы т. Френкель относился с большой преданностью и самоотверженностью.

Нелегальная типография была устроена при помощи Я. Г. Френкеля в квартире Анны Николаевны Пригоровской (сестры жены тов. Френкеля), в одном из домов по Столыпинской ул. В этой типографии самоотверженно работала А. Н. Пригоровская, которая была арестована жандармами за работой 30 апреля 1904 г. Тогда же был арестован и Френкель Я. Г., но для него дело кончилось благополучно.

А. Н. Пригоровская сидела до октября 1905 г., когда была выпущена по октябрьской амнистии. В настоящее время ее уже нет в живых ¹⁾. Тяжелые условия работы, ожидание ежеминутного ареста, тюрьмы и ссылки тяжело отражались на нервной системе и на ее характере. Она имела вид мученицы-подвижницы: всегда в черном, скользкая неслышной походкой, вечно настороже, стремящаяся быть незамеченной.

В делах Охранного Отделения имеются указания, что Я. Г. Френкель привлекался в 1885 г. по делу о Германе Лопатине и др., обвинявшихся в принадлежности к революционному кружку партии „Народной Воли“, и С.-Петербургским военно-окружным судом был оправдан.

Многим из киевлян памятен, вероятно, Андрей Николаевич Мельницкий, писавший в „Киевской Мысли“ фельетоны под псевдонимом

¹⁾ А. Н. Пригоровская вторично привлекалась к ответственности за принадлежность к Киев. К-ту РСДРП в Киеве в 1913 г. и была присуждена к ссылке на поселение.

„Будущий“. За тов. Мельницким тогда очень следили; это было нам известно в то время, и в этом можно убедиться теперь из записей в делах Охранного Отделения, где тов. Мельницкий проходил под кличкой „Проходной“. Тов. Мельницкий пользовался общей любовью товарищей и был одним из деятельных и талантливых пропагандистов. К сожалению, он умер давно, молодым, задолго до революции... В литературной работе Комитета он почему-то в то время не принимал почти никакого участия. Впоследствии он писал довольно много статей, рассказов и фельетонов в легальном с.-д. еженедельнике „Друг Народа“, издававшемся в Киеве в 1907 г. Тов. Мельницкий происходил из рабочей семьи, отец его был, кажется, текстильщиком в одной из подмосковных мануфактур. А. Н. Мельницкий в то время только начинал работать в качестве журналиста и зарабатывал себе средства к существованию на одной канцелярской должности в Управлении Округа Путей Сообщения. Там же служил студент Киевского Ун-та, впоследствии прис. пов. Иосиф Адамович Двораковский, также участвовавший в с.-д. работе. В делах Охранного Отделения мы находим донесение директору Департамента Полиции от 25 июля 1903 г., следующего содержания: „22 июля были обысканы и арестованы студенты Киевского Ун-та: Иосиф Двораковский и Андрей Мельницкий, у коих найдено, у каждого в отдельности, по несколько преступных изданий. Задержанные содержатся в Киевской тюрьме“.

Молодой студент-политехник Владимир Вольский принимал в этот период чрезвычайно активное и самоотверженное участие в работе С.-Д. Комитета. Тов. Вольский впоследствии приобрел известность под именем Валентинова, как автор многих статей и брошюр по вопросам, связанным с марксистской философией и посвященным теории и практике социал-демократического движения. Это был тогда здоровый, цветущий, жизнерадостный юноша атлетического телосложения. Его энергичный и экспансивный характер толкал его всегда на самые опасные и трудно исполнимые предприятия, требовавшие смелости, решительности, а иногда ловкости и физической силы. Борьба, риск и опасность увлекали т. Вольского. Как пропагандист, тов. Вольский выделялся образованностью, начитанностью, в особенности в вопросах философии и истории и обладал даром слова. Тов. Вольский вел усиленную пропаганду с.-д. идей среди студентов Политехнического Института и организовал студенческий с.-д. кружок, в котором принимали участие два брата, студ.-полит. Зеланды, работавшие также в качестве пропагандистов и исполнявшие всевозможные технические поручения.

Вся эта группа принимала деятельное участие в первых уличных политических демонстрациях, организованных в Киеве С.-Д. Комитетом в 1901—02 г.г. Движение в описываемый период уже переросло стадию кружковой пропаганды и даже массовой агитации и

властно стремилось на улицу. Первой крупной политической демонстрацией в Киеве была демонстрация, организованная С. - Д. Комитетом на Крещатике в феврале 1902 г., почти одновременно с такой же крупной вооруженной демонстрацией, происшедшей в Ростове на Дону и знаменовавшей новый этап в развитии революционного движения.

В этой демонстрации чрезвычайно живое участие принял тов. Вольский. Во время демонстрации у него произошло столкновение с приставом Закулисовым, проявлявшим исключительное усердие при ее подавлении. Демонстранты безжалостно избивались и разгонялись вызванными войсками, казаками и полицией и, во время происходивших схваток, тов. Вольский был серьезно ранен ударом шашки по голове, упал без сознания и там же был арестован...

Во время всеобщей забастовки 1903 г., тов. Вольский выступал на рабочих сходках и, в частности, на сходке типографщиков на берегу Днепра.

III. НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ ЗАБАСТОВКИ

В начале июля 1903 года, одновременно возникли забастовки: в Одесских жел. - дор. мастерских и в Баку на нефтяных промыслах. Сначала забастовка носила изолированный характер обычной экономической забастовки на отдельном предприятии, но вскоре из сочувствия забастовали и рабочие других предприятий в указанных городах, и забастовка приобрела всеобщий характер. Забастовочная волна перекинулась в другие города Юга России (Ростов, Николаев и др.), распространилась на пароходство по Черному морю, и к середине июля уже весь Юг России дружно бастовал. Всеобщая забастовка, — первая в России захватившая рабочее население крупных городов на таком большом пространстве, возникшая из чувства товарищеской, классовой солидарности, — имела несомненно крупное политическое значение. В отличие от предшествовавших ей экономических стачек, эта забастовка носила явно выраженный характер непосредственной борьбы с правительством и представляла стихийный взрыв классовой солидарности. Путем забастовки рабочий класс протестовал против тяжелых условий экономической и политической жизни: этот протест вылился в форму „революции скрещенных рук“: „рабочие скрестили руки, чтобы добиться справедливости“.

В Киеве забастовка началась 21 июля 1903 г. Первыми забастовали рабочие Киевских жел. - дорожных мастерских, по призыву Киевского К - та Р. С. - Д. Р. П., и этим дали сигнал началу всеобщей забастовки в Киеве. В тот же день к железнодорожникам присоединился Южно-Русский завод. На следующий день 22 июля, по выражению пристава Бульварного участка, Гретеровцы „учинили“ забастовку.

По рассказу того же пристава, в 6 ч. вечера директор завода Гретера объявил рабочим: „желающие продолжать работу должны явиться на работу завтра, а не желающие могут оставаться дома“... „Все тотчас же спокойно разошлись“. Так успокоительно заканчивается полицейский рапорт.

В течение первых же двух дней забастовка сочувствия приняла грандиозные размеры: забастовали рабочие почти всех крупных фабрик и заводов г. Киева. „Учинили забастовку“ арсенальцы, типографщики, пекаря, водники, замерли строительные работы в городе, остановился трамвай, прекратился выход газет. Единственной типографией в городе, продолжавшей работать, была типография Киевского Комитета Р.С. - Д.Р.П., наводнявшая все фабрики и другие предприятия прокламациями... Все бросали работы, „ни один не противоречил,“ по счастливому выражению полицейского рапорта.

Забастовка стала, в полном смысле слова, всеобщей. Настроение было у всех праздничное, приподнятое. Радостное напряженное чувство серьезной борьбы за право и свободу взволновало и охватило всех активных борцов. Все мелкое, будничное отлетело прочь. Светлое чувство товарищеской солидарности наполнило сердца всех. Казалось, что впервые почувствовали ту нравственную связь, которая объединяет всех трудящихся перед лицом угнетателей. В одном из писем, перехваченных охранкой, какой-то рабочий пишет: „Все киевское поет, везде радостно. По всем улицам толпы рабочих...“

Вначале забастовка протекала организованно, под руководством с.-д. Комитета: на подготовительных собраниях выступали пропагандисты К-та и организаторы стачки. На общем собрании-митинге в ж.-д. мастерских выступал лучший оратор К-та, забастовка началась по сигналу К-та, план проведения забастовки в ж.-д. мастерских и по всему городу был разработан и проведен в жизнь ж.-д. Комитетом. Требования рабочих были сформулированы в прокламациях, изданных в тайной типографии К-та и распространенных по предприятиям в большом количестве. За все время стачки было отпечатано 12 прокламаций в количестве около 30 тысяч экземпляров. Листков 15 было издано на гектографе.

Борьба протекала в форме пассивного сопротивления. Но стоило прогреметь первым залпам на вокзале, как картина сразу резко изменилась. 23 июля на вокзале неожиданно были расстреляны безоружные рабочие. Во время стрельбы были убиты: 1) Ковалев, токарь ж.-д. мастерских (он оставил вдову и пятерых детей), 2) Павел Николенко, слесарь ж.-д. мастерских, 23 лет (осталась вдова и трое детей), 3) Николай Хлусов, рабочий ж.-д. (холостой), и 4) Степан Безва, рабочий Южно-Русского завода, 18 лет.

Как только пролилась первая кровь, вся жизнь в городе замерла... Наступило жуткое затишье. Движение приняло такие формы,

что Комитет утратил над ним власть. „Скрещенные руки“ расправились и схватились за камни и железо. Совершенно неожиданно, по собственному почину масс, то здесь - то там в городе начались столкновения между толпой и войсками, тысячные толпы собирались на улицах и площадях. То Крещатик наводняется забастовщиками, то толпы собираются на Галицком и Сенном базарах и на Подоле и, вооружившись камнями, оказывают упорное сопротивление казакам и пехотным войскам, вызванным на помощь полиции.

В одном из писем, перехваченном „черным кабинетом“, следующим образом характеризуются действия толпы в эти дни: „толпа проявляла столько умения, настойчивости и распорядительности, что пришлось удивляться не только мне — постороннему зрителю, но и людям умудренным опытом в таких делах. В эти дни Киев и его окрестности развили столько умственной энергии, что и не учтешь“. Здесь положение схвачено очень метко: толпа, масса, рабочий класс, стихия вышла на авансцену. Комитет оказался не в силах овладеть движением и стать во главе его.

После стрельбы на вокзале, возмущение в рабочем классе поднялось на небывалую высоту. Казалось, что это возмущение, это революционное настроение создадут взрыв исключительной силы. В брошюре, посвященной этой стачке, мы читаем: „удержать стачку в русле мирного протеста нам не удалось. Пролетарское возмущение самопроизвольно прорывалось то здесь, то там в виде отдельных партизанских стычек, неоформленных и не связанных воедино руководством Комитета. Предотвратить эти стычки, как это старался сделать Комитет через посредство организованных рабочих, оказалось невозможным“.

Назревающая буря вызвала в правительстве страх. А когда правительство испытывает страх, оно, по выражению Л. Берне, само становится страшным. Нотки страха чувствуются, например, в следующем донесении начальника Охранного Отделения, подполк. Спиридовича, директору Департамента Полиции 24 июля 1903 г.: „Число забастовавших заведений увеличивается. Рабочие толпами ходят по городу, и хотя войсковой наряд очень велик, бесчинства продолжают, ибо полиция не умеет пользоваться войсками. Положительно нет никого, кто на улицах мог бы энергично распоряжаться. Революционные Комитеты молчат, движение стихийное и при настоящих местных порядках должно перейти в грандиозную демонстрацию“.

Правительство стало готовиться к крайним мерам. Стрельба продолжалась. 24 июля войска стреляли в толпу на Галицком базаре, 25 июля — на Подоле. А 26 июля Начальник Охранного Отделения опять с испугом доносит в департамент полиции: „Сегодня беспорядки продолжают, завтра предполагается массовая демонстрация, почему город, разделенный на районы, с утра будет передан на личную ответственность за сохранение порядка особо назначенным полковникам“.

Толпа действовала во многих случаях по собственной инициативе, без руководителей, и действия ее были весьма обдуманно и полны собственного достоинства. В брошюре, посвященной этому событию, напечатанной 26 лет тому назад редакцией „Искры“ в Женеве, мы читаем: „следует отметить крайне корректное и выдержанное поведение рабочих. Прямо удивительно, как это, при нашей азиатчине, в царстве тюрьмы и нагайки, возможны такие сознательные, исполненные чувства собственного достоинства, движения“... „Уже теперь наше правительство с ужасом останавливается перед этим грозным потоком, предвидя неизбежную победу русского пролетариата“.

IV. ДОНЕСЕНИЯ ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О ХОДЕ СТАЧКИ

„Телеграмма 20 июля 1903 г. № 5715. Директору Департамента Полиции. Идет агитация за всеобщую забастовку. Железно-дорожные мастерские начнут завтра. Появился одесский делегат. Ночью арестуем заправил.“

Подполковник Спиридович.

Телеграмма 20 июля 1903 г. Департамент полиции. Зубатову. Приехавший из Одессы начальник дороги Немешаев распространяет слухи, что все Одесской произошло из-за „зубатовцев“, которые якобы перешли внезапно к революционерам, что он уже сообщил в Питер. Сам он много понаделал там глупостей, способствовавших беспорядкам.

Подполковник Спиридович.

Телеграмма 21 июля. Директору Департамента Полиции. В восемь утра забастовали все железнодорожные мастерские, где разбросаны прокламации С.-Д. Комитета с призывом к забастовке. Комитет предлагает организовать всеобщую забастовку. Пока буйств нет, ибо боятся полиции, усиленные наряды коей расставлены спозаранку. Ночью арестованы два агитатора. Сегодня предполагаем ликвидировать наблюдение за социал-демократами.

Подполковник Спиридович.

Телеграмма 21 июля. Директору Департамента Полиции. Около полудня железнодорожники залили паровозы, собрались в мастерских и в 4 часа мирно разошлись. После полудня забастовали рабочие Южно-Русского завода, но теперь тоже разошлись. Приняты серьезные военно-полицейские меры.

Подполковник Спиридович.

21 июля. Начальнику Киевского Охранного Отделения. Организуйте надзор за движением толп забастовщиков, дабы не допускать срывания с работ силой. Ликвидируйте известное.

Зубатов.

Телеграмма Директору Департамента Полиции, от 22 июля 1903 г. Утром забастовали еще три завода и две фабрики, а после обеда рабочие типографии Кульженко; забастовав, побежали небольшими группами по прочим типографиям, с целью сорвать работы, после чего 300 типографщиков собрались на сходку у Днепра за городом, где таковая была прервана высланным нарядом, при чем арестовано 75 человек, из них 2 интеллигента.

Подполковник Спиридович.

Чрезвычайно характерен тот страх, который питали жандармы к участию „интеллигентов“ в революционном движении: в шифрованной телеграмме директора департамента полиции Лопухина на имя нач. киевского Розыскного Отделения от 14 декабря 1902 года, напр., даются следующие директивы, указывающие на неодинаковое отношение жандармов к „интеллигентам“ и „рабочим“: „сходки переписать, интеллигентов арестовать, рабочих осмотреть“.

„Телеграмма Директору Департамента Полиции, 24 июля 1903 г. Число забастовавших заведений увеличивается. Рабочие толпами начинают ходить по городу, и, хотя войсковой наряд очень велик, беспчинства продолжают, ибо полиция не умеет пользоваться войсками. Положительно нет никого, кто на улицах мог бы энергично распоряжаться. Революционные Комитеты молчат, движение стихийное и, при настоящих местных порядках, должно перейти в грандиозную демонстрацию.

Подполковник Спиридович.

Телеграмма Директору Департамента Полиции. 25 июля 1903 г. Толпа производит разгромы фабрик и предполагает бить евреев¹⁾, о чем доложено губернатору. Сегодня арестовано 32 подстрекателя и 4 члена боевой дружины: Гаврилов, Бойко, Кириченко, Смольский. У первого взята полная типография в 4 пуда, с набором прокламаций, 200 экземпляров, отпечатанных партии социалистов-революционеров, а также медная печать Комитета.

Подполковник Спиридович.

¹⁾ Это полицейское предположение, конечно, не имело под собой никаких оснований.

Телеграмма Директору Департамента Полиции, 26 июля 1903 г. Сегодня беспорядки продолжаются. Завтра предполагается массовая демонстрация, почему город разделен на районы, с утра будет передан на личную ответственность за сохранение порядка особо назначенным полковникам.

Подполковник Спиридович.

В одном из донесений Киевского Губернского Жандармского Управления Директору Департамента Полиции содержатся сведения о потерях, понесенных полицией и войсками во время происходивших уличных столкновений. Получили поранения: чины войсковых частей Киевского Гарнизона — 4 офицера и 65 нижних чинов, чин корпуса жандармов — 1, чинов городской полиции — 45 человек, из рабочих и частных лиц арестовано 320 человек, пострадало 32 человека, из них убито и умерло от ран 4 человека и ранено 24 человека.

В деле Киевского Охранного Отделения „О забастовках и уличных боях“ имеется интересное донесение полковника Спиридовича директору департамента полиции о неправильных действиях начальника дороги Немешаева. Из приведенной выше телеграммы Спиридовича Зубатову, виден уже антагонизм, существовавший между Охранным отделением и начальником дороги. Немешаев всю вину за возникновение забастовки, как видно, сваливал на зубатовщину, а охранники, в свою очередь, обвиняли во всем Немешаева, который своей неискренностью и неудачными увертками только возбуждал и революционизировал рабочих.

„По возникновении забастовки, 21 сего июля, в Киевских мастерских Юго-Западных ж. д., администрация последних, главным образом, в лице Начальника Дорог — господина Немешаева, допустила ряд ошибок, возымевших неблагоприятное влияние на ход беспорядков.

В первый же день прекращения работ, начальник дорог Немешаев, прибыв в мастерские, сказал рабочим малопонятную, высокопарную речь, пообещал им дать все то, что дал одесским рабочим, лишь бы они продолжали работать, после чего уехал с вокзала.

Обещания господина Немешаева, которые он, по слухам, не мог выполнить в Одессе, были первым успехом забастовщиков, которые, подбодренные им, для большего успеха своих требований, после отъезда начальника дорог направились к паровозному депо, залили паровозы и вновь вернулись к мастерским.

Прибыв днем вторично в мастерские, г. Немешаев, пройдя к рабочим, объявил, что одесские рабочие им очень довольны, что они, благодаря выполнению им обещаний, стали на работу и даже прислали благодарственную телеграмму. Объявление это, не отвечающее истине, возымело совсем не успокаивающее действие. Рабочим известно было, что данные в Одессе обещания, благодаря которым рабочие стали

первоначально на работы, выполнены не были, что и повлекло за собой вторичную там забастовку. Понимали они также и то, что присылка телеграммы начальнику дорог от забастовщиков не могла иметь места.

Все это повлекло к тому, что рабочие поняли означенные действия господина Немешаева, как желание обмануть их, почему и потребовали показать телеграмму. Выполнить последнего г. Немешаев не мог, так как благодарственной телеграммы он, в действительности, не получал. Отказ пред'явить телеграмму утвердил лишь рабочих в их подозрениях и дал возможность агитаторам указать рабочим на то, что администрация их обманывает и хочет провести одними обещаниями, что крайне возбудило рабочих.

При начале забастовки в мастерских находилось большое число посторонних рабочих и разночинцев, которые агитировали за прекращение работ, возбуждали рабочих, а некоторые разбрасывали прокламации за подписью „Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“. Удаление означенной посторонней публики из мастерских должно было составить первую меру по прекращению возникшего в них беспорядка, что и было доложено мною прибывшему на вокзал и. д. губернатора.

Далее излагается, что „господин Немешаев“ не принял надлежащих мер к удалению из мастерских посторонних и к прекращению им доступа в мастерские. В последующие дни Немешаев не являлся в мастерские, хотя рабочие очень желали его видеть, а приказал вывесить объявления, которые, однако, не имели его подписи. Последнее обстоятельство вновь дало повод рабочим заподозрить Начальника Дорог в искренности его желаний, почему они потребовали подписки: объявления были подписаны; но эта уступка требованию рабочих лишь приподняла их настроение. Объявления были разорваны.

По имеющимся сведениям, таковое поведение Начальника Дороги было использовано агитаторами в полной мере, почему и имело на ход беспорядков самое пагубное влияние“.

Подполковник Спиридович“.

21 июля пристав Бульварного участка доносит рапортом Начальнику Киевского Губ. Жанд. Управления о забастовке на Южно-Русском заводе.

„Сего числа на Южно-Русском машиностроительном заводе рабочие после обеденной поры явились на завод, но к работам не приступили, заявив о своей забастовке администрации завода на бумаге, изложив следующие требования: 1) 8-ми часовый рабочий день, 2) увеличение поденной платы мастеровым рабочим до 50%, 3) увеличение аккордной платы на 50%, 4) вывесить расценочную

табель по цехам, 5) праздничные дни считать за целый день, 6) перерыв на обед, 7) улучшить медицинскую помощь, добавить нужные медикаменты, 8) за прогул двух дней не штрафовать, 9) чтобы мастера не рассчитывали без согласия выборного старосты, 10) за отказ от сверхурочных работ не рассчитывать и не штрафовать, 11) при поступлении мальчика платить ему не менее 3-х копеек в час, 12) работающим аккордную работу за сверхурочную работу приплачивать часовой оклад жалования, 13) литейщикам сдавать работу, а если окажется брак, то за него отвечать, 14) переделать кузнечный цех, поднять, расширить горн, 15) столярам и модельщикам или платить за их инструменты или выдавать заводом, 16) больным всегда полное жалование, 17) за все новые работы, еще не деланные на заводе, рабочие получают приплату в размере не менее 50% сверх поденного жалования, 18) вежливое обращение начальствующих.

Донося о всем вышеизложенном Вашему Превосходительству, имею честь доложить, что рабочих на заводе около 670 человек, с утра все стали на работу, а после обеда 300 человек не явились, остальные же, явившись во двор завода, заявили о вышеупомянутой претензии. К 6 часам все из завода разошлись по своим квартирам. Главным руководителем был токарь Фран Иосифов Земнах. Кроме него агитаторы замечены: модельщик Василий Трофимов Булыченко, котельщик Виктор Станиславов Кручковский, литейщик Яков Михайлов Давыдов, котельщик Иоаким Сергеев Зарембо-Федчишин“.

Тот же пристав Бульварного участка в тот же день, 22 июля, „доносит“ Начальнику Губ. Жандармского Управления.

„Имею честь донести Вашему Превосходительству, что 22 июля на машиностроительном и чугунно-литейном заводе Гретера и Криванек на Шулявке рабочие работали с 6 ч. утра до 12 ч. дня спокойно, после чего разошлись на обед. По возвращении же с обеда в общем порядке, после первого часа пополудни, несмотря на неоднократные призывные к работе свистки, все рабочие учинили забастовку. Главными руководителями забастовки были рабочие: Иван Дмитриевич Тамбовцев, Алексей Павлов Сидоров, Алексей Семенов Слепнев, Василий Петров Волошин. Выдающимися пособниками в забастовке были рабочие: Алексей Алексеев Бойко, Василий Родионов Блоцкий, Эмилиян Домиников Садовский, Василий Григорьевич Загребенко, Григорий Иванов Ефименко, Вячеслав Мужик, Иосиф Иомусович Эрб, Сергей Яковлевич Кислицкий, Иосиф Меснер, Иосиф Иосифович Гербольдт, Иван Марков Панченко, Василий Афанасьевич Кузнецов“.

В другом курьезном рапорте (сохраняем стиль) тот же пристав дополнительно сообщает о забастовке на том же заводе Гретера:

„По опросе о причинах забастовки, рабочие объяснили забастовку эту в виду угроз, обращенных к ним со стороны вокзальных рабочих, вместе с тем, заявили и свои требования, а именно: а) уменьшение

рабочего дня до 8 часов, б) увеличение зарплаты до 50%, в) прекращение работ в праздничные и воскресные дни — с сохранением содержания и г) лечение. При этом считаю долгом доложить, что в общем рабочие (за исключением несколько раз повторенных в начале забастовки возгласов „ура“, а также главных зачинщиков, из коих Алексей Бойко ударил рукой в лицо мастера, австрийского подданного Ивана Кашпаро, за предложение последнего приступить к работе, Алексей Сидоров свистел, Василий Блоцкий держал себя особенно буйно), — вели себя спокойно (!) Рабочих на заводе было 708 человек“.

О продолжении забастовки на том же заводе Гретера в конце первого дня тот же повествователь рассказывает:

... „На предложение полиции и прибывшего около 4 ч. дня на завод старшего фабричного инспектора приступить к работе, рабочие категорически отказались, но остались в усадьбе завода и после ухода фабричного инспектора, ожидая гудка, извещающего об окончании работы. Гудок оказался испорченным, и директор завода Витачек, по предложению чинов полиции, в 6 ч. вечера объявил всем рабочим, что работы сегодня окончены, а потому они могут разойтись и что желающие продолжать работу должны завтра явиться на работу, а не желающие могут оставаться дома. Ни один из рабочих не противоречил распоряжениям директора Витачека и тотчас же спокойно разошлись домой“.

В донесении подполковника Спиридовича департаменту полиции, 27 июня 1903 г. за № 4546, описаны события на Подоле.

„25 июля 1903 г. забастовали рабочие хлебопекарни Хандроса, помещающейся на Набережно - Крещатикской ул. № 22, а также рабочие мастерских 1 и 2 пароходных обществ, расположенных на Трухановом острове. Они, захватив небольшой п/х „Маруся“ и раз'езжая на нем около пароходов, расположенных на стоянке у Труханова острова, насильственным образом вовлекали в стачку команды этих пароходов, снимая их на пароход „Маруся“, все время дававший тревожные свистки. В то же время по улицам Подола бродили отдельные группы праздных рабочих, скопляясь преимущественно на берегу Днепра. После полудня отдельные группы рабочих, в количестве больше 100 человек каждая, направились к незабастовавшим фабричным заведениям на Подоле и, с криком и свистом, начали камнями выбивать в них окна и бросали также камнями в чинов полиции, безуспешно пытавшихся прекратить буйство. Таким образом, были насильственно присоединены к забастовке рабочие гильзовой фабрики Каракозова на Ильинской ул., табачной фабрики Эгиза на ул. Черная Грязь и паровых мукомолов Кельбера и Бродского, расположенных на берегу Днепра. Кроме того, забастовавшие рабочие выбили стекла в электрической осветительной станции на Андреевской ул. и в некоторых частных домах, прилегающих к фабрикам. В то же время большая

толпа забастовавших рабочих стала собираться на берегу Днепра, приветствуя криками и маханием шапок пароход „Некрасов“, на котором перевозились с Труханова острова в город забастовавшие рабочие мастерских 1 и 2 пароходных обществ. Для рассеяния толпы призваны были войска: две роты пехоты и сотня казаков, которых толпа рабочих встретила градом камней, вследствие чего казаками было сделано несколько выстрелов в толпу, а также дано 4 залпа пехотой, после чего толпа рассеялась. Из толпы остались на месте тяжело ранеными трое: крестьянин м. Любеча, Черниг. губ., Андрей Григорьевич Кнышь, кр-н села Вольницы, Минской губ., Осип Павлов Комлев, и кр-н села Воробьевка, Каневского уезда, Никита Иванов Майченко. Были ли другие раненые в толпе и сколько именно, не установлено.

Большое, подробное донесение на имя Департамента Полиции посвящено демонстрации на Софийской площади. Ограничиваемся кратким извлечением из него... „зарегистрированием вожаков: портного Новожатко, рабочего Орешного, интеллигентов — ученика художественного училища Запорожца Ивана Кузьмича, сына полковника Николая Федоровича Пономарева (идущего по наблюдению под кличкой „Газетчик“) и принятыми военно-полицейскими мерами демонстрация предупреждена. У Запорожца при обыске отобраны два флага: „долой самодержавие“ и „вечная память“ и отобраны у него же прокламации с призывом к демонстрации. В городе — спокойствие. Начал действовать трамвай. Всего задержанных с начала беспорядков около 250 человек.“ — 27 июля 1903 г. № 7884. Подполк. Спиридович“.

V. ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЙСК

В делах Охранного отделения рассеяно много указаний на интенсивную пропаганду в войсках, производившуюся с.-д. Комитетом в течение всего 1902—3 г. и, в частности, во время стачки. Для этого из числа членов Комитета и пропагандистов была выделена особая группа, которая энергично вела эту работу. Придавая огромное значение развитию антимилитаристической пропаганды, Комитет издал в тайной типографии „Солдатскую памятку“ Л. Н. Толстого и напечатал ряд листков, посвященных резкой критике войны и военной службы. Наибольшим успехом пользовался листок, посвященный секретным приказам генерала Драгомирова и озаглавленный „Ценные признания генерала Драгомирова“. В этом листке разбирались изречения генерала Драгомирова в суворовском стиле, в роде следующих: „Солдат в строю — труп и должен исполнять все, что ему прикажут“. „Заповеди Моисея солдаты знают отлично, а заповеди Христа не знают даже и фейерверкеры“. „Если видишь, что входит начальник, отвори дверь перед ним; если начальник хочет снять шинель — помоги ему;

а если надеть — подай ему“; „мы деньги и пули считаем больше, чем людей“ ...

В одном из своих приказов Драгомиров указывает на обычаи, установившиеся в армии. „К имуществу населения мы до сих пор не научились относиться по-человечески: разобрать на дрова плетень, помять без всякой надобности засеянное поле, попортить баштаны или фруктовый сад, покормить лошадей на чужом лугу и помять некошенную траву,—мы, повидимому, считаем делом самым естественным“. С откровенностью, допустимой лишь в секретном приказе, Драгомиров продолжает: „солдат только что сам был землепашцем; он отлично знает, насколько обременительно для населения такое отношение к его имуществу, а мы портим его“.

Эти приказы дали основание С.-Д. Комитету в своей прокламации коснуться общего вопроса о воспитании, которое получают солдаты в армии: „Такое воспитание, к сожалению, делает свое дело. Генералы и священники,—генералы, которые, как Драгомиров, кощунствуют, говоря солдатам „Бог — ваш генерал“ (в „солдатской памятке“), и священники, которые кощунствуют, благословляя армию и оружие, достигают своей ближайшей цели именем бога и штыком, молитвой и нагайкой, кадиллом и розгой,—поддержат тот строй, который дает возможность немногим жить в дворцах, в полнейшей праздности, заставляя других до изнеможения работать за медные гроши“ ...

Имя генерала Драгомирова было популярно в Киеве, особенно в военной среде; при этих условиях выступать с критикой его приказов было необходимо. Естественно, что листки, посвященные разбору его секретных приказов, пользовались большим успехом и читались с интересом, особенно военными.

Во время всеобщей забастовки на улицах и на площадях среди войск велась усиленная пропаганда и агитация комитетчиками, пропагандистами и добровольцами из публики. Отзвуки такой агитации мы находим в делах Охранки: например, из донесения Охранному Отделению мы узнаем, что Федор Иванович Редькин, студент Петербургского У-та, говорил 28 июля дежурной роте солдат на пароходной пристани: „что вы здесь стоите и отбываете дежурство, а где ваши офицеры, почему они сами не дежурят, а заставляют вас дежурить. И зачем вы, дураки, стреляете напрасно в невинных людей по приказанию начальства. В Петербурге тоже начальство приказывало солдатам стрелять в людей, но они этого приказания не исполнили, так как каждый солдат должен помнить, что, по выслуге лет или по окончании военной службы, он выйдет на волю и будет свободным человеком, а стрелять в людей грешно“. Пристав Подольского полицейского участка арестовал Редькина и отправил его в крепостной штаб, для содержания в цитадели. Дальнейшая судьба его неизвестна. Какое серьезное значение придавалось департаментом полиции

антимилитаристической пропаганде Киевского С.-Д. Комитета видно из следующего отношения Д. П. на имя начальника Киевского Охранного Отделения: „по поводу предпринятой Киевским Комитетом Р.С. - Д.Р.П. попытки пропаганды среди войск“ — Д. П. просит „принять все зависящие меры к недопущению развития этого предприятия, изыскать способы к прекращению его в наивозможно непродолжительном времени“ ... „следует арестовать вольноопределяющегося 131 Тираспольского полка Крачмера Вячеслава и подпоручика Михаила Синькова, по адресу коего направляется конспиративная корреспонденция от заграничных представителей с.-д. партии, не допуская развития крайне опасной преступной пропаганды в военной среде“.

VI. ИЩУТ КОМИТЕТ И ТИПОГРАФИЮ

Красной нитью через все томы жандармских дел этого периода проходят тщательные розыски членов С.-Д. Комитета и типографии. И то и другое удалось жандармерии только в начале 1904 г., когда большинство членов Комитета было арестовано и посажено в Лукьяновскую тюрьму и когда провалилась тайная типография. Но во время всеобщей забастовки розыски шли неуверенно, ощупью, в самых разнообразных направлениях.

В делах Охранки имеется „список лиц, входящих в состав Киевского Комитета Р.С.-Д.Р.П. и предназначенных к ликвидации на сентябрь 1903 г. Но в этом списке, состоящем из 13 человек, только два имели отношение к Киевскому Комитету: один — „Гусак“; „Капюшон“ не был в то время „установлен“. Это был организатор забастовки тов. Ишуф. О нем в списке сказано только следующее: „Определенной квартиры не имеет, но почти ежедневно посещает мастерскую дамских портных, находящуюся в доме № 38 по Владимирской улице, где остается подолгу“. Второй — „Щеголь“, живущий в доме № 16 по Подвальному переулку — Георгий Семенович Михайлов, 19 лет, сын служащего Управления Ю.-З. ж. д. и сестра его Татьяна, 16 лет.

Тов. Михайлов действительно принимал в то время деятельное участие в соц.- демократической работе среди учащихся средних учебных заведений и помогал С.-Д. Комитету в его работе, но членом Комитета он в то время не был. Остальные одиннадцать товарищей в то время не были членами Киевского Комитета, хотя, вероятно, они и принимали участие в его работе. „Домашний“ — он же „Зеленый“, Исидор Карпов, Линченко; „Кирпачный“ — Феодосий Николаев Русин, Михаил Никитич Атаманенко, „Крот“ (не установлен), „Классная“ — учительница Министерской гимназии Ольга Алексеевна Дмитриева, „Ломбардная“ — Лидия Алексеевна Курьяк, „Матроска“ — проживает нелегально в квартире Смолянских, „Монастырский“ не установлен, „Печатник“ — портной Леонтий Григорьевич Тарасюк, „Табачная“.

23-го июля большинство этих лиц было „ликвидировано“, кроме неустановленных. Но вскоре после их ареста мы читаем следующее донесение Киевской Охранки Департаменту Полиции, из которого видно, что аресты оказались безрезультатными и что поиски должны продолжаться: „После ликвидации наблюдения за лицами К. К.Р.С.-Д.Р.П. 23 июля поступили агентурные сведения, что прокламации Комитета, по выходе их из печати, появляются в большом количестве у рабочего ремесленника Леонтия Тарасюка, состоящего членом Центрального рабочего кружка и руководителем кружка сапожников. Далее рассказывается, что в круг того же „наблюдения“ попал „интересный по виду наблюдаемый“ — интеллигент Щеголь (Георгий Михайлов). У Щеголя бывали на дому: Запорожец („Художник“) и Андрей Мельницкий („Проходной“).

„... Сопоставляя означенные данные с указаниями агентуры и приняв во внимание то обстоятельство, что движение свертков около дома № 36 по Бульонской улице совпадало с появлением в рабочей массе прокламаций Киевского Комитета Р.С.-Д.Р.П., можно, казалось бы, предположить, что в указанных объектах наблюдения Отделение имеет дело с распространителями прокламаций, склад коих может находиться по Бульонской ул., дом № 36. Не встречается ли препятствий к производству означенной ликвидации?— вопрошает подполк. Спиридович центр и получает на следующий день милостивое разрешение от и. д. директора Д. П. Зуева — „препятствий нет“. Об отдельных лицах тогда же встречаются совершенно фантастические сведения: напр., о слесаре Андрее Алексеевиче Магличе сообщается, что „на него пал жребий — сжечь Южно-Русский завод“. О столяре Макаре Ефимовиче Смольском сообщается, что он член „боевой партии“, токарю Александру Федорову „достался, якобы, жребий совершить какое-то убийство“.

Много внимания уделяют жандармы личности ж. - д. инженера Шах - Назарова, которого считают лицом в политическом отношении неблагонадежным и имеющим связи с Комитетом. „Шах - Назаров ведет очень удивительный образ жизни, нигде его не видно, изредка гуляет с какими - то студентами, уходит из дома после 9 ч. вечера и возвращается поздно ночью“. В поисках за тайной типографией и „интересными“ лицами, жандармы и филеры бросались во все стороны и часто попадали впросак; напр., начальник ж. - д. Жандармского Упр. доносит Начальнику Губ. Жанд. Упр : „В доме № 17 по Березовскому проулку проживают во втором этаже какие - то два неизвестные человека, якобы нигде не заявленные, именующие себя живописцами; один играет роль барина, а другой — лакея. Не заявляются неизвестные лица потому, что их семейства проживают по Борщаговской ул., а в сказанном выше доме какая - то их контора. Неизвестных днем почти никогда не видно, вечером, около 9 ч., гуляют, а остальное время почти

до утра что-то работают, и слышен в их квартире незначительный стук“.

Что это за „барин“ и „лакей“, заинтриговавшие жандармов — так и осталось невыясненным...

А вот и картинка с натуры в другом роде:

„Шмарова мать несколько раз уговаривала сына Ивана Шмарова, рабочего ж. - д. мастерских, чтобы он бросил подобного рода занятия, но он ей отвечал: „не бойсь, если меня не будет, то тебе хлеба хватит на семь лет. Я еще молод, про меня думают, что я дурачок, и подозревать не будут, а я буду держать себя осторожно“... Судьба Шмарова тоже неизвестна.

Но больше всего внимания уделяется вопросу о местонахождении тайной Комитетской типографии.

Еще в октябре 1902 года Черниговское Губ. Жандармское Упр. „совершенно секретно“ доносит начальнику Киевского Губ. Жанд. Упр. что „по полученным совершенно секретным сведениям, на Трухановом острове, где сосредоточены разные мастерские, принадлежащие парходному обществу, будто бы находится тайная типография Киевского Комитета Р.С. - Д.Р.П.“. Далее, у Охранки возникло подозрение, что типография находится в Ржищеве. Дело произошло так: задержанный 22-го сентября 1903 г. студент Фарбштейн (пропагандист Киевского Комитета. См. выше) при допросе „проговорился“, что он приехал из Ржищева и после старался это затушевать. Между тем, студент-политехник Виктор Львович Темкин, близкий к типографии Киевского Комитета Р.С. - Д.Р.П., проживал на сахарном заводе близ Ржищева. Запорожец — „Художник“ ездил в сентябре под Ржищев. Группируя все эти данные, Охранное Отделение посылает агентов в Ржищев, чтобы „установить Темкина и взять его под наблюдение“. Обо всем этом доносится в Департамент Полиции.

Розыски типографии производились и в других направлениях: „Давид Левин служил посредником в переписке К. К. с заграничным Ц. К.; член последнего, известный Крохмаль, присылал из Женевы и Парижа письма Левину за подписью „Загорский“... Некоторые письма предназначались для „Мартына“ (Владимира Розанова). Д. Левин 13 июля выбыл куда-то из Киева, а 4 сентября вернулся в Киев, прописавшись прибывшим из Баку. В указанный промежуток времени, а именно около 25 июня К. К., получил уведомление из Закавказья о выполнении там для него заказанной машины. Означенное совпадение приезда Левина в Закавказье с присылкой оттуда уведомления о заказе машины и дальнейшее участие Левина в деятельности Комитета заставляет предположить, не играл ли Левин роль посредника также и в сношениях Киевской технической группы с Закавказьем, каковая связь Киева с Закавказьем безусловно существует. Левин посещал Дижуря и мог передавать ему письма Ц. К.

VII. ПРИЧИНА БРОЖЕНИЯ

Любопытно, каким же образом жандармерия объясняла причины возникших „грандиозных беспорядков“. До каких высот обобщения поднялась жандармская мысль!..

Ответ на этот вопрос мы находим в донесении Киевской Охранки Департаменту Полиции от 1 сентября 1903 г.

„Глухое брожение в Киевских ж.-д. мастерских не прекратилось“, — констатирует донесение.

„Причины движения: склонность администрации дороги к выполнению пред'явленных рабочими требований, слабость ее надзора за рабочими, необращение внимания на происходящие среди рабочих брожения и недоведение о том до сведения чинов жандармерии.

Такое брожение среди рабочих ж.-д. мастерских объясняется, казалось бы, исключительно той тактикой, которой придерживается администрация дороги, думающая, что послаблениями, уступчивостью, попустительством она может добиться сохранения рабочими порядка. Доказательством сего могут служить те обстоятельства, что:

1. Киевские Комитеты революционных организаций не только не проявляют своего желанья устроить беспорядок, но, наоборот, стараются удержать рабочих, так как находят беспорядки совершенно нежелательными в настоящее время по неорганизованности массы.

2. На всех заводах и фабриках Киева порядок не нарушается, ибо в каждую минуту администрация означенных заведений готова принять все меры к восстановлению его“ ...

Далее донесение возвращается к инженеру Шах-Назарову, как к одному из главных виновников смуты в ж.-д. мастерских: „Инженер-технолог Шах-Назаров ведет какие-то особые сношения с известными Охранному Отделению своей преступной деятельностью рабочими и оказывал давление на администрацию дороги, в смысле выполнения пред'являемых рабочими требований. Кроме того, от ж.-д. жандармского полковника поступили сведения о том, что цех Шах-Назарова особенно выделялся и по участию в июльских беспорядках. Шах-Назаров был обыскан, но ничего преступного у него обнаружено не было“ ...

Итак, по мнению органов политического розыска, единственная причина грандиозных социально-политических событий, развернувшихся на Юге России в июльские дни 1903 г., сводится к чрезмерной уступчивости администрации и к разлагающему влиянию отдельных лиц, ведущих среди рабочих преступную пропаганду. Политическая убогость и наивная близорукость жандармской мысли здесь сказывается во всей своей красе. Власть боялась взглянуть в глаза действительности и в растерянности и недоумении останавливалась перед надвигающейся грозой, не понимая ни ее неизбежности, ни ее значения.

Забавно то изумление, которое вызывала в жандармерии тактика социал-демократического Комитета, который, после энергичной работы во время всеобщей забастовки, перешел к политике воздержания от новых выступлений, в целях сбережения и накапливания сил для новых крупных выступлений. „Комитеты молчат“, „Комитеты участия не принимают“ — доносят жандармы с недоумением в центр и делают при этом характерную догадку, что причиной такой тактики является признание беспорядков нежелательными в настоящее время „по неорганизованности масс“.

VII. ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОКОВ

В делах Охранного Отделения собрано несколько писем, перехваченных черным кабинетом на почте, содержащих интересные отзывы современников о всеобщей забастовке в Киеве. По этим письмам можно судить, насколько эти события всколыхнули старый Киев, какие новые мысли и чувства они пробудили в самых разнообразных слоях населения. Вот, например, выписка из полученного агентурным путем письма ветеринарного врача (лаборанта Киевского Политехнического Института) Ефима Викуловича Перепелкина от 4 августа 1903 г.

„... Беспорядки — начало драмы, которую придется видеть не так уж в отдаленном будущем. Я лично, насколько мог, изучал толпу и противников ее. Толпа проявила столько умения, настойчивости и распорядительности, что пришлось удивляться не только мне — стороннему зрителю, но и людям, умудренным опытом в таких делах. Враги вели себя нетактично, недальновидно, были прямыми виновниками тех событий, которые толпе можно ставить в вину. Несмотря на повышенное настроение, вызванное „риском“, а, главное, тем кровавым шагом, которым себя же поставила в более трудное положение администрация, толпа, можно сказать, бушевала только два дня. Бушеванию содействовало то обстоятельство, что администрация выхватывала вожakov. Через два дня бушевать перестали и приступили к правильным переговорам. В настоящее время начали действовать большинство рабочих, но еще не все. Насколько велики были прибавки, я еще сказать не могу. Поразительно единодушие, с каким это совершалось. Накануне нельзя было сказать — какой исход будет завтра. Можно видеть и говорить, что Юг представляет силу.

Стрельба — ужасное дело. Сам не был при стрельбе, но при побищах камнями был. Сколько убитых — сказать трудно. В эти дни Киев и его окрестности столько развили умственной энергии, что не учтешь“.

Поведение толпы и значение происшедших событий в деле политического воспитания масс — схвачены в этом письме очень метко и правильно.

Интересно и другое письмо, повидимому, лица, близко стоявшего к с. - д. работе, за подписью „Ваш друг“, от 25 июля 1903 г. в Харьков.

„... Сейчас здесь работы по горло, некогдадохнуть... Скоро к Вам приедут, чтобы переговорить об этом. Здесь уже три дня грандиозная забастовка. Все заводы, все ж. - д. мастерские, все крупные и мелкие мастерские, винокуренные и др. заводы, все булочные, трамваи, арсенал, мельницы, грузчики, часть телеграфистов в управлении Ю. З. ж. д. — забастовали. Повсюду — масса войск, казаков. 23 - го около вокзала стреляли, убито 28 человек, масса раненых; сегодня стреляли на Подоле, возле пристани, убито 9, масса раненых. Не медля, умоляю, выпустить листок на гектографе; укажите на эти события, на подобные же в Одессе, Тифлисе, Баку, Батуме, Николаеве, Коностопе... Зовите к общей забастовке, к борьбе с самодержавием. Пусть кто-либо из вас напишет. Ради всего святого, не откладывайте. Затем сейчас же вслед выпустите к солдатам (указать, что это же их братья), к обществу и др. Необходимо все усилия направить скорей, — важный момент переживаем. Пусть и полтавцы вышустят. Горячий привет. Поцелуй, пожелания удачи. „Ваш друг“. Пишите обо всем за границу ежедневно“.

А вот восторженное письмо, повидимому, одного рабочего от 27 июля 1903 г., адресованное в Чернигов до востребования и не совсем верно освещающее события.

„... Все в Кляеве поет. Везде радостно, по всем улицам толпы рабочих. Случилось это следующим образом: три недели тому назад на вокзал поступил один рабочий, который отрекомендовался младшим мастером слесарных работ. Его приняли и назначили при 1 отделении, но заметив, что он хорошо работает, его перевели во второе отделение, и таким образом рабочий в течение трех недель успел побывать во всех отделениях и всюду вел устную агитацию среди ж. - д. рабочих. Новый товарищ очень понравился рабочим. В назначенный день этот рабочий попросил всех прийти одновременно за билетами (на вокзале, при приходе на работу, у нас берут билеты). Когда все собрались, рабочий-интеллигент вышел на рельсы и начал говорить им, чтобы они бастовали, и только таким образом они добьются лучших дней. Он проговорил битых 5 часов. Рабочие схватили агитатора с криком „да здравствует наш оратор“. „Мы не пойдем работать на паразитов“. Таким образом наш герой имел возможность долго говорить. Говорил он также о Кишиневских событиях и сказал им, чтобы они не пьянствовали и не буянили, а только чтобы они держались вместе, как крепко связанный веник, и не сдавались до тех пор, пока их не удовлетворят. Говорят, что этот рабочий — княжеский сын. Во время пропаганды его окружало 15 тысяч человек. Теперь все улицы переполнены рабочими, везде устраиваются демонстрации. Много городских тоже забастовало“.

Приведем в заключение выписку из прочувствованного и искреннего письма за подписью Гриши, на имя Анюты, от 24 июля 1903 г. Написано в стиле Семена Юшкевича.

... Если б Вы знали, что мы здесь переживаем за последние дни. Два часа тому назад пали от удара палача 15 человек товарищей и много ранено. И это за тихое честное требование увеличения заработной платы, за потный труд, за то, что они хотят, чтоб и их считали людьми, а не жалкими рабочими... Кто после них остался, кто их оплакивает... Низость... Необходимо принять активное участие, необходимо пойти в народ и открыть ему глаза, не щадя при этом своих интересов. Поэтому, Анюта, не думайте, что одним сожалением или даже каким-нибудь распространением литературы и чтением нелегальщины можно помочь. Нет. Нужно пойти рука об руку с рабочими и на каждом шагу им показывать важность борьбы для общего блага. А для этого нужно быть готовым каждый день пасть жертвой..."

VIII. СУД НАД ЗАБАСТОВЩИКАМИ

В результате стрельбы на вокзале и на Галицком базаре против некоторых участников вооруженных столкновений с войсками (преимущественно железнодорожников), было возбуждено уголовное дело в Киевской Судебной палате „с сословными представителями“ по обвинению в сопротивлении властям по ст. ст. 264 и 266 Уложения о наказаниях.

Суду были преданы следующие лица: 1) Давид Тимошук, 2) Андрей Лукашевич — рабочий Южно-Русского завода, 3) Николай Дулькин, 4) Казимир Ольшевский, 5) Дмитрий Стародубченко, 6) Семен Кирейцев, 7) Матвей Ковбаса, 8) Никита Поляков, 9) Александр Кузьмин, 10) Игнатий Бабинский, 11) Тит Никитин, 12) Андрей Диримарко, 13) Илья Федулов, 14) Карл Яворский, 15) Владимир Мотылевич, 16) Иван Евстафьев, 17) Михаил Марченко, 18) Николай Совенко, 19) Севастьян Квачковский, 20) Леонтий Нарабан, 21) Михаил Нефедов, 22) Севастьян Шиманский, 23) Николай Зевакин, 24) Александр Василевский, 25) Иосиф Вышинский, 26) Аврум Морговский, 27) Владимир Гейде, 28) Самуил Радько.

События, послужившие материалом для „дела“, были описаны в обвинительном акте следующим образом.

„Начиная с 21 июля 1903 г., в г. Киеве, рабочие многих промышленных и торговых предприятий прекратили работу. Прежде всего забастовали рабочие Киевских мастерских Ю.-З. ж. д. В этот же и последующие дни к забастовке, частью добровольно, частью под влиянием угроз и боязни насилий со стороны уже забастовавших рабочих, присоединились и рабочие различных других заводов, фабрик, мастерских, типографий и хлебопекарен, а также служащие городского

электрического трамвая и работавшие на некоторых производившихся в городе постройках. Последствием этого было то, что в продолжение более или менее значительного периода времени, от одного до шести дней, работы на городских постройках прекратились, трамвай перестал ходить, цены на хлеб возвысились почти вдвое, местные газеты не выходили, и многие торговые и промышленные заведения закрылись. Словом, нормальное течение городской жизни было совершенно нарушено. Между тем, в городе, то здесь, то там собирались различной численности группы мастеровых и разного рода люди, которые, расхаживая по городу, увлекали за собой еще не бастовавших рабочих. В большинстве случаев полиции, при содействии военных патрулей, удавалось быстро рассеять эти группы, не встречая особого с их стороны противодействия. Но 23 июля на привокзальных путях станции Киев I, 24 июля на Галицкой площади, 25 июля на Подоле, близ паромных пристаней на Днепре, скопились уже огромные толпы рабочих, которые оказали явное и соединенное с насилиями сопротивление действиям войсковых частей и чинов полиции, направленным к удалению этих скопищ и к прекращению чинимых ими беспорядков, вследствие чего войска принуждены были подавить это сопротивление силой, с употреблением холодного, а в двух случаях даже огнестрельного оружия.

Несколько дней спустя, благодаря принятым обширным мерам, для предупреждения повторения подобных беспорядков, забастовки мало по малу прекратились, и городская жизнь вновь потекла обычным порядком...

Из обвиняемых Тимошук и Лукашевич несколько раз привлекались и были осуждены за кражи, а Тимошук был зарегистрирован как профессиональный вор. Это обстоятельство с особым удовольствием подчеркивалось в обвинительном акте, и оба они поставлены первыми в обвинительном акте, несомненно, с той целью, чтобы этим дискредитировать все движение. Конечно, ничего удивительного не было в том, что в тысячных толпах народу, собиравшихся в эти дни на улицах, попадались и преступные элементы с уголовным прошлым. Но этот прием достигал совершенно обратного действия и дискредитировал не движение, не революционные массы, а сословно-классовый суд, прибегавший к подобным тенденциозным подтасовкам.

Большинство обвиняемых было привлечено к ответственности только на том основании, что они, находясь в толпе, были ранены и при этом большинство — пулями.

Это был первый крупный рабочий политический процесс в Киеве, и киевская группа политических защитников приложила все старания к тому, чтобы обставить дело защиты рабочих с надлежащей серьезностью. Во главе группы политических защитников в Киеве находился тогда известный революционный деятель, присяжный

поверенный Марк Борисович Ратнер. Он и был главным организатором защиты и душой процесса.

На предварительных заседаниях группы политических защитников решено было организовать бесплатную защиту по настоящему делу и привлечь лучшие силы местной и московской адвокатуры в этом первом рабочем процессе и постараться придать делу характер известной демонстрации. Из киевских защитников в этом деле выступали покойный Лев Абрамович Куперник, М. Б. Ратнер, Ю. И. Лещ, М. Мсгилянский и В. В. Вакар; кроме того, из Москвы приехали, по приглашению киевской группы политических защитников, прис. пов. Сталь и Жданов (первый долгое время был эмигрантом в Париже после 1905 г., а т. Жданов был в административной ссылке, а после 1905 г. был по политическому делу приговорен на несколько лет к каторжным работам).

Во время процесса, тянувшегося несколько дней, произошли следующие эпизоды: среди обвиняемых один оказался больным эпилепсией, и во время речей с ним произошел припадок. Речь М. Б. Ратнера произвела очень сильное впечатление на аудиторию, нервы всех были напряжены до крайности. И вдруг где-то позади раздался грохот, падение какого-то тела, жалобный стон... Нервы не выдержали, речь защитника была прервана, суд в замешательстве поторопился объявить перерыв. Этот случай сыграл свою роль в деле, в настроении суда; с того момента был перелом в пользу подсудимых.

Л. А. Куперник произнес одну из своих блестящих речей. Предостерегая суд от сурового приговора, Л. А. Куперник оспаривал правильность шаблонной идеи „чем хуже, тем лучше“: „сколько я ни живу, говорил с неподражаемым юмором Л. А., все становится хуже и хуже, но лучше от этого никогда не бывает“... Защитники „раненых“ доказывали неосновательность и произвольность привлечения обвиняемых по одному лишь признаку ранения, да еще к тому же пулей, которая летит за тридевять земель и не разбирает ни правых, ни виноватых. Ведь известно „пуля — дура“.

Путем опроса свидетелей офицеров и солдат было установлено „громадное“ количество расстрелянных солдатами патронов, которых совершенно „не жалели“. При таком положении, когда тысячи пуль были выпущены в пространство, легко было получить огнестрельную рану и быть пришитым пулей к делу. Одному из подсудимых пуля слегка поранила нос. Этот случай дал основание одному из защитников сделать ироническое замечание: „следуя логике обвинительного акта, полагающего, что пуля попадала в самых революционных рабочих, можно прийти к выводу в данном случае, что нос есть наиболее революционная часть тела“.

В результате дело закончилось относительно мягким приговором: Дульке и Рейде были приговорены на 8 месяцев арестантских рот,

Тимощук — на один год тюремного заключения. Все остальные обвиняемые (24 человека) были оправданы.

Легко представить себе общую радость, ликование и возбуждение после провозглашения этого приговора.

Дело это разбиралось в Судебной Палате уже зимой 1904-1905 г. Близость революции 1905 г. уже носилась в воздухе. В стране нарастало общее возбуждение. И это усиление мощи рабочего движения, несомненно, явилось основной причиной относительной мягкости приговора.

В. ПРАВДИН

Кишинев, Одесса, Николаев

(Окончание ¹⁾)

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В ОДЕССЕ

Революционная волна подымалась все выше и выше. Со всех концов России получались известия о развивающемся стачечном движении, которое должно было скоро вылиться во всеобщую всероссийскую забастовку. В Одессе в это время были два центра, откуда рабочие получали толчки, откуда революционная мысль распространялась до самых далеких и глухих уголков города: это университет и Городская Дума. Как в университете, так и в Городской Думе ежевечерно происходили митинги. Настроение было донельзя напряженное; уже слышен был шум приближающейся грозы; фабрики стали, стали они и в Одессе. Затем к забастовке стали примыкать железные дороги. Поезда стали приходиться все реже и реже, и, наконец, стала вся железнодорожная сеть. На очереди были теперь городские рабочие.

Организация городских рабочих шла в течение 1905 года. Работа шла довольно туго, но к октябрю уже была организована Городская больница и в городе и на слободке — Романовке, Городские мастерские, обоз, психиатрическая больница, фонарщики, прачечная, хлебопекарня и водопровод. Все они входили в один союз городских рабочих, устав которого состоял из 10 пунктов, первый пункт которого гласил, что все входящие в союз стоят на платформе требований рабочего класса всей России о создании законодательных учреждений, выбираемых на основе всеобщего, равного и т. д. голосования. Устав был краткий, не предусматривал деталей, потому что это был союз людей различных профессий и общественных рангов: объединял подметальщика улиц и инженера, больничную сиделку и врача в одно целое. Предполагалось, что в дальнейшем, если союзу суждено будет жить, произойдет постепенное обрастание устава новыми пунктами. Сообразно требованиям жизни, как мы тогда говорили, появятся мускулы и тело, а пока в уставе — только душа союза. И, действительно, эта — то душа

¹⁾ В № 3 (8) „Лет. Рев.“ предыдущая глава воспоминаний т. Годлевского напечатана с подзаголовком; окончание, в действительности же помещенное в № 3 „Лет. Рев.“, является продолжением, а помещаемая здесь (в № 4 (9)) часть статьи — окончанием.

помогла нам провести всеобщую забастовку городских служащих, но об этом речь впереди.

Проведение было связано с большими трудностями. Как забастовать, например, больничным служащим? Это значит лишиться ухода больных. Как забастовать городской хлебопекарне, которая снабжала хлебом и всех рабочих городов и тех же больных? Забастовочный комитет долго ломал голову над тем, как выйти из этого затруднительного положения. Наконец, было принято постановление: остановить все городские предприятия, а всякая экстренная необходимая работа может производиться только с разрешения комитета. Постановление было отпечатано, и на другой день все в городе замерло. На улицах тысячные толпы разгуливали взад и вперед по тротуарам. Градоначальник Нейдгардт вывесил объявление: „Граждане, улица является общим достоянием всего населения, а посему не мешайте движению по городу“. Действительно, все, что могло сделать городское население, оно сделало: провело всеобщую забастовку артистически, не минуя ни одного промышленного и торгового предприятия; теперь оставалось одно — строить баррикады, — и Нейдгардт, умалчивая о всеобщей забастовке, которая остановила всю жизнь во вверенном ему городе, силялся его спасти от баррикад... Но просьбы к „гражданам“ не помогли. Баррикады явились.

Тысячные толпы запрудили с утра Преображенскую, Рижскую и Дерибасовскую. Особенно была многолюдна толпа около университета. Разнесся слух, что там заседает комитет и что скоро будет отдан приказ о выступлении. Действительно, там заседали случайно собравшиеся люди, имевшие отношение: кто к забастовочным комитетам, кто к комитету партии. Долго обсуждали план действия, но к определенному решению не пришли, а объявили толпе, что забастовка продолжается, что, само собою разумелось, чтобы не было эксцессов и чтобы не нападали на солдат. Больше от „Комитета“ никаких приказов не поступало. Затем уже вечером меня встречает студент Арендаренко и просит указать, где тут заседает комитет, так как он имеет сообщить важные сведения. Мы взяли извозчика и помчались к Городской Управе. Уже было поздно, и мы в отдаленной комнате нашли несколько человек, которые имели отношение к комитету. Среди них, помню, был доктор, француз Дебуше, впоследствии высланный из России и уехавший в Париж. Экспансивный Арендаренко заявил, что он говорит от имени 2.000 студентов, вооруженных, готовых отдать себя в распоряжение какой-нибудь революционной организации. Его сообщения оказались очень маловероятными, и ему дали уклончивый ответ. Я эти факты привожу для того, чтобы показать, что в первый день еще были попытки группироваться вокруг какого-либо центра, а в следующие дни всякий уж действовал на собственный риск и страх.

Глядя на толпу, невольно восхищался тем громадным сдвигом, который произошел в России. Ведь, в России толпа всегда представлялась в виде режущих, грабящих и поджигающих людей; теперь же кражи, драки и всякие бесчинства прекратились совершенно. В руках толпы была власть над городом, но она этой властью не только не злоупотребляла, а, наоборот, пользовалась самым культурным образом, и это создала социал-демократическая партия за 15 лет работы.

Баррикады появились неожиданно. Никто не отдавал приказа их строить, но когда тысячные толпы целыми часами ходят в напряженном состоянии по улицам, то достаточно малейшего толчка, чтобы вывести их из равновесия.

Появляется вагон конки. Его моментально останавливают. Кучер выпрягает лошадей и уезжает в парк. Несколько человек поднимают, как пушинку, вагон и опрокидывают на мостовую.

Со звоном разбиваются стекла. На звон бегут бледные, с трясущимися губами городовые. Толпа их оттесняет. Они исчезают, и на помощь гражданским властям вызываются военные части. При возбужденном состоянии солдат достаточно выстрела, стука, чтобы ружья начали палить.

Эта пальба продолжалась несколько дней. Убитых и раненых свозили в еврейскую больницу. Сотни арестованных были брошены в участки, где городовые их избивали и всячески над ними издевались. "Физическая победа была, как будто бы, на стороне правительства. Мы были отрезаны от всего мира: ни почта, ни телеграф не работали. Что творилось вне Одессы, мы не знали, но инстинктивно всякий чувствовал, что мы побеждаем. И действительно, 17 октября вечером в зале Городской Думы, где происходил митинг, появляется Городской Голова, грузно взбирается на стол (это была наша кафедра) и объявляет во всеуслышание, что им получена телеграмма, в которой его извещают, что утром будет обнародован манифест о „некотором расширении прав граждан“. Так осторожно нам было доложено о манифесте 17 октября.

Этому заявлению было придано мало значения, и митинг продолжался. На утро 18 октября были назначены похороны погибших на баррикадах, и я направился к еврейской больнице. Там уже покойников не нашел: ночью их забрала полиция и тайком похоронила. Направляюсь по Преображенской. Вижу — бежит толпа с криком: „манифест, манифест, к тюрьме“. Это толпа направлялась к тюрьме, чтобы освободить арестованных. Ей наперерез мчится сотня казаков с пашками наголо. Но толпа не унимается. Казакам объясняют, что издан манифест о свободах, они стоят в недоумении. Пашки вложили в ножны, но к тюрьме толпу не допускают. Толпа поворачивает назад, встречает какого-то генерала, подымает его на руки и с криком „ура“, „да здравствует свобода“ направляется на Дерибасовскую. Но где же

все-таки манифест? Ни на киосках, ни на стенах нет объявления. По улицам бегут люди, останавливаются, кричат — „Манифест“ и бегут дальше. Кто бросается друг другу в объятия; но где же текст манифеста? Мне объясняют, что на стене в редакции „Одесских Новостей“ вывешен манифест. С громадной толпой направляюсь к редакции. Действительно, висит телеграмма. Манифест составлен в таких ясных и точных выражениях, что не оставалось никаких сомнений, что самодержавие сдало позиции, что оно умерло. Толпа обнажает головы и кричит „ура“. Направляется снова на Дерибасовскую, а там уже море голов и море красных флагов. На балконе одного дома стоит офицер и играет марсельезу. Толпа подхватывает. А между тем, около Городской Думы, народ тысячью голосов гудит: „Амнистия, идем к тюрьме“. Толпу успокаивают, что в Думе заседает комиссия по освобождению заключенных и что они скоро будут освобождены.

Начались митинги. Говорили с памятника Пушкина, собирались на газовые фонари. Буржуазия в каретах раз'езжала по Николаевскому бульвару, кланялась ораторам и щедро кидала в шапки сборщиков в пользу жертв революции. Везде обходилось без всяких инцидентов. Только к Думе подошел какой-то выпивший офицер и стал срывать красный значок с головы одного мальчика. Толпа набросилась на него. Но кто-то крикнул: „не трогайте его — он один, а нас много“. И офицера вывели из толпы, посадили на извозчика и отправили домой. Уже было 4 часа дня. Толпа стала редеть, ораторы устали. Вдруг, откуда ни возьмись, эскадрон казаков с обнаженными пашками бросается на толпу, стоящую у Думы, и начинает ее рубить. Толпа кидается в Управу, казаки за ней. Давка невероятная. Предательский выстрел ранил лошадь одного казака. Казаки еще яростнее кидаются на толпу. Выстрел произвел несомненно провокатор. Выбегает товарищ Городского Головы Андреевский, с цепью на груди, и обращается к казачьему офицеру с просьбой прекратить избиение, говоря, что если нельзя устраивать митинги, то об этом следовало вывесить объявление. А пока этого объявления нет, публика может использовать те права, которые ей дарованы сегодняшним манифестом.

Вечером, когда мы собрались в университете, уже стали поступать донесения, что начался погром. От праздничного настроения толпы и следа не осталось. Поспешно отрядили людей во все концы города, и в течение трех дней университет был центром, откуда выходили боевые дружины, многие — на верную смерть и гибель.

В СОВЕТЕ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Состав Совета был такой же, как в Петербурге. Заводы, фабрики, ремесленные заведения посылали по одному человеку из сотни. Все партийные организации имели своих представителей. Имели своих

представителей и интеллигентские союзы (учителя, медицина и т. д.). Председателем был студент Шавдия, грузин по национальности и с.-д. по партийной принадлежности. Его высокая грузная фигура, громовой голос — все в нем соответствовало роли народного трибуна. Председатель Совета был в то время неограниченным властелином, так как большинство членов Совета были совершенно неопытны в деле ведения заседаний, выступлений и вообще в общественной, публичной работе. Председатель предлагал какой-нибудь проект, он же его разъяснял, два, три партийных товарища делали кое-какие добавления, и проект принимался единогласно. Весь секрет влияния председателя заключался в том, что он одинаково мыслил с аудиторией, что он и рядовые члены Совета составляли одно целое. Шавдия был незаменим на своем посту и сохранил его до дня ликвидации Совета. Он бежал за границу, жил в Швейцарии, терпел большую нужду, зарабатывал хлеб массажем, но скоро умер от разрыва сердца.

Я был в Совете уполномоченным от пригородных крестьян, и живя в деревне, много заседаний пропускал. Помню хорошо одно заседание, которое происходило на высших женских курсах. Зал битком набит людьми. Настроение приподнятое. Из посторонних обращает на себя внимание высокая фигура профессора Щепкина. Он стоит у дверей, внимательно прислушивается и что-то записывает. Заседание происходит под впечатлением только что пережитого погрома. Кто-то заявил, что в Одессе собираются устроить вторичный погром и что на сей предмет ведет в порту агитацию околоточный Донцов.

На заседании было постановлено, что прежде всего весь Совет Рабочих Депутатов должен выйти на улицу, для противодействия погрому, а во-вторых, что к этому делу должен привлечь своих избирателей рабочих. Интересно, что на другое утро этот Донцов напечатал в газете опровержение, что он никогда погромной агитацией не занимался. Очевидно, полиция в Совете имела своих осведомителей. Затем было выслушано заявление Бунда о том, что из Америки для пострадавших от погрома евреев получилась денежная помощь, что Бунд привлекался к раздаче этих денег, но отказался, не желая, чтоб помощь шла рабочим только определенной национальности, и предложил Совету принять эти деньги в свое распоряжение. Собрание было уже согласилось с этим, но вдруг встает Кизицкий, уполномоченный от судостроительного завода морского министерства и заявляет, что это будет несправедливо: пострадали евреи, им прислана помощь, посему пусть ими еврейская организация распоряжается. Предложение Кизицкого было принято. Особенно сильное впечатление произвел выход „Известий Совета Рабочих Депутатов“. Совет постановил их напечатать, но ни одна типография не решилась принять заказ на такую нелегальщину. Тогда несколько рабочих явилось в типографию „Русских Новостей“ во время печатания газеты.

Заняли все выходы, заарестовали всех людей, бывших в типографии. Тут же велели набрать „Известия“ и их отпечатать. Через пару часов рабочие с тюком отпечатанных номеров ушли из типографии и освободили арестованных. Этот смелый шаг произвел очень сильное своей новизной впечатление, но впоследствии это стало обычным явлением. Владельцы типографий к таким налетам относились совершенно благодушно: с новой властью они не ссорились, а перед старой были правы...

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

Сейчас же после манифеста, правительственная власть в деревне исчезла; как бы сквозь землю провалились и урядник и околадочный. У всех их были счеты с населением, и они боялись мести. На собраниях пригородных селений Одессы решено было взять власть в свои руки, для чего был выбран Революционный Сельский Комитет, в состав которого входили по два представителя от каждой деревни, в том числе я и доктор Соколов. Первым нашим делом было закрыть винные казенные лавки. Интересно, что правительство больше всего впоследствии ставило нам в вину именно это деяние. Во-вторых, мы приняли на себя полицейские и судебные функции.

Помню такой случай. У одного крестьянина украли корову. Кинулись к одному заведомому вору в селе „Нерубальском“. Сделали обыск, нашли у него коровью тушу. Озлобленные этой кражей крестьяне тут же учинили над вором самосуд, били его палками до тех пор, пока не забили насмерть. В это время из города возвращался сын этого вора и попал домой, когда убивали отца. Разъяренная толпа и его схватила. Но, от того ли, что отец уже был убит и кровь его немного успокоила крестьян, сына самосуду не подвергли, а дав ему двух конвойных препроводили ко мне в „Усатово“. В это время происходил там митинг. Вижу, вваливаются два конвоира с пакетом, а с ними мертвенно-бледный, еле передвигающий ноги, юноша. Вскрываю пакет и читаю: „Сим препровождается сын вора, который украл корову; вор убит, а сын отдается на ваше распоряжение“. Дело взялось разбирать тут же собрание. На собрании все обошлось по-хорошему: осудили самосуд, как варварский способ расправы с преступниками, приняли постановление, что преступники должны быть для суда представлены в комитет. Сына, как не причастного к краже, решено было освободить. Когда я заявил ему, что он свободен и может идти домой, он своим ушам не верил. Он шел на верную смерть, и вдруг свобода. Толпа бывает жестока, но бывает иногда и великодушна.

В эту осень и зиму, при полном неурожае хлебов и отсутствии заработков в городе, деревня переживала тяжелый кризис. Скот страдал от бескормицы, люди нуждались в куске хлеба. Мы кинулись

в Городскую Управу и там добыли небольшую сумму для раздачи хлеба детям. Организованы были раздаточные пункты во всех пригородных селениях. И надо отдать справедливость крестьянам: раздача совершалась вполне справедливо, так что не было никаких нареканий. Но это не разрешало вопроса: нужно было во чтобы то ни стало добыть заработок для населения. Обратились опять в Управу и добились ассигновки 200.000 рублей для общественных работ.

Было постановлено произвести в „Усатове“ исправление дорог, которые были в первобытном состоянии. Дорога строилась в „Усатове“, а привлекли рабочих со всех деревень, чтобы у всех был заработок. И вот для характеристики крестьянской психологии интересный факт. Когда на работу пришли нерубальцы, то усатовцы кинулись к нам с протестом, отчего у них в деревне работают чужаки — „иностранцы“, как они выразились. Для усатовцев село „Нерубальское“, в 3-х верстах от них находящееся, было уже иностранным государством.

На митингах в деревнях мы вели агитацию за учредительное собрание, за переход всех земель к крестьянам, за замену постоянной армии — милиционной, за уничтожение косвенных налогов и т. д. Вопрос о форме правления и о форме владения землей мы, по практическим соображениям, обходили. Раздобыли лошадь и ездили из деревни в деревню. Со мной ездил доктор Соколов, а иногда его фельдшер Данилов. Была глубокая осень, грязь стояла непролазная, временем очень дорожили, а посему устраивали митинги во всякое время дня и ночи. В „Холодной балке“ мы раз устроили митинг в 12 часов ночи. Заехали в школу, велели сторожу звонить в колокол, и вот в ночной темноте, как гномы, стали сбегаться люди, полагая, что случилось что-нибудь из ряда вон выходящее. Митинг продолжался до полуночи.

На утро мы уехали в другую деревню. Там митинг происходил в сельском правлении (расправе). Мужики в тулупах стояли сплошной стеной, и по обыкновению, угрюмо молчали. Ни возражений, ни вопросов — ничего. Когда речь зашла о земле, вдруг один выдвинулся вперед и говорит: „Видно, не одна голова полетит, пока мы землю получим“ — сказал и замолк. Молчат и остальные. Я его спрашиваю: „Скажите, пожалуйста, сколько у вас земли?“ Он отвечал: „Мало, десятин 10“. — „А сколько же вам надо?“ — „Мне, по моему семейству, надо десятин 20 — 25“. Все смеются. „Скажите, — спрашиваю я, — может у вас и гроши найдутся, чтобы купить эту землю?“ — „Найдутся!“ шумят в толпе. „Вот видите, — говорю я ему, — у вас есть гроши: вы себе можете купить землю, у вас одна дорога; а ваши соседи всю жизнь пропадают на испольщине и к Рождеству у них уже хлеба своего не бывает, им не на что землю купить — им другая, дорога. Наша речь к тем, кому опостыло голодное и холодное житье. Этому дядьке сладко живется, ему может и нагайка урядника все равно,

что медовый пряник; ну пусть себе и сидит дома. Но таких на селе пяток, не больше. А остальные пойдут за теми, кто зовет их бороться за лучшую долю“. После этого инцидента лед на сходе растаял. Все стали говорить, задавать вопросы. После земли, аудитория уделила много внимания военной службе. Почти все крестьяне были в армии, и им этот вопрос особенно близок. Все были согласны, что службу можно сократить до одного года, что солдат, если не употреблять для усмирения внутреннего врага, нечего гнать на службу в дальние губернии, а они могут служить в соседнем городе. Особенно много говорили о приниженном положении солдата в казарме, которым помыкает всякий, даже самый маленький чин. Уехал с этого митинга в приподнятом настроении. Комитет уже здесь был — наша задача была чисто агитационная.

Поехали мы дальше. Попали мы в деревню не то Сухан, не то Соленая Балка. Я здесь был впервые. Комитета здесь не было. Пришлось поднять вопрос о закрытии винной монополии. Когда крестьяне узнали, что монополия дает 1 миллиард дохода казне, что каждая крестьянская душа выплачивает 6 рублей, что на семью составляет более 30 руб. Начался шум: одни говорили, что он на эти деньги мог бы лучше коняку купить, другой покупал арбу. Словом, всяк находил, куда можно приткнуть эти 30 рублей. Поэтому предложение о закрытии винной лавки было принято с энтузиазмом. После митинга ко мне и к моему спутнику, фельдшеру Данилову, подошел какой-то крестьянин и пригласил к себе пообедать. Сели за стол. Хозяйка поставила глиняную миску с капустой, облила ее постным маслом, положила полотенце через весь стол. Вижу, хозяйин с хозяйкой о чем-то шепчутся. Через окно вижу, как хозяйкина дочка, в больших батькиных сапогах, куда-то побежала и через несколько минут на столе появилась сороковка за казенной печатью. Когда я стал журить крестьянина, что он нарушил только-что принятое постановление — о неупотреблении спиртных напитков, — он мне ответил: „Но как же вас угостить без водки: вы, ведь, у нас гости дорогие, разве можно вас обидеть?“ Очевидно, законы о гостеприимстве в крестьянской среде оказались сильнее политических соображений.

Еще в одну деревню, имени которой никак не припомню, попал я с доктором Соколовым. Митинг происходил в школе, очень чистеньком и уютном помещении. Обратило на себя внимание, что в первом ряду, рядом с учительницей, сидел благообразного вида священник, который все время внимательно слушал. Здесь вопрос об учредительном собрании вызвал много дебатов. Один никак не мог взять в толк, в чем разница между Думой и Учредительным Собранием. Я прибегнул к наглядному способу объяснения. Около кафедры стоял один человек в порванном пиджаке. „Как починить, — спрашиваю я, — этот пиджак?“ И отвечаю: „Надо купить сукна и залатать все дыры; а будет ли

толк из этого? Заплаткам, как видите, не на чем держаться. Через неделю придется опять латать. Не лучше ли купить на аршин сукна больше и спать новый пиджак, а то целую свиту? Публика в недоумении смотрит на меня и думает: при чем тут дырявый пиджак? А я продолжаю: „Земля у нас правильно распределена? Нет — вот вам одна дыра. В армии правильные порядки? Нет — вот другая дыра. Полиция, суд, подати, взяточничество — смотрите сколько дыр. Можно ли залатать такую дырявую власть? Не лучше ли всю выкинуть и заново издать все нужные для крестьянина законы“. Публика удовлетворена. Наглядность — первое условие для успеха пропаганды. Всякая отвлеченность, монотонность изложения приводит крестьян в усыпление. Должен признаться, что темный крестьянин насчет государственного устройства оказался понятливее горожанина. И, действительно, крестьянин — это тот материал, из которого строилось государство. Все колесо истории прошло по его спине. Начинается ли война, — прежде всех чувствует это крестьянин. Ослабеваешь ли центральный механизм управления, — моментально чувствует тот же крестьянин; появляется банда, начинаются грабежи и убийства. Он инстинктивно понимает весь механизм государственного управления, как механически „пушит“ распашником землю, не зная законов капиллярности сохранения влаги. У крестьянина выработалась любовь к сильной центральной власти. Оторванный от центра, он, при всяких обидах на месте, бежит в губернию; не повезло в губернии, он готов ехать в столицу. Беспомощный в своем одиночестве, он ждет всегда помощи извне. Агитация против царя понимается им, как проповедь анархии, когда всякий бандит может отнять у него все достояние; при пропаганде против царя нужно было указывать историческую перспективу. Откуда пошел у нас царь? Установить, что дом Романовых был выбран триста лет тому назад народом, было нетрудно, ибо даже среди крестьян были такие, которые учили историю. Затем идет то положение, что всякому царю, стоящему у власти, надо иметь сторонников, которые бы его оберегали, поддерживали порядок в стране, стояли бы горой за него, чтобы не дать другому взобраться на престол, и это крестьянин прекрасно понимает. Всякий волостной старшина старается задабривать деревенских горланов, чтобы его не скинули. Может ли идти царь против помещиков (они же генералы, они же министры), которые триста лет оберегают престол его дедов, чтобы его никто не скинул — может ли он это сделать? Нет. И крестьяне легко усваивали ту истину — хочешь освободиться от помещика, значит ты должен освободиться от царя. В своей практике мне ни разу не приходилось натолкнуться на отстаивание крестьянином царской власти, хотя у меня в кружках были и крестьяне Владимирской губернии (артель белодеревщиков) и Курской (артель каменщиков по Колонтаевской). Несомненно, между крестьянами

70 годов и крестьянами 900 годов — большая разница: земская школа, сеть железных дорог, которая сблизила город с деревней, сделали свое дело и в умах крестьян произвели большой сдвиг.

После митинга учительница позвала нас к себе наверх и угостила ужином. Мы попали в комнату, где все стены были увешаны иконами. Видно учительница была набожных правил, и священник, который был среди приглашенных, был здесь частым гостем. Фамилия этой учительницы была Годлевская. Узнав, что я ее однофамилец, она хотела установить родство мое с ней и перечислила всю свою родню. К ее огорчению, родственников общих у нас не оказалось.

Вообще, во время наших раз'ездов на нас смотрели, как на представителей новой власти и оказывали нам всяческое почтение. Из захолустного окна не видно было тех событий, которые разыгрывались на верхах, где дворянство и чиновники сгрудились, чтобы с корнем вырвать те свободы, которые так опрометчиво дал „скорбной главою“ повелитель... Подавление московского восстания полковником Мином и адмиралом Дубасовым окончательно развязало руки правительству. Карательные поезда Меллера - Закомельского и Рененкампа, изложение всех инакомыслящих и ввержение их в темницу, ужасный режим в тюрьмах, — все должно было показать российскому обывателю, что ничто у нас не изменилось, что „так было, так и будет“. Наступило тяжелое время.

І. КРЕСТЬЯНСКИЙ С'ЕЗД В ОДЕССЕ

Не помню, какого числа это было и по чьей инициативе он был созван. В Пушкинской аудитории (убежище для инвалидов печати) собрались человек 40 — 50 из разных концов Херсонской г. Крестьянским этот с'езд несправедливо было бы назвать; это был, скорее, с'езд работающих среди крестьян, потому что, действительно, крестьян-земледельцев на с'езде было немного. Они сидели в первых рядах, упорно слушали всех ораторов и упорно молчали. За все время с'езда ни одного вопроса, ни одного замечания. Они были первый раз в жизни на с'ездах, и все, очевидно, было для них большой новинкой.

Состав с'езда — кроме крестьян, народные учителя, земские служащие, два врача и даже один земский гласный. Все давали отчеты о своей работе в деревне. Острые прения возникли по вопросу о крестьянских волнениях. Известно, что сейчас же после 17 октября всколыхнулась деревня и начались грабежи и поджоги помещичьих усадеб. Зарево пожаров далеко освещало небо в длинные осенние вечера. На с'езде был поднят вопрос, как относиться к этому стихийному явлению в деревне. Схватка произошла между Столпнером и Гольдендахом. Столпнер был типичный теоретик-марксист. О нем говорили, что он просидел десяток стульев, изучая Маркса. Небольшого

роста, с большой лысой головой, с двумя парами очков на носу, он имел вид, действительно, ученого, и своей речью произвел большое впечатление на публику. От такого серьезного и солидного ученого все ожидали спокойного и вдумчивого отношения к событиям и серьезной их оценки с точки зрения социал-демократической программы.

Можно себе представить наше удивление, когда из его уст мы услышали апологию и восхваление грабежей и убийств. Я еще до сих пор помню его заключительные слова: „Если крестьяне тащут хлеб, балки, скотину, упряжь, разбирают землю, можно их только приветствовать, пусть они лучше забирают, лучше прячут награбленное добро“. Достойную отповедь за эту речь получил Столпнер от Гольдендаха, который назвал восхваление разгрома помещичьих усадеб политическим хулиганством. В своей блестящей речи Гольдендах по пунктам разбил Столпнера и заслужил всеобщее одобрение аудитории. Вообще, на этом съезде Гольдендах пользовался большим влиянием, и все его предложения принимались единогласно. Между прочим, он указал, что в Херсонской губ. при агитации следует обращать внимание на десятинщиков и батраков. В нашей губернии при освобождении крестьян целая категория получала по $\frac{1}{4}$ десятины на душу: тогда сельские батраки приравнивались к городскому пролетариату и считалось, что они одной с ним кости. Дальнейшие наблюдения показали, что между ним и фабричным рабочим большая разница. Фабричный рабочий — сын крупной промышленности с колоссальной производительностью труда. Выгода от применения крупных двигателей доступна только коллективам рабочих, и это окончательно вытравляет у него мысль о единоличном хозяйстве и о единоличной работе. Другое дело батрак. В каком бы благоустроенном имении он ни работал, мысль о единоличном хозяйстве никогда его не оставляет, потому, что самое крупное имение, это есть благоустроенное мелкое хозяйство, умноженное в несколько раз. В мелком хозяйстве выезжает пахать один буккер, в крупном — несколько. Вопрос о выгодности применения тракторов до сих пор не решен. В крупных имениях их вводили и часто потом забрасывали. Даже молотилкой, стяжавшей себе определенную репутацию, крестьяне пользуются только для жита и редко для пшеницы, ибо „гармановка“, особенно, если за котком идет терка, дает лучший корм для скота, а машинная солома больше годна для топки. И вот батрак, работая в имении, все время мечтает о маленьком единоличном хозяйстве. Все, что он видит в имении: и хорошо оборудованная конюшня, и коровник, все доступно для единоличного владения его семьей, и отсюда мечта о вольном житье без понуканья, без хозяйских окриков. Для этого нужны только деньги. Вот почему армии, где главным элементом были батраки, очень быстро превращались в банды. Каждый хотел что-нибудь урвать для себя и скорее вернуться в деревню.

С'езд закончился при общих пожеланиях, чтобы в дальнейшем на с'ездах участвовало побольше крестьян и чтобы они созывались почаще. Но этим пожеланиям не суждено было сбыться. Это был первый и последний с'езд крестьянский вплоть до 1917 года. После с'езда вечером многие из участников собрались в трактире, где отпраздновали благополучное окончание с'езда ужином.

Как-то раз вечером, это было в конце января, пришла ко мне в Усатово одна крестьянка и таинственно сообщила мне, что только что видела околodочного, который расспрашивал, где живет товарищ Семен (моя кличка); при этом он сказал — „пора уж убрать вашего Семена, довольно уж наговорился“.

Действительно, через несколько дней арестовали доктора Соколова и засадили за участие в сельском комитете. Пришлось убраться из деревни и Одессы. Тяжело было расстаться с деревней, с привычной работой, с крестьянами, с которыми установились вполне дружеские отношения. Прощай тихий уют сельских школ, где мы устраивали митинги, и ты, широкая степь, которую исколесил за осень и зиму вдоль и поперек, всегда напоминавшая мне о великой русской равнине, по которой от Балтики до Великого Океана шагает сотней миллионов ног мужик, идя за плугом и кладя борозду за бороздой, и думает свою тяжелую думу о земле. Народ-сфинкс... Сколько поколений русской интеллигенции ломали свои головы, чтобы разгадать лик твой, сотканный из стольких противоречий: соединение трусости и храбрости, скопидомства и широкого разгула, хитрости и простодушия; и так по сей день ходишь ты неразгаданный.

С паспортом Лифляндского дворянина фон-Эссена, которым снабдил меня партийный товарищ, я уехал в Крым и поселился в татарской деревушке Симеиз, где прожил до мая 1906 года.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОДЕССЕ

В Одессу я вернулся, как раз в день разгона первой Думы. Помню, по улицам шагали солдаты, чтобы предупредить, если где-нибудь начнутся волнения. Но везде было тихо...

Тогда усиленно шла организация рабочих в союзы на основе закона 4-го марта, разрешившего рабочим объединения для целей взаимопомощи. Этим законом воспользовалась партия и союзы стали вырастать, как грибы. Порядок открытия союза был таков: организационное собрание, на котором принимался устав, а затем устав посылался на регистрацию. Мы пользовались организационным собранием для агитации среди рабочих, так что по поводу каждого пункта говорилось о чем угодно; начинали с дуги, как шутили тогда и кончали социализмом. На собраниях присутствовал чиновник от градоначальства. Мы обыкновенно так устраивали: вначале говорили в пределах,

по выражению Щедрина, умеренности и аккуратности. Когда устав был принят, правление выбрано, на сцену выступал оратор с общеполитической речью. Для этого у нас был один очень талантливый партийный работник, фамилию которого позабыл. Он произносил зажигательную речь, — чиновник закрывал собрание. Но дело было сделано. Чтение пун̄ктов устава на многих наводило скуку, а зажигательная речь действовала, как гроза среди жаркого летнего дня. Настроение моментально приподымалось, а закрытие собрания еще более возбуждающим образом действовало на публику.

К концу лета у нас уже был 41 профессиональный союз. На каждой почти улице красовалась какая-нибудь союзная вывеска.

Чиновник, которому, видно, уже надоело присутствовать на собраниях, как то сказал мне: „Кажется, больше организовывать вам некого, разве грудных младенцев“.

Действительно, все были организованы, кроме служанок, но скоро и они попали в союз. Всеми союзами руководило Центральное Бюро Профессиональных Союзов. Членами его были, насколько мне помнится, Михаил Адамович, Петр Старостин, Кенигшац и я. Но все они были заняты в своих организациях и мало времени уделяли Ц. Б. Вся работа легла на секретаря — Льва Теслера, который был и секретарем редакции. Об Адамовиче надо сказать несколько слов. Он был душой союза моряков (морской регистрации, как она называлась), который объединял до 4000 матросов всего торгового флота на Черном море. Это он провел забастовку моряков, которая длилась 40 дней. Матросы, не имея копейки денег, 40 дней стойчески держались, терпя нужду и голод, пока не добились признания правительством их союза. Михаил Адамович, человек большого ума, отличался большой физической силой и любого матроса мог положить на обе лопатки. Пользовался у матросов неограниченным влиянием, и слово его было закон. Сначала он единолично заправлял союзом, потом призвал выборных от всех судовых команд, — собрание уполномоченных, где разбирались все дела союза. Союз занимал целый дом на Торговой улице. С утра до вечера там толпились сотни матросов. Адамовичу все время приходилось бегать по судам, разбирая всякие конфликты между командами и начальством. Одного его слова было достаточно, чтобы остановить выход судна в море на неопределенное время. Регистрация была как бы бельмом на глазу у правительства, но оно не решалось закрыть его. Только осенью 1906 года оно, наконец, решилось арестовать Адамовича. Он скрылся во-время и уехал за границу. Петр Старостин был тогда молодой, очень интеллигентный рабочий, с живым умом и горячим сердцем. По возвращении из Сибири в 1917 году он был энергичным работником в партии коммунистов и погиб в Крыму. Кенигшац — дочь известного адвоката, унаследовала от отца замечательный дар слова. Арестована в 1918 году румынами и утоплена в Днестре.

Все союзы были распределены между членами Центр. Бюро, и на мою долю припелись — союз рабочих в винной монополии, союз водопроводчиков, союз металлистов, а с бегством Адамовича — регистрация моряков. Первым двум союзам приходилось уделять много времени, так как туда входила очень серая публика. У винников секретарем была Екатерина Калашникова. Человек больших знаний, она заведывала впоследствии в Москве химической лабораторией на полях орошения. Погибла в цвете лет в 1921 году от холеры. У водопроводчиков секретарем была Елизавета Сквери, сестра Михаила Сквери, основателя рабочего движения в Одессе. У металлистов на Пересыпи была очень хорошая библиотека. По воскресным дням там бывали очень многолюдные собрания, возникали интересные дебаты, вообще велась большая культурная работа. Матросы — здоровый, коренастый народ, во многом отличались от других рабочих. Их мало интересовали общие вопросы, а больше занимали детали и мелочи их повседневной жизни. Среди них были большие любители рассказывать про всякие морские случаи, и их речь пестрела разными названиями городов: только и слышишь то Неаполь, то Марсель, то Шанхай. Разойдется такой рассказчик, — его не остановишь. В общем, там чувствовалась морская стихия, во всем широкий размах и инициатива.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ

Мы издавали газету, правильнее сказать, газеты, потому что все наши газеты после первого номера закрывались тогдашним генерал-губернатором Карангозовым, впоследствии убитым на Кавказе. Зная заранее, какая участь постигнет нашу газету, мы уже заранее имели разрешение на другое название, так что газеты у нас выходили исправно: 2—3 номера в месяц. Мы получили извещение, что газета конфискуется, но в типографии полиция более одного номера не находила. Мы успевали вывезти газету и раздать ее по союзам еще до прихода полиции.

Был у нас такой случай. Узнали мы, что у одного приват-доцента университета имеется разрешение на издание газеты. Мы — к нему. Он нам разрешил, якобы под своей редакцией, выпустить очередной наш номер. Этот журнал постигла сугубая кара: его конфисковали, а редактора в 24 часа выслали из Одессы. Бедный приват-доцент примчался к нам ни жив, ни мертв и спрашивает, какую ересь вы там написали, что меня из-за вас высылают из Одессы? У нас под руками не было ни одного номера и так он уехал, не узнавши, за что в России подвергают ostracismu. Но мы его утешили, что и в Германии социал-демократические газеты имеют своих Sitzredaktor (отсиживающих редакторов), так что мы не хуже Европы.

Репрессии все учащались. На общесоюзных собраниях только и приходилось выслушивать заявления о полицейских набегах сопро-

вождавшихся всегда бесчинствами. Союзы были все зарегистрированы, существовали на основании закона 4-го марта. Ничего предосудительного, даже с точки зрения закона, там не происходило и, тем не менее, правительство своими придирками доводило рабочих до белого каления. На собрании был поднят вопрос, как нам быть, что делать. Кто-то предложил выпустить прокламацию ко всем рабочим, с изложением всех обид, чинимых правительством профессиональному движению. На это последовал сердитый ответ рабочего: „не прокламации нужны, а бомбы...“

Действительно, власть прямо провоцировала рабочих на террористические акты. Как будто правительство, видя, что рабочая масса устала после года напряженной борьбы, старалась всячески ей отомстить за вынужденные уступки.

Старые работники, всю жизнь потратившие на дело организации рабочих, всячески избегавшие методов борьбы, основанных на героизме одиночек, стали терять влияние над массой. Рабочая молодежь хлынула к анархистам, налетчикам, максималистам. Особенно сильное впечатление произвело сражение по Щепном переулке. 5 анархистов оказали вооруженное сопротивление при аресте. Они вылезли на чердак и в течение всей ночи отстреливались от казаков, окруживших дом, но не решавшихся туда зайти. К утру анархисты спустили на веревке одну девушку, которая спаслась, а сами, видя невозможность дальше защищаться, застрелились. Героическая смерть этих анархистов создала большую симпатию к их организации. Когда гибнет регулярная армия на войне, военные действия продолжают одиночки — вольные стрелки, для которых никакие военные правила не существуют. Результатов поражения они никогда не изменяют, но их боится неприятель, и в этом утешение побежденного...

К осени ликвидация союзов шла полным ходом. Правительство арестовывало одного за другим всех видных деятелей профессионального движения, союзы стали хиреть и закрываться. Вечером 4-го октября в помещении союза металлистов на Пересыпи ворвалась полиция, и, с криком „руки вверх“, стала производить обыск. Ничего предосудительного ни у кого не нашли, если не считать заметок о профессиональном движении за границей и обращения к судовым рабочим Адамовича, которые были найдены у меня, но все же человек сорок отвели в участок. Там продержали до 12 час. ночи. Затем всех выпустили, оставив Гончаренко и меня, как секретарей союза. Когда меня из участка перевели в тюрьму, там я уже нашел сидящими председателями союза „винников“, т. Мурато, водопроводчиков и др. Очевидно, союзы были похоронены. Когда нас арестовали, городовой, стоявший вблизи меня, как-то сказал: „Союз закрывают, теперь рабочему снова одна дорога — в кабак“. Это была истина только наполовину: одна часть пошла в кабак, а другая — в подполье, готовить новую революцию...

ГОДЛЕВСКИЙ

Из истории рабочего движения на Волыни

(Эпизоды)

НАЧАЛО РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Житомир — город по преимуществу мелко-ремесленного производства. Нет в нем шумно-дымящих фабрик и заводов, нет компактной массы фабрично-заводского пролетариата. Преобладание ремесленного пролетариата наложило яркий отпечаток на весь ход рабочего движения за предреволюционный период 1902 — 05 г.г. Как во всех почти городах еврейской черты оседлости, главную роль в руководстве рабочим движением города играли еврейские рабочие партии. Тогда это было вполне естественно: преобладающие еврейские рабочие, мало грамотные по-русски, шли туда, где могли услышать революционное слово агитации и пропаганды на своем родном языке. Одно время и с.-р. стали распространять свою литературу на еврейском языке, но влияния на рабочие массы, как и сама партия вообще, она не имела и иметь не могла.

Первой революционной организацией, призвавшей пролетариат к борьбе за освобождение рабочего класса и на бой с царизмом, была в Житомире группа „Искры“.

„Из искры возгорится пламя“ — таков был лозунг, с которым „искряки“, как их тогда звали, вошли в рабочие массы.

То было в начале 1902 г.

Киевская организация „Искры“, хорошо обосновавшаяся у себя в Киеве, решила втянуть в орбиту своего влияния и Житомир. Назвавшим ее представителям удастся здесь создать определенное ядро среди интеллигенции и учащихся, которое затем повело работу среди рабочих. Активными работниками, выступавшими на собраниях в кружках, были т.т. Яков (партийная кличка Я. Тойхберга) и друг.

Результаты работы не замедлили сказаться. Накануне 1-го мая в один из субботних дней, когда Житомирский бульвар был весь переполнен гуляющими, из этой праздничной толпы, неподалеку от помещения бывш. Губернского Жандармского Управления, выделилась группа лиц, которую быстро окружили единомышленники. Был выкинут красный флаг и проведен летучий митинг, несмотря на появившуюся вскоре полицию и жандармерию. После демонстрации

начались многочисленные, по тогдашнему, аресты: арестованными оказались: С. Д. Шнейдер, С. Ямпольский, учитель Мицкун, Яков Вольф (сапожник) и др. Некоторых рабочих освободили, а т. т. Шнейдер, Ямпольского, Мицкуна, Якова Вольфа и др. сослали.

Долго говорили об этой демонстрации в городе. Она произвела определенное впечатление на рабочее население.

Но аресты и высылка совершенно обезкровили „Искру“ и с тех пор она перестала играть заметную роль в рабочем движении города.

Период вслед за демонстрацией характеризуется упадком рабочего движения. Медленно, медленно шло новое собирание сил. Время от времени в город наезжает тот или другой „профессионал“ (так звали товарищей, занимавшихся исключительно партийной работой), под его руководством начиналась новая организационная работа.

Началась в Житомире работа Бунда. Все внимание было фиксировано на создании кадра сознательно - преданного и идейно - спаянного пролетарского актива и концентрации вокруг него тяготеющих к нему рабочих масс. Стала развиваться усиленная кружковая пропагандистская работа, проводившаяся под строжайшей конспирацией. Раз, два в неделю, на городских окраинах происходили так называемые массовки, всегда вызывавшие в рабочих энтузиазм, будившие в них готовность на выступления по первому зову.

Поводов к выступлению было уже достаточно. 18-го апреля (1-го мая 1902 г.) на улицах Вильно была устроена первомайская демонстрация, при чем демонстранты были жестоко избиты казаками. На следующий день около 50-ти демонстрантов было арестовано, из них 28 человек (22 еврея и 6 польских рабочих) подверглись по приказанию губернатора фон-Валя — телесному наказанию. Страшное возмущение и ярость против палачей царизма охватили организацию. Стали нарастать террорестические настроения. Виленский сапожник, бундовец, Гирш Леккерт 5—18 мая на порку ответил выстрелами в фон-Валя и ранил его. Леккерт был арестован, предан военному суду и 29-го мая (11-го июня) повешен. Весть о казни Леккера с быстротой электрического тока докатилась до Житомира.

Рабочая масса горела возмущением. Оскорбленная в своих революционных чувствах жестокой выходкой царских палачей, проникнутая горячим сочувствием к товарищам, потрясенная дикой расправой над Леккертом, рабочая масса готова была к открытому протесту и ждала только указаний. И вскоре Житомир стал свидетелем второй демонстрации протеста. Пройдя по центральным улицам с красным знаменем, она направилась к губернаторскому дому и после краткого митинга мирно разошлась.

В дни 1-го мая, 14-го декабря и т. д. в Житомире обыкновенно устраивались массовые собрания, посвященные историческим событиям этих дней. 14-го декабря 1903 г. такая массовка, посвященная памяти

декабристов и Леккерта, была организована на новом строении на квартире рабочего токаря Хаскеля. Квартира была убрана красными флагами, посреди которых выделялись портреты декабристов; был также и портрет недавно повешенного Гирша Леккерта.

Собрание было в полном разгаре. Настроение у всех торжественно-революционное, приподнятое; то здесь, то там раздаются возгласы: „долой самодержавие“, „да здравствует свобода“, „вечная память погибшим героям за дело рабочего класса“. Вдруг возгласы прерываются заявлением: „Товарищи, мы окружены жандармерией“.

Три часа продолжался обыск: к этому моменту прибыли вызванные две роты солдат и почему-то пожарные.

По окончании обыска всех разделили на 3 группы: мужчин, около 80 чел., в 2 группы, 33 женщины в третью и всех отправили по полицейским участкам. Спустя пять дней после ареста приступили к освобождению арестованных. Остались под арестом только 9 человек, остальных освободили. Среди арестованных были: Авраам Ческие (теперь красный профессор), Файвель Аронович, Люба (Ревекка Либерфарб), Иоська Гарбер, Муня Кашук и другие.

Тогдашний жандармский ротмистр Эдгард хотел создать против арестованных большой процесс „113“. В марте 1904 г. их перевели в Луцкую тюрьму, где продержали до ноября, но „пришить“ дело арестованным не удалось и их пришлось вскоре освободить.

Арест не обошелся без провокаторов. На одного гильзовщика — Дуба было прямое указание в обвинительном акте. Дуб был одним из организаторов этого собрания. О другом, Викторе Волянском, шли упорные разговоры среди рабочих. Оба исчезли вскоре из Житомира. (Дуб бежал в Америку, а Волянского расстреляли в 1921 г.).

Рабочее движение уже пустило довольно глубокие корни и, видимо, давало себя сильно чувствовать администрации, раз жандармерия пошла на привлечение себе секретных сотрудников из среды членов организации.

Начало 1904 года ознаменовалось рядом экономических забастовок, порой носивших совершенно стихийный характер.

К тому времени уже успел оформиться ряд нелегальных профессиональных союзов (печатников, столяров-мебельщиков, кавказчиков, портных) численно охвативших довольно значительное число рабочих. Узкие рамки взаимопомощи не удовлетворяют уже потребностям рабочих масс. Выскиваются новые способы борьбы за улучшение материального положения, появляется необходимость в новых организационных формах союзов. Действия последних начинают носить определенный боевой характер.

Но, не успело еще молодое профдвижение окрепнуть, создать свои мощные организации, как стало раздражаться внутрипартийной борьбой за влияние на массы.

„Бунд“ еще раньше выступил из рядов РСДРП, так как последняя отказала ему в праве на „единственного представителя“ еврейских рабочих масс. Его национальная платформа все уточнялась, ибо на евр. пролетарской улице выявились новые национальные партии, как с.-с., е.-с., п.-ц. и др.

Началась ожесточенная межпартийная борьба, в которую рабочие массы втягивались очень сильно.

Этой межпартийной борьбе посвящаются и массовки и специальные дискуссионные собрания-рефераты; борьба эта выносятся даже на улицу — на „биржу“ (так называлось специально установленное место ежедневной явки-встречи для массы), ею заражаются и союзы. Однако, она не ослабляла солидарности рабочих.

Между тем, русско-японская война, наносившая на манчжурских полях российскому самодержавию поражение за поражением, создала совершенно новую политическую обстановку в стране. Наростание революционного шквала чувствовалось все явственней. Кишиневским и Белостокским погромами вздумал Плеве добиться от еврейского пролетариата отказа от политической борьбы. Но еврейский пролетариат ответил сатрапу организацией боевых дружин. К организации таких дружин приступили русские рабочие Житомира и, когда к концу 1904 года мобилизацию запасных в Житомире местное хулиганье с администрацией во главе попыталось использовать для погрома, боевые рабочие дружины дали должный отпор.

Зима 1904 года отмечается также усиленной организацией приказчиков, которых до того с трудом удалось вовлечь в рабочее движение. Движение среди приказчиков началось борьбой за раннее закрытие магазинов. Ровно в 8 час. вечера приказчики оставляли магазины и, собравшись на „биржах“ отправлялись оттуда гурьбой закрывать магазины засидевшихся хозяев. Несмотря на то, что движение приняло массовый характер, полиция в эту борьбу не вмешивалась и держалась выжидательно.

Деятельность профсоюзов начинает носить более организованный и согласованный характер. Этим союзы, главным образом, обязаны введению в Правления парторганизациями своих представителей.

К этому времени относится и широкая дискуссия, начавшаяся в союзах, по вопросу о партийности и нейтральности союзов.

С новыми окрепшими силами парт и профорганизации вступили в 1905 год.

1905 ГОД

Начало 1905 г. застало житомирских рабочих в довольно напряженном состоянии. Мобилизованные запасные толпами прибывали в город из окружающих деревень. Подбодренные „монополькой“,

навеселе, стали они помаленьку „пошаливать на улицах“, возле лавочек и магазинов. Во время одной такой „шутки“ на Михайловской ул. был ранен т. Мильман. Явилось опасение, не использует ли местная власть подобные „шутки“ и для кровопускания рабочих и разгрома их организаций. Быстро мобилизовали рабочие отряды, разбросали их по всем частям города и началась томительная отсидка на сборных квартирах.

В таком напряженном состоянии была встречена весть о кровавом воскресеньи, весть о кровавой бане, устроенной царем питерскому пролетариату. Массовыми собраниями, массовыми митингами протеста ответил житомирский пролетариат на беспримерную выходку царских палачей.

Специально выпущенные прокламации, посвященные событиям 9-го января, разъясняли значение этих событий для российского пролетариата, звали к борьбе, к мщению за безвинно погибшие жертвы капитала и царизма. Рабочие провели целый ряд забастовок уже определенно политического характера. Стройно и организованно проходили они по всем союзам. Но хозяева ответили организациям отпором, объявив локаут.

Местные владельцы типографий никак не могли простить союзу печатников ту легкость, с которой он в конце 1904-го года провел по всем типографиям забастовку и добился удовлетворения всех главных своих требований. Затаив злобу, владельцы типографий, сговорившись все, как один, 31-го января произвели выплату жалованья (это была первая аккуратная выплата жалованья) и объявили, что с 1-го февраля типографии закрываются и рабочие могут считать себя свободными. На утро закрылись все типографии, за исключением губернской. Измором, безработицей думали хозяева отнять у рабочих отвоеванные ими права.

С энтузиазмом приняли печатники брошенный им вызов и на локаут ответили контр-забастовкой, выставив ряд своих требований. Рабочие держались стойко. Борьба пошла ожесточенная и не обошлось без активных действий и против хозяев, и против штрейкбрехеров.

Типографии превратились в настоящий лагерь. Охраняемые извне солдатами, они представляли собой изнутри какую-то ночлежку, уставленную кроватями, самоварами, кухонной посудой и пр. Штрейкбрехеры в них дневали и ночевали.

Локаут затягивался: средства кассы иссякали, многие, в особенности семейные, уже начали страдать от голода. Но печатники держались стойко. Все житомирские рабочие оказывали им посильную помощь. Но средства все же были недостаточны. Тогда союз завязал связь с наборщиками других городов.

Духовная и материальная помощь братьев-наборщиков Бердичева, Киева, Одессы, Москвы, Питера и др. городов подняла настроение и силы бастующих. Печатники снова ожили.

9-го апреля, после девяти недель, локаут закончился. Рабочие от своих завоеваний не отступили, и хозяева вынуждены были сдаться. Этот пример стойкости, организованности и внутренней спайки печатников имел огромное влияние на житомирских рабочих.

Развитие революционного и профессионального движения вызвало со стороны полиции усиленную организацию местного хулиганства. В окружные села и деревни были посланы особые агитаторы, которые распространяют слухи, что жи́ды - социалисты выступают против царя батюшки и призывали вооружиться и всех „жидов“ вырезать. Темная крестьянская масса пошла на эту провокацию, которая ежедневно повторялась с амвона понами.

Ближайшая к 18 апреля (1 мая) суббота была посвящена 1-му мая. В Псыщенском лесу было организовано несколько массовок. Про них узнала жандармерия. Собрав своих павликовских хулиганов, они учинили погоню за возвращавшимся с митинга рабочими; вместе с тем хулиганье напало на квартиры рабочих и начался грабеж.

Быстро стянулась к Павликовскому мосту самооборона. С отрядом солдат Костромского полка прибыл помощник полицеймейстера Явицкий. Избиение и грабеж прекратились скоро. Оттого ли, что рабочие дружины самообороны успели очень быстро явиться к месту побоища, и хулиганье встретилось с превосходящими их силами; оттого ли, что организаторами погрома не все еще было подготовлено и не было приказа свыше, чтобы выступить, но погрома допущено не было.

Нужна была, очевидно, только проба сил.

Организация местного хулиганья и обработка окрестного крестьянства продолжались после этого еще интенсивнее. Руководящую роль в этом играл пристав 1-й части Куяров. Он рассылал переодетых городских по деревням для агитации, он руководил вербовкой хулиганов, выступал среди них на Малеванке, Киевской „Рогатке“ Каракулях . . .

24-го апреля, когда, после изрядной выпивки в компании актрис, пристав стоял неподалеку от ресторана „Рим“ (где теперь Губпродком), к нему подошел с. - р. Сидорчук и тремя выстрелами убил его. Сидорчуку удалось бы скрыться, если бы не провокатор Моков, который, став ему на Киевской ул. поперек дороги, ударом железной трости по лицу выбил Сидорчуку глаз. Окровавленный Сидорчук упал и тут же, после страшного избиения, был арестован.

Убийство Куярова дало сигнал к выступлению черносотенцев. К вечеру того же дня окраины города (именно окраины, населенные по преимуществу рабочими и беднотой) огласились звоном разбитых стекол. Встреча отрядов самообороны с малеванскими хулиганами произошла на Подоле у моста. Если бы не вмешательство войск, рабочие дружины (самооборона) быстро бы ликвидировали выступление

хулиганов. Против более многочисленного и лучше вооруженного войска они долго устоять не могли.

Три дня продолжался погром, вернее избиение рабочих и еврейской бедноты и разграбление их достояния. Самооборона потеряла убитыми 14 товарищей (всего было свыше 20), ранено было значительно больше, многие довольно тяжело.

Здесь следует отметить, что на помощь Житомирской самообороне прибыл боевой отряд „бундовцев“ из Бердичева. Хотели притти на помощь и чудновские рабочие-бундовцы, но их попытка кончилась трагически. Выделив отряд из 10 товарищей и вооружив их револьверами, чудновцы отправились на подводах в Житомир. У м. Троянова крестьяне, с'агитированные уже агентами Куярова, заподозрив молодых людей, остановили подводы и подвергли их обыску. Обнаружив револьверы, крестьяне пришли в ярость и с вилами и топорами набросились на бундовцев. Все товарищи были зверски убиты, у некоторых были отрублены головы.

Характерно, что Трояновские евреи отказались спрятать у себя социалистов и долго над местечком, впоследствии, тяготел бойкот за это.

Апрельским погромом полиция и жандармерия рассчитывала дезорганизовать и ослабить местное рабочее движение. Но она ошиблась.

Внушительная траурная манифестация с черными знаменами, сопровождавшая жертвы царизма к месту вечного упокоения, должна была убедить всех врагов рабочего движения, что их надежда утопить рабочее движение в крови напрасна.

Вслед за траурной демонстрацией последовала первомайская всеобщая забастовка. Не работало почти ни одно предприятие; были закрыты также и магазины. Рабочие вышли на улицы.

День прошел в собраниях и митингах.

Следующим крупным событием был арест активных работников Правления Союза кавказчиков, совершенный по наущению предпринимателей.

Когда весть об аресте дошла до рабочих фабрики, они бросили работу и потребовали освобождения арестованных. Их требование не было выполнено, и тогда рабочие забастовали. Несколько дней они находились в выжидательном положении. Арестованных не освобождали. Фабрику усиленно охранял отряд городских. Для обуздания рабочих начали в усадьбе фабрики строить барак для кавалерии. Начали также готовиться и рабочие. Организовался отряд из 40 товарищей, вооруженный огнестрельным оружием. В один из июньских дней отряд этот окружил фабрику, где засели городские. После 5-ти минутной перестрелки городские, выбросив белые платки в знак сдачи, прекратили стрельбу. Проникнув в квартиру Каменира, отряд подверг ее полному разгрому и потребовал от раненого владельца фабрики освобождения арестованных. И, действительно, несколько дней спустя арестованные были освобождены.

Выплатив полную компенсацию за все время простоя и ряд штрафов, наложенных на него партийной организацией, Каменир открыл фабрику, и все рабочие приступили к работе.

Следствие над Сидорчуком, убившим пристава Куярова, власти закончили быстро, и в один из июльских дней он предстал перед военным судом. В день суда предполагалось у здания тюрьмы его отбить от конвойных и освободить.

К сожалению, эта попытка освобождения была не совсем удачной. Собравшиеся у тюрьмы рабочие были быстро рассеяны кавалерией, подоспевшей конвойным на помощь. Тогда, недалеко от здания Окружного Суда (где ныне Губпрофсовет), у второго бульвара была устроена демонстрация протеста против царских вешателей. Эта манифестация сочувствия рабочих была для Сидорчука удовлетворением за смертный приговор, который ему вынесли. Смертная казнь Сидорчуку была заменена 20-летней каторгой. (Впоследствии Сидорчуку удалось бежать из Сибири в Италию, где он, купаясь в море, утонул).

Наступили октябрьские дни. Волна забастовок прокатилась по всей России. Началась всеобщая железнодорожная забастовка, приостановилось движение, замолчал телеграф. Прекратился выход газет. 14 октября забастовка захватила и Житомир; 15 она стала всеобщей. Только водопровод и трамвай, усиленно охраняемые солдатами, работали. Когда попытка уговорить трамвайных рабочих успехом не увенчалась, бастовавшие приступили к срезыванию трамвайных проводов, подрезыванию столбов и вышибанию стекол из трамвайных вагонов. Во избежание порчи, трамвайные вагоны были уведены в парк.

В городе шли повальные аресты, а в участках жестокие избиения. В городской думе все же состоялся митинг, правда, под охраной эскадрона драгун.

18-го с утра в Житомире получился манифест. Он уже стал достоянием гласности, но полиция и жандармерия продолжала свою охоту за „политическими“.

К полудню открылись двери участков, но арестованные политические подверглись на пожарном дворе 1-го участка, где помещалась наша политическая „предварилка“, жестокому избиению.

Этим началась эра „свободы“ для Житомира.

Х. ЗАФРАН

Картамышевское дело

(Из истории Одесской организации РСДРП)

АРЕСТ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В книге жандарма А. И. Спиридовича (Революционное движение в России. Выпуск I. Российская Соц.-Дем. Раб. Партия. СПб 1914 г.), написанной на основании данных жандармских и охранных отделений, на стр. 167 есть следующее место: „В конце 1907 г. в жизни партии произошло два интересных, хотя далеко и не одинаковых события. В сентябре месяце Одесская организация проявила себя, оказав вооруженное сопротивление пришедшему на обыск наряду полиции: в чинов полиции была брошена бомба и произведено несколько залпов из револьверов, при чем был убит полицейский офицер и ранен городской. Полиция отвечала выстрелами и арестовала 43 человека. Это был как бы последний партийный боевой отзвук минувшего бурного периода“...

Так изображала событие Одесская полиция (См. „Одесск. Новости“ и „Одесский Листок“ от 22 сент. 1907 г.). Но все это совершенно неверно. На самом же деле произошло следующее:

В одном из домов на Картамышевской улице, 20 сентября 1907 г., вечером должна была состояться общегородская конференция нашей партии. Назрел целый ряд вопросов: недовольство районов комитетом, приближение выборов в Госуд. Думу и т. д. Собрание происходило в крошечной квартирке одной работницы, Ривки Шейнис, члена партии. Квартирка ее помещалась в глубине второго двора, густо населенного Одесской беднотой, дома, во втором этаже. Ход в квартиру был с наружного деревянного балкона. Окно в маленькую комнату тоже выходило на этот балкон и на окне сидела Шейнис, а ее мать-старуха сидела на балконе над лестницей и пила чай. Собрание открылось. Доклад сделал секретарь комитета, „Кацап“ — Андрей Поляков, большевик (организация была объединенная — б-ков и м-ков). Затем с критикой комитета выступил К. Тиссен (меньшевик). Но тут работа конференции была неожиданно прервана. Охранка узнала, повидимому, о месте и часе собрания от

провокатора Сергея Малиновского и явилась для ареста. Сильный отряд полиции, во главе с приставом Дельфинским, вошел во двор и стал подниматься по лестнице. Было уже темно. Старуха Шейнис в перепуге выронила из рук прямо на головы полицейских чашку чая, а ее дочь крикнула через окно в комнату: „Полиция“... Собравшиеся в один миг выбежали на балкон и, видя с левой стороны полицию, бросились бежать направо по балкону. Два десятка ног, бегущих по деревянному балкону, произвели ужасающий грохот. Полиция и без того настроенная нервно и шедшая с револьверами наготове (в Одессе часто в полицию стреляли анархисты и экспроприаторы), напуганная этим грохотом и свалившейся ей на голову чашкой чая, совершенно обезумела и, стреляя куда попало, главным образом, в бегущих, бросилась в панике обратно во вторые ворота, где и засела. Выстрелами был убит пристав Дельфинский (в затылок) и ранен один городовой; убита наповал Шейнис, Александр Портненко (рабочий) ранен в грудь и в ногу. Портненко лежал на балконе, громко стонал и просил пить. Все остальные товарищи, бежавшие направо, уперлись в тупик и забежали в соседнюю квартиру, где жил какой-то портной. Из двора не было выхода, и мы были пойманы, как в мышеловке. Поляков, с риском для жизни, спрыгнул со второго этажа и спрятался в сарае, но городовые его там нашли и пристрелили (прострелили насквозь живот), но он выжил. Вскоре явилось подкрепление: казаки, конные стражники, помощник полицеймейстера, охранники, пристав. Нас, а также и часть несчастных обитателей соседних квартир, стали поодиночке выволакивать во двор и здесь, во дворе и под вторыми воротами, подвергать жесточайшему избиению и истязаниям. Приклады винтовок и револьверов, шашки, нагайки, кулаки, каблуки — все было пущено в ход. Когда человек терял сознание и падал, его избивали на земле. Это тянулось бесконечно долго. Наконец, нас по одному стали прогонять через первый двор к воротам на улицу, а стоящие по бокам казаки и стражники со всей силы били проходящего прикладами винтовок. Нас собрали на улице и, окружив густой цепью стражников, городских и казаков, погнали в Петропавловский участок, по дороге продолжая бить. В участке раздалась строгая команда: „Довольно... Не смей бить... В участке нельзя...“, и избиение, прекратилось. Какмы после узнали, пристав Петропавловского участка Яблонский был противником избиений арестованных и у себя в участке не позволял этого. Хотя в других участках Одессы избиения арестованных во времена Толмачева и Каульбарса были возведены в систему.

Именно в это время в Одессе свирепствовал белый террор. Боевые дружины союза русского народа ходили в особой форме с оружием, имели свои казармы, и дружинники получали 25 руб. в месяц. На улицах избивали проходящих евреев и студентов. Издавались

черносотенные газетки, в роде „Одесской дубинки“. По большим праздникам устраивались „малые погромы“.

В участке нас заперли в подвал, глубоко под землей, в маленькую комнату — 18 человек, избитых, окровавленных, искалеченных. Было так тесно, что не только нельзя было всем лечь, но некоторым нельзя было и сесть — они стояли. Кроме того, маленькая параша быстро наполнилась и потекла через край — приходилось стоять, сидеть или лежать в луже нечистот.

Из членов конференции сюда попало человек восемь: Корнелий Тиссен, м-к, много лет работавший в партии, из немцев колонистов Кичкаса (Екат. губ.)¹⁾; Белопольский, рабочий, большевик; М. Гершегорен, учащийся; Владимир Тинников, студент; Ян Гросс, студент — представитель военной организации; В. Бутков, студент, тоже член военной организации; Вассерман — бухгалтер; Маркус Эпштейн — рабочий; С. Фельдман — м-к, в 1917 г. член Одес. Губисполкома. Остальные 10 мучеников, сидевшие с нами, были люди посторонние, ни за что, ни про что попавшие за компанию с нами. Двое раненых из наших были увезены в тюремную больницу: Александр Портненко — рабочий и Андрей Поляков — секретарь комитета, большевик, из рабочих штукатуров. (Последний, по непонятным причинам, в 1911 г. сделался в Москве провокатором и, кажется, расстрелян при Соввласти).

Из всей конференции только один спасся и благополучно ушел Кирилл — рабочий (ныне член Р. К. П., в 1920 году работал в Ивановском районе в Харькове). Ему удалось проскочить наверх, на чердак, где он три дня скрывался, пока жандармы обшаривали весь дом.

Дня через два нам пред'явили обвинение по 279 ст., за убийство пристава Дельфинского. Это была знаменитая 279 ст., по которой

¹⁾ Т. Тиссен — очень интересный человек. Он послан был менонитской общиной Кичкаса в центр протестантского богословия в Базель, на теологический факультет. Но вместо богословия ознакомился с германской соц. - демократией и, постранивавшись по Европе, вернулся в Россию и в качестве партийного работника побывал везде: и на Урале, и на Кавказе, и в Сибири, и на Волге. В Екатер. губ. он работал среди крестьян и среди обезземелившихся колонистов, при чем, сагитировав последних, через них овладел некоторыми менонитскими и протестантскими общинами, произведя в некоторых немецких колониях целую революцию. Работал он в Екат. под кличкой „Карл“. Писал в Одесской „Odessaer Zeitung“ и в легальных и нелегальных изданиях под псевдонимом К — ий или Кичкаский. Потом он уехал в Южную Америку, где и умер. Наш поэт, Ян Гросс, посвятил ему стихотворение-шутку:

Хотел он в пасторы попасть,
По, следуя за веком,
Избрал себе другую часть
И сделался — эдеком.

Бог в том убытка не нашел,
Но, если взвесить строго.
То и рабочий приобрел
От этого немного.

в то время военные суды (а Одесса была на военном положении) почти каждый день выносили смертные приговоры. Пристав убит — когда нас выводили для избияния во двор, на балконе нам приходилось спотыкаться о труп человека большого роста в белом кителе. Свидетели есть — все городовые в один голос показывали, что мы стреляли. А этого достаточно для военного суда, хотя оружия при нас не было найдено никакого, чтобы нас послать на виселицу.

Оставалось одно: в крайнем случае об'явить себя на суде членами партии и от лица партии заявить, что, не признавая индивидуального террора (в чем мы тогда резко расходились с с. - р.), мы не могли оказать вооруженного сопротивления. Одновременно и комитет должен был выпустить соответствующее об'явление. Мы вступили в переписку по этому поводу с оставшейся на воле организацией. А вступили мы в переписку очень просто — через городских, карауливших нас.

Взятка в царской России была великой хартией вольностей: она прорывала все преграды. Через этих же городских мы получили с воли подушки, одеяла, пальто, а то в том виде, как нас арестовали, так мы и сидели в совершенно пустом подвале, без нар, без сидений, без стола, на голом полу.

Затем, связь с волей установилась еще и через „союзников“ (так тогда назывались члены союза русского народа). Как раз, незадолго перед тем, в один из праздников, был устроен „малый“ погром — всего на 5 — 10 убитых и сотню избитых. Десяток союзников за это был, для вида, посажен на неделю в участок. Говорю „для вида“, потому что в участке эти союзники устроились со всеми удобствами, камера их заперта не была, они разгуливали целый день, а на ночь некоторые из них уходили гулять в город. Один из этих громил бескорыстно носил от нас письма родным и приносил от них громадные узлы с подушками и одеялами.

И городских и союзника приспособил к передаче писем Ян Гросс, который проявлял в этом отношении большую ловкость.

В нашем темном, сыром подземелье посетил нас генерал-губернатор Новицкий, известный киевский жандарм. Это была шарообразная туша в генеральской форме, с красной рожей и сизым носом. С Новицким в наше подземелье вошла его многочисленная свита, среди которой был и страж законности — прокурор окружного суда. Мы заявили Новицкому и прокурору об избиянии и истязании. Они видели залитое кровью наше платье, наши синяки, ссадины, кровоподтеки и раны.

— А что ж вы хотите, чтоб вас под ручки вели? — ответил Новицкий. Прокурор смущенно опустил глаза.

Но даже и эти негодяи нашли, что темный и сырой подвал — помещение плохое.

ТЮРЬМА

30 сентября 1907 г. из темного подземелья Петропавловского участка нас вывели на двор и, под охраной пеших и конных стражников, повели в тюрьму. Меня с Гроссом посадили в камеру на втором этаже, в центре тюрьмы. Тюрьма теперь была совсем не похожа на тюрьму 1903 года. Теперь в одиночных камерах, приспособленных только для одного человека, сидело по три и по четыре человека. Отношение надзирателей к „политикам“ было грубое, на „ты“, часто подкрепленное матерным словом, всякое уважение к политикам было потеряно — все это было результатом того, что среди политиков было много отбросов общества, грабителей, которые эти грабежи называли „экспроприациями“, а самих себя — „анархистами“, „максималистами“, „синдикалистами“. Они не только сами ругались по-матери, „тыкали“ надзирателей, но и позволяли себе всякие мерзости. Вообще, экспроприации тогда деморализовали малосознательную часть рабочих. От таких попадавших в тюрьму типов приходилось слышать:

— Я социалист-революционер, но по нужде стал анархистом (т. е. пошел на грабеж).

Попадались среди этих „политиков“ и чисто уголовные типы, профессиональные воры, сутенеры, вышибайлы. Выходит такой „политик“ на прогулку, а ему его приятели кричат из уголовного отделения:

— Мишка, ты давно „политиком“ сделался? Белую пайку захотел? (политические при поддержке Красного креста получали белый хлеб). Ты большевик или меньшевик?

Но надзиратели быстро раскусывали, с кем они имеют дело. Надзиратель Абрамкевич, в первый день говоривший нам „ты“ и грубо кричавший на нас, на следующее утро, открывая дверь, сказал:

— Господа, делайте, пожалуйста, уборку.

С тех пор и потом, даже в каторжном отделении, мы не слышали ни одного грубого слова. К настоящим „политикам“ отношение в то время было хорошее.

Не успели мы устроиться в камере, как к нашим дверям, гремя кандалами, подошел красивый, стройный юноша и вступил с нами в разговор. Это был вольноопределяющийся Алексей Павлов, за оскорбление офицера приговоренный к смертной казни и потом „помилованный“, с заменой казни — бессрочными каторжными работами. Он ввел нас в курс всех тюремных дел и предупредил, что когда мы услышим крики: „прощайте, товарищи“ — это значит ведут кого-нибудь на смертную казнь, и мы, сидящие в центре тюрьмы, в „волчок“ можем увидеть, как ведут на казнь. В первый же день нас поразило своим видом другой каторжанин в арестантском костюме и в кандалах, немолодой, с очень интеллигентным лицом, в пенсне. Это

был один бухгалтер (фамилию забыл), приговоренный к 6-ти годам каторги „за погром“. Нужно напомнить, что за кровавые погромы 1905 года в тюрьме никто не сидел, сидели только несколько человек, обвиненные за устройство погрома... на русских... В те времена самодержавие устраивало такую комедию, что по случаю погрома хватало несколько евреев и судило их за возбуждение национальной ненависти и подстрекательство евреев к погрому русских. Трудно поверить, но это факт.

Через несколько дней, поздно вечером, когда Гросс уже спал, а я сидел и читал Вейля „Социальное движение во Франции“ (библиотека в тюрьме была прекрасная) — слышу крики. Я разбудил Гросса, мы подбежали к дверям, и в дырочке я увидел следующее: идет по корридору молодой человек в черном костюме с красной розой в петличке и с папироской в левой руке, спокойно, словно гуляет. Несколькими шагами за ним шли два надзирателя. Когда он вышел на средину тюрьмы, правой рукой он снял шляпу, махнул в сторону политического подследственного отделения, крикнул: „прощайте, товарищи“... и спокойно повернул по направлению к каторге. Не успели мы опомниться от этого зрелища, как опять раздались крики. Смотрим — двое надзирателей ведут под-руки человека, наполовину одетого в арестантский костюм, страшно бледного, который, повидимому, плохо стоит на ногах и шатается. Затем провели еще троих, не помню, их вида. В тюрьме поднялся шум, некоторые стали стучать в двери. Слышались крики: „прощайте“... „Мы отомстим“... Это вешали пятерых анархистов за экспроприацию.

Смертные казни тогда происходили так часто, что в конце-концов мы к ним привыкли. Из настоящих политиков помню штабс-капитана Глинского и рабочего Никитина, эсеров из Севастополя, казненных за попытку поднять восстание, и рабочего-большевика (забыл фамилию), небольшого роста, повешенного по приговору Одесского военно-окружного суда летом 1908 г. по любопытному делу: на него напало несколько вооруженных „союзников“ (членов союза русского народа); защищаясь от них, он произвел выстрел, который никого не ранил. Он мне давал читать свой обвинительный акт, в котором его вина формулировалась так: „желая скрыться от них, с целью лишить их жизни, произвел выстрел“.

Режим в тюрьме был довольно свободный. Существовали старосты, подстаросты, несколько библиотекарей, переплетчики — и все они были „открыты“, т. е. могли разгуливать по всей тюрьме. Прогулки были общие, гулял сразу целый этаж. Питание было очень плохое, на обед давалась мутная, плохо пахнущая, вода, но было разрешено иметь керосинки, на которых мы сами себе готовили обед.

Тюрьма имела крестообразный вид. В левом крыле сидели подследственные политические, в правом — каторжники и смертники, в двух

других крылах — уголовные. Подследственных политических было 200 — 300 чел. Приблизительно раз в неделю производили поголовный обыск всей тюрьмы. В тюрьме издавалось два рукописных журнала. Один из них редактировался Яковом Зильберштейном (студ. с. - р.) — хлесткий, остроумный, талантливый — отражал исключительно жизнь тюрьмы. Второй журнал издавался Корнелием Тиссенем.

В подследственном отделении я сидел некоторое время в одной камере (№ 515) с Штейнфинкелем (ныне Наркомфин Владимиром), затем с Роговиным (студент, по делу военной организации). Там же сидел тогда присяжн. поверен. Хмельницкий, ныне заведывающий Истпартом в Одессе. Его сын, впоследствии Наркомюст Украины, а тогда юноша — студент 1 - го курса, был членом нашей военной организации.

Военно - полевые суды в это время (конец 1907, начало 1908 г.) были отменены Гос. Думой, но зато усиленно работали военно - окружные суды, которые за принадлежность к партии давали от 4 до 6-ти лет каторжных работ, но иногда понижали наказание до ссылки в Сибирь без срока, с лишением прав („поселенцы“), или повышали наказание до 8 лет каторги. За вооруженное восстание или за экспроприации обыкновенно присуждали к смертной казни.

Суд совершался следующим образом. Сажали нас в „карету“ — ящик с решетками на колесах и, как диких зверей, везли, под усиленной охраной конных стражников или казаков, через весь город на Софиевскую улицу, в военно - окружной суд. Обстановка суда была торжественная. На возвышении, за покрытым красным сукном столом сидел суд в полной парадной форме: председатель суда — генерал (военный юрист) и четыре полковника. Справа отдельно сидел прокурор (военный), слева — секретарь. Подсудимые сидели за загородкой, а перед ними, в первом ряду, защитники. Постоянными защитниками во всех политических процессах того времени в военно - окружном суде были: Гроссман, Цвилин, Хмельницкий, Левицкий, Либерман, Тиктин, Ратнер и другие, которые могут рассказать много интересного о деятельности Одесского военного суда той эпохи.

После суда нас перевели в каторжное отделение.

Каторжное отделение было отделено от остальной тюрьмы стеной и представляло собой особый замкнутый мир. Из этого гроба люди выходили только на смертную казнь или уходили этапом в Сибирь. Каторжан было около 300 человек. Число смертников постоянно менялось: то их было 5 — 6, то число их возрастало до двух десятков. Часть повесят, частью заменят казнь бессрочной каторгой — и число уменьшается, приведут из суда новых — число их увеличивается. Сидели смертники на первом этаже, окнами к улице. Когда первого этажа не хватило, смертников сажали на второй этаж с той же стороны. Таким образом, сидя в первом этаже, я постоянно встречался

со смертниками, они гуляли у моих окон — мы с ними часто разговаривали. Здесь мне пришлось видеть самых известных экспроприаторов того времени: Короткова, Сулиму, Кулешова. Из каторжан не меньше трети были солдаты и матросы за восстание и принадлежность к организации. Из с.-д. на каторге тогда были: Черкунов, бывший офицер, крупный организатор, руководитель крестьянской с.-д. организации Херсонской губернии, Кофф по тому же делу. Зарницкий — вольноопределяющийся, Андрей Поляков, большевик — секретарь Одесского Комитета, Корнелий Тиссен, Ройтман (за военную организацию в Одессе), Сиренов, с.-д., невинно осужденный за экспроприацию. Из анархистов наиболее крупной фигурой был Кирилловский-Новомирский (ныне чл. Р. К. П.). Из с.-р. наиболее солидным был Хаит, затем Данский, Зильберштейн, Ефимов, Фишман. По другим делам там были: известный матрос Матюшенко, руководитель восстания на броненосце „Потемкин“ 1905 г., вскоре повешенный, и человек 15 грузинских с.-д., по делу „Гурийской республики“, во главе с ее „президентом“ (забыл его фамилию), привезенных в Одессу на крейсере и приговоренных здесь к каторге (на Кавказе их боялись судить).

Нужно сказать, что даже здесь, на каторге, отношение к нам наших постоянных надзирателей было очень хорошее. Некоторые камеры „настоящих“ политиков были постоянно открыты (т.-е. закрыты, но не заперты на замок), так что мы не только могли ходить друг к другу в гости и собираться вместе (Черкунов, Кофф, Зарницкий, Павлов, Поляков, Фельдман, Гросс, Тиссен), но мы, например, к себе в гости затаскивали даже смертников, когда их выпускали на уборку.

Из этого „мертвого дома“, от вечного звона кандалов и постоянного общения со смертниками мы, картамышевцы, были выпущены прямо на шумные улицы Одессы.

Произошло это совершенно неожиданно.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

„Дело об убийстве пристава Дельфинского“ было поручено следователю по особо-важным делам. Полиция всячески раздувала это дело, утверждая, будто было брошено несколько бомб. Действительно, в квартире жившего в том доме кровельщика полиция нашла „бомбу“ — жестянку, чем-то начиненную, — но потом оказалось, что это просто краска.

Следователь по особо-важным делам в течение десяти дней закончил следствие. Оказалось, что наше дело приняло неожиданно счастливый оборот. Следователь Вейто оказался знатоком своего дела: он обследовал во всех подробностях дом на Картамышевской улице, сфотографировал его, нанес на план, пересчитал и измерил все следы

от пуль и т. д. и в результате такого тщательного изучения оказалось: 1) пристав убит в затылок (со стороны городских), а не в лоб (с нашей стороны), 2) убит пулей из револьвера городских, 3) стреляли только городские — все следы пуль идут по направлению от них и ни одного следа пуль от нас. А так как при нас оружия не было найдено, то дело прекратили за недоказанностью. Мы избавились от виселицы. Но тогда нас предали суду за принадлежность к партии. И весной 1908 г. мы предстали перед Одесским военно-окружным судом, который приговорил двоих к каторге (Полякова и Портненко), троих к ссылке на вечное поселение, с лишением прав (Тиссен, Бутанков, Белопольский), остальных к году крепости. Это при полном отсутствии всяких улик... Нас переодели в арестантское платье и посадили в каторжное отделение. Там сидели мы среди каторжан и смертников. Но прокурору показалось мало и он подал кассацию. Главный военный суд передал дело на новое рассмотрение. Теперь меньше чем по 6 лет каторжных работ нечего было ждать, но снова счастливая случайность пришла к нам на помощь.

В то время даже в военно-окружных судах попадались следы пронесшегося революционного вихря, так, напр., в Екатеринославе в 1905 г. военный судья, барон Франк фон-Фелицер произносил на митингах революционные речи, и сам попал в тюрьму и под суд. В Одессе председатель суда, генерал Корево оправдывал эсдеков даже при явных уликах (так, он оправдал весной 1907 г. Одесский комитет Р. С.-Д. Р. П.). Такой же председатель суда попался и нам — генерал Огонь-Догановский. Оправдать нас он боялся. Тогда он выкинул такую штуку — мы обвинялись в принадлежности к партии, а он нас приговорил по 132 ст. за порчу телеграфных столбов и вторжение в чужое помещение — к году крепости. Так как срок наказания считался с первого приговора, а мы просидели полтора года, то нас и выпустили прямо из каторжной тюрьмы на волю, и мы вернулись из могилы к жизни и революционной борьбе.

В. БУШУЕВ

„Киевская громада“¹⁾

(Из истории украинского общественного движения 60 - х г.г.)

В истории украинского общественного движения Киев, безусловно, играл огромную роль. Большой культурный центр, центр экономической жизни Правобережья и соседних левобережных районов, Киев уже с самого начала XIX века обладал необходимыми условиями для того, чтобы в нем находились также центры общественной и революционной работы. Польские масонские ложи, польские политические общества, осколки декабристских организаций, наконец, первое украинское политическое общество Кирилло - Мефодиевцев, — вот конкретные формы, в которых кристаллизовалась политическая мысль в Киеве. В различные времена выдвигались на первый план различные политические задачи. Но, несмотря на это, совершенно ясно протягивается нить идейной связи от масонской ложи Об'единенных славян (1818 г.) через Южное Общество к демократическим польским группам и к республиканско - панславистскому кружку 1847 года.

История политической борьбы на Украине приобретает в различные времена различную национальную окраску в зависимости от классов, какие ведут эту борьбу. До начала 60 - х годов в политической борьбе на Правобережьи руководителем являлся помещичий класс, который был по национальности польским или полонизированным и своей задачей считал борьбу с российским самодержавием. Во второй половине XIX столетия феодально - аристократические тенденции, какие преобладали в революции 1830 — 31 годов, начинают сходить на нет и сменяться буржуазно - демократическими течениями в связи с тем, что на

---

1) Настоящая статья, посвященная истории украинской либеральной мысли, по теме своей не совсем подходит к задачам, которые себе ставит „Летопись Революции“.

Но редакция считает, что понимание своеобразного характера украинской революции невозможно без ознакомления с историей украинской общественности и потому решила уделять на страницах „Летописи Революции“ некоторое место для выяснения основных моментов в развитии украинских национальных идей и украинских политических организаций, даже тех, которые не имели революционного характера. Прим. ред.

политическую арену выходят на смену феодалам широкие интеллигентские круги, черпающие свои пополнения из среды разночинцев — это так называемые „официалисты“ помещичьих имений и либеральное студенчество. На протяжении первой половины XIX века гегемония поляков в движении прерывается только в 1825 году движением в кругах пришлого российского офицерства и в 1847 году организацией украинской демократически - настроенной интеллигенции.

Можно с полной уверенностью сказать, что общественное движение 60 - х годов было продолжением того, о чем мечтали и чего не сделали члены Кирилло - Мефодиевского общества. Широкая программа, которая намечена была Кирилло - Мефодиевцами, оборвалась в самом начале их деятельности. Члены первого тайного украинского общества не вышли за грань теоретических обсуждений и в практической жизни не сделали ничего. Шестидесятники должны были продолжить их работу, должны были из утопических проектов вылущить жизненное содержание. Конечно, изменения в социально - политических условиях отразились на идеологических концепциях 60 годов. Общественные работники 40 - х годов были отрезаны от массы, они работали в атмосфере совершенно изолированной, они искали связи с народом через книжку, воззвание, но еще не имели этих связей.

Шестидесятники же, вместо „крепкого, как скала“ крепостного уклада жизни, имеют перед собою уже „временно - обязанных“ крестьян, которые выступают как организованное общество, а не как немые и скованные рабы помещика. Между двумя классами помещиков и крестьян за это время ясно вырисовывается, как активная общественная сила, деклассированная интеллигенция, сыновья обедневших помещиков, разночинцы. И мечтательный идеализм людей сороковых годов, их славянофильство и мессианизм, спустя двадцать лет, превращается в ясную буржуазно - демократическую идеологию.

В эволюции общественной мысли от 40 - х до 60 - х годов замечается упадок политических идей и выдвигание на первый план культурничества, этнографизма. В то время, как в России политическая мысль в 60 - х годах укрепляется и претворяется в революционные идеи, на Украине мы видим сгущение революционных настроений только в польских кругах. Украинские же круги не настаивают даже на тех политических требованиях и лозунгах, которые были поставлены на очередь еще в 1847 году (Кирилло - Мефодиевским обществом). Политические стремления новой буржуазно - демократической интеллигенции на Украине очень неясны. Отбросив лозунги борьбы с самодержавным строем, украинская интеллигенция очень охотно пошла на работу в ряды российского чиновничества и этим самым уже совсем закрыла и даже потеряла свое политическое лицо.

Украинские общественные деятели начинают группироваться в так называемые „громады“. В 60 годах из них наиболее известны

„Петербургская громада“, собиравшаяся в квартире Ф. И. Черненка ¹⁾ и „Черниговская громада“, объединившаяся вокруг известного этнографа С. Д. Носа, замешанного в политическое дело 60-х годов Андрущенко ²⁾).

Объединение в громады имеет, уже по своему названию, нечто общее с обществами крестьян и построена на определенном территориальном признаке.

Такие объединения, с другой стороны, напоминают земляческие объединения студентов и нет никакого сомнения, что именно от этих студенческих организаций ведет свое начало тот нелегальный украинский кружок в Киеве, который получил название „Громады“ или „Старой Громады“, в отличие от позднейших таких же нелегальных объединений.

Говоря об этих студенческих земляческих группировках, из недр которых родилась „Старая Громада“, мы имеем в виду польские студенческие гмины, нелегальные студенческие организации, непризнанные никакими правилами и официальными уставами, но работавшие широко и довольно открыто.

Интересно отметить, что в кругах польского студенчества слово „громада“ в измененной форме употреблено было в заглавии одного общественного сборника, вышедшего из среды демократически-настроенного студенчества в 1858 г. в Киеве. Сборник был издан кружком студентов для получения средств на отправление товарищей за границу; сборник носил название „Pisma urywkowe wierszem i proza Józefa Prospera Gromadzkiego (отрывки в прозе и стихах Иосифа Проспера Громадского). И под этим последним именем надо было понимать коллективный псевдоним студенческого кружка, объединенного определенными научно-общественными интересами. Студенческая среда, которая создала оригинальный тип землячества середины XIX века — гмины, употребила этот термин „громада“ для обозначения коллективной работы передовой своей группы. Произведения этого мифического Громадского представляли собой чрезвычайно интересное, по тем временам, явление. Принадлежность книжки студенческим группам выяснялась уже с первых страниц. Ее инкогнито слегка раскрывалось в эпиграфе: *Z haslem wiary i ofjary. Dalej naprzód — w swiat* ³⁾ (С лозунгом веры и жертвы. Далее вперед — в свет), потому что это были последние строки любимой польской студенческой песни: „Dalej bracia, w jedno kolo“ — „Дальше, братья, в один круг“.

¹⁾ З. Недобровский. „Мои воспоминания“. „Киевская Старина“, 1893, кн. 2, стр. 195.

²⁾ Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. Под ред. Базилевского, стр. 126 — 128.

³⁾ *Pisma urywkowe wierszem i prozie Józefa Prospera Gromadzkiego. Wydall Antoni Syroczyński, Kijów 1853.*

В предисловии ¹⁾ к сочинениям Громадского автор главным образом выступал против мещанства в общественной жизни и в некоторых местах проводил „хлопоманские“ (народнические) тенденции, особенно там, где речь шла о воспитании, какое дают своим детям обыватели на Украине.

„Они делают все, — говорилось в предисловии, — чтобы оторвать детей от народа, и рядом вырастает два класса под одним и тем же солнцем, на одном и том же хлебе, в одном и том же селе, но совершенно разные, без всякой возможности какого бы то ни было примирения“ ²⁾.

Среди стихотворений этого сборника находим стихи с характерным признаком народолюбства и украинолюбства: „Дитка“, „Воинскому лирнику“, „Вздохи в степи“, „Украинки“.

Наконец, чрезвычайно характерной по теме является центральная статья сборника: Uwagi nad znaczeniem prowincjonalizmów w dziejach Polski (Мысли о значении провинциализмов в истории Польши), которая принадлежала, как теперь известно ³⁾, ставшему впоследствии крупным польским историком, Александру Яблоновскому, товарищу по университету Владимира Антоновича.

Таким образом, весь этот сборник сочинений Громадского мы можем считать проявлением работы определенного кружка студенчества и результатом той эволюции, какую проделали некоторые круги студенчества от первых польских студенческих объединений — гмин, к таким кружкам, как „хлопоманский“, из которого дальнейшей эволюцией выделилась „Украинская Громада“. Весь этот процесс происходил в конце 50-х и начале 60-х годов.

Гмин в Киевском университете в конце 50-х годов было пять: Коронарская, Литовская, Украинская (т. е. Киевская), Волинская, Подольская, по количеству тех главных территорий, представители которых составляли большую часть студенчества.

Гмины эти охватывали почти исключительно польскую молодежь. „С русскими, как признается автор одних воспоминаний того времени, поляки не имели никаких других сношений, кроме официальных в делах, которые касались всей массы студенчества“. Русских и украинцев в Университете было очень мало; к тому же образ их жизни, взгляды и убеждения были такими далекими от образа жизни и мировоззрения поляков, что ближайшие сношения между теми и другими, по выражению автора — поляка, были „просто

¹⁾ См. об этой песне у М. Dubieckiego „Młodzież polska w uniwersytecie Kiewskim pizead vokiem“ 1863 — 1909, стр. 75.

²⁾ Pisma Gromadzkiego.

³⁾ Dr. Marcei Nalecz-Dobrowski Alexander Jablonowski Zarys Zywotu; przyglzedz dziet 1829 — 1913 Warszawa 1913 г.

(Др. Марсени Налеч.-Добровский и Александр Яблоновский „Очерк жизни и обзор деятельности“).

невозможны¹⁾. „Студенты — малороссияне, свидетельствует другой современник, чуждаются поляков, а последние малороссиян, и усилия некоторых профессоров сблизить их остаются безуспешными“²⁾.

Поэтому ни русские, ни украинцы, может быть, за очень редкими исключениями, не входили в гмины.

Совокупность гмин составляли „одна“ — „громаду“, корпорацию. Каждая из пяти гмин делилась на более мелкие группы, секции, которые объединяли своих членов по гимназиям.

Гмины, как форма организации студенчества, укрепились особенно в начале 60-х годов. Этому больше всего способствовало появление среди студентов-поляков с Украины в значительно большем количестве, чем раньше уроженцев Польши, которых называли „коронярами“ (от слова Корона — Царство польское). Короняры не только составляли особую гмину, но и держали себя как-то в стороне на различных студенческих собраниях и так называемых „кнайпах“ (вечеринках), они немного свысока посматривали на демократические ухватки студентов с Украины (Киева) и Волыни. В особе короняра была воплощена наибольшая чистота польской дворянской политической мысли, они все были завзятыми патриотами, которые мечтали лишь о возрождении старого польского государства. Короняры претендовали на первую роль в студенческой среде, поэтому в других гминах их не любили и на общих собраниях и кнайпах, где бывали студенты различных гмин, короняры часто получали решительный отпор со стороны демократических слоев польского студенчества.

Каждая гмина выбирала своего представителя, а собрание всех представителей гмин составляло комитет, который руководил всею студенческой массой. Каждый из членов гмины делал взносы³⁾. Гмина имела свое помещение, где собирались ее члены на так называемые кнайпы, гмины устраивали свои библиотеки, столовые и, главным образом, имели в виду моральную и материальную поддержку товарищей. Постепенно в жизнь гмин внесены были и политические настроения, которые пока что не проявлялись резко. Это национально-политический элемент создали короняры, и он понемногу передался и другим гминам⁴⁾.

Гмины сносились с другими университетами и с бывшими студентами, которые уже кончили университетскую науку и жили обывателями в разных местах и селах края.

1) Wydawnictwo materialow do History Powstania 1863 — 64 r. T. IV str. 121.

Издание материалов к истории восстания 1863 — 64 г.г. т. IV „Воспоминания о временах молодости“.

2) Показания бывш. студ. Киевского университета поручика Младовского перед Виленской следственной Комиссией.

3) Б. Познанский. Воспоминания укр. жизни 1913 г., т. 2, стр. 17.

4) Wydawnictwo materialow. т. IV, стр. 9.

Рост и развитие киевской гмины падает на 1858—1860 г.г. Гмина год за годом приобретает все более серьезное общественное значение. Выпуская своих членов по окончании университета, гмины поддерживали с ними связи и, таким образом, авторитет свой и значение распространяли и за пределы университетской корпорации. Об этом авторитете особенно заботились коронары, которые в важных и ответственных случаях непременно созывали общие собрания членов всех гмин. Так было, например, в одном студенческом деле, о котором вспоминает известный украинский народник Борис Познанский¹⁾.

Это было дело одного из студентов киевского университета, Тита Далькевича, который, проезжая по Белоруссии, завел разговор с крестьянами одного крепостника-помещика и, узнав о страшной эксплуатации им своих крепостных, посоветовал крестьянам: „А вы б его так“—и провел рукой по горлу. За подговор крестьян к насилию, направленному против помещика, Далькевич своими же товарищами был отдан под суд общего собрания всех гмин, и коронары особенно настаивали на том, чтобы авторитет студента среди обывателей был очищен от таких пятен, какие на имя и достоинство студента наложил Далькевич. Этот факт чрезвычайно характерен для классовой психологии членов коронарской гмины, как и тот отпор, какой дали коронарам некоторые студенты киевской гмины („Украинской“ по тогдашней терминологии, хотя она была насквозь польской), уже оторвавшиеся от своей среды, вышедшие на иной путь и посмотревшие на всю историю Далькевича не с точки зрения помещика, а с точки зрения угнетенного крестьянства.

Марьян Дубецкий, современник всех этих событий, тоже приводит любопытный пример того уважения, с каким относились обыватели к авторитету студенческой корпорации. Так, какой-то официалист (г.-е. служащий в помещичьем имении), обедневший дворянин или разночинец, хотел передать на суд киевского студенчества свои денежные счета с магнатом, в имении которого он служил. И магнат, чтоб не подвергаться студенческому суду, предпочел удовлетворить претензии официалиста.

Во всех этих фактах студенческая корпорация, об'единенная по гминам, выступает как цельная, спаянная масса.

Гмины обращают на себя внимание и администрации; так как они имели широкую известность в обывательской среде, то неудивительно, что об их существовании очень скоро узнает III Отделение Собственной Е. В. Канцелярии. На основании какого-то перехваченного частного письма, III Отделение запрашивает об этой организации у киевских властей.

В перехваченном письме мы находим жалобы на то, что студенты мало интересуются политическими делами и работой „в польском

¹⁾ Укр. жизнь. 1913 г. № 2.

народном духе“, вместе с тем, отмечается цель гмин — работать на пользу польской политической идеи всеми средствами. Из других источников мы знаем, что гмины содержали нелегальную польскую библиотеку, преимущественно из заграничных книжек, и, действительно, политическую агитацию вели всеми возможными способами.

Автор „Воспоминаний дней молодости“¹⁾ рисует нам картину, как из польских гминных организаций постепенно начинает создаваться украинская организация.

Из трех гмин, которые охватывали территорию правобережной Украины в ее этнографических пределах, мало-по-малу выделяются отдельные студенты, которые начинают жизнь нового небольшого кружка, во главе которого становится яркая и своеобразная фигура Владимира Антоновича.

Борис Познанский связывает эти первые шаги нового кружка с той уже отмеченной историей Тита Далькевича, которая остро и всесторонне обсуждалась на собрании всех гмин и которая, собственно, и послужила яблоком раздора.

„Не могу припомнить, — говорит Познанский, — скоро ли после этого, но случилось нам говорить об общем собрании. Антонович тогда истолковал нам обстоятельно все дело: он-то и выяснил, что цель „коронярей“ заключалась вовсе не в осуждении выходки Далькевича вообще, а в восстановлении литвинов (белоруссов) против поляков. Не все мы в суете прений на сходке успели разобраться и только уразумели сущность дела по толкованию Антоновича, сразу понявшего дух домогательства коронярей. Рыльский в этот раз еще повторил, что следует идти за своим народом“.

Через некоторое время у Федора Панченка, одного из основоположников „Громады“ — тогда студента-медика — состоялось немногочисленное собрание, на котором обсуждались вопросы национального характера, которые для тогдашней Украины приобретали и вполне определенное социальное значение. Антонович доказывал, что жить среди украинского населения и не слиться с ним, не проникнуться его интересами, значит „быть дармоедом, паразитом“.

Вопрос ставился в плоскости социальной, а отнюдь не национальной, ибо сам Антонович и другие члены этого собрания, за очень незначительными исключениями, были поляками, но видели, что поддержка польской идеи на Украине является поддержкой эксплуатирующего класса. Наоборот, переход демократических студенческих кругов на сторону украинского народа знаменует собою переход на сторону трудящегося закрепощенного люда. Такое, именно, содержание вкладывалось в те заявления, какие были сделаны единомышленниками Антоновича на общем собрании всех гмин по делу Далькевича.

¹⁾ Wydawnictwo Mat. т. IV. стр. 121.

На собрании у Панченка, кроме упоминавшихся уже, присутствовали еще Викентий Василевский и Готфрид Пржедпельский, и присоединение этих двух студентов к кружку хлопоманов означало распространение хлопоманской идеи среди польского демократического студенчества.

Большинство членов нового кружка были поляками или полонизированными украинцами из всех трех гмин Правобережной Украины и, конечно, среди них не было ни одного короляра.

Внешним признаком выделения из гмин нового нелегального кружка была замена польского костюма простой крестьянской свиткой из домотканного сукна и замена польского языка украинским.

Хлопоманский кружок был только переходною формою от гмины к Украинской Громаде. Эта переходная стадия и, особенно, самый момент организации Громады — самое темное место в истории украинского общественного движения 60-х годов.

Про этот момент начинали свои рассказы в печати В. Антонович¹⁾, К. Михальчук²⁾, Б. Познанский³⁾, М. Драгоманов⁴⁾, А. Русов⁵⁾, но их рассказы или не доведены до конца, или не дают конкретного и ясного материала для выяснения истории самого начала Громады.

Наиболее интересным свидетельством для нас было бы свидетельство В. Антоновича, который с первых же шагов Громады выделялся как руководитель. Но в тех воспоминаниях его, какие уже появились в печати, мы не находим почти ничего для выяснения важного для нас вопроса. Несмотря на название одной из глав — „Початок української Громади“, воспоминания эти, собственно говоря, не дают материала для освещения самого формирования и первых шагов „Громады“.

Яснее рассказано про этот переходной момент в ненапечатанной части воспоминаний Антоновича, которые сохраняются в рукописи в семье Антоновичей⁶⁾. „Было ясно, — читаем там, — что культурное направление какое мы (поляки - украинцы) развивали, не удержит большинства и, так или иначе, может запутать нас в инсurreкцию. Собравшись тесным кружком, мы предложили выбрать одно из двух: или оставаться дальше при своей работе и в таком случае выписаться из гмины и основать свою — действительно - таки украинскую — Громаду; или, кому трудно сделать этот решительный шаг, остаться в гмине

1) В. Антонович. Автобіографічні записки. Початок Української Громади. Літер.-Наук. Вістник 1908 р., кн. 9, стор. 406 — 408.

2) Михальчук. Из украинского былого. Укр. Жизнь 1914 г. № 8 — 10, стр. 70 — 85.

3) Б. Познанский. Воспоминания. Укр. Жизнь 1913 г. № 3, 4 и 5.

4) М. Драгоманов. Австроруські спомини.

5) А. Русов. Как я стал членом Громады. Укр. Жизнь 1913 г. № 10.

6) Теперь этот неизданный отрывок печатается в „Украине“ 1924 г. Киев. № 1.

и разорвать с нами связи. На собрании нашего кружка 15 человек решили выйти из польской корпорации. Из них припомню несколько человек, которые до конца жизни остались верными украинской идее. Это были Рыльский, Познанский, Михальчук, Баковецкий и еще некоторые другие, которые или умерли раньше, или я потерял их следы“.

Формирование Громады из этого переходного кружка падает, по всей вероятности, на самое начало 1861 г., и связано больше всего с пополнением состава Хлопоманского кружка левобережцами. Среди студентов киевского университета мы видим уже П. Чубинского, братьев Синегубов, И. Касьяненко и М. Драгоманова.

Возможно, что мысль о создании чего-то подобного „Киевской Громаде“ возникла раньше и даже в двух различных кругах — среди украинской гмины, с одной стороны (правобережцы - киевляне), и среди левобережцев — с другой. Нас заставляет признать этот факт участие в общественной работе как тех, так и других до 1861 года. Это так называемые воскресные школы, из которых одна — Подольская — была ареною деятельности, главным образом, левобережцев, между прочим, и Драгоманова; а в другой — Новостроенской — сосредоточена была работа товарищей Антоновича — правобережцев.

На этой общей работе, вероятно, состоялись первые встречи украинцев - поляков с полтавцами и черниговцами; возможно, что тут и зародилась первая мысль об объединении.

Во всяком случае, левобережцы встретились с уже целиком сформированным кружком „хлопоманов“, и их присоединение к хлопоманам могло оформиться так, около 1861 г.

Эту дату, 1861 год, приводит и автор „Воспоминаний дней молодости“, говоря, что Антонович в 1861 г. разорвал свои отношения с польским движением и товарищами, основав отдельно польско - украинское общество „Громаду“¹⁾.

И в официальных документах упоминание об украинской „Громаде“ в Киеве находим тоже лишь в этом году. Они до известной степени фантастичны, но мы приводим их, как характерные современные свидетельства. „В России, — читаем мы в этом документе²⁾ — существует особое общество малороссов, пропитанных духом какого-то патриотизма, общество это имеет повсеместно своих последователей, и университеты, Киевский и Харьковский, служат главными проводниками и распространителями идей о возможности восстановления Малороссии. Так, в Киевском Университете образовалось общество малороссов под названием „Украинская Громада“. Это молодые и пылкие вольнодумцы, употребляющие все усилия к осуществлению

¹⁾ Wyd. materialów. t IV. I, стр. 128.

²⁾ Рапорт Каневского исправника Котлярова и чиновника особых поручений Скрипцова от 12 мая 1861 г.

лелеемой ими мысли о свободе Малороссии и старающиеся сблизаться с простым народом, научать его грамоте и постепенно внушать ему мысли о бывшей славе Малороссии и о прелестях свободы, с той именно целью, дабы впоследствии, когда умы простого народа покоятся их влиянию, действовать во вред монархии. С этою - то целью, сколько известно, издается малороссийский журнал „Основа“, рассылаются пропаганды (!) на малороссийском языке, пишется история Украины, и существует в Киевском Университете ежедневная народная школа, и с этою же целью выезжают молодые люди в разные местности Малороссии и Украины“.

В первых числах мая 1861 г. через Киев провезли гроб Шевченка к месту погребения возле Канева. Хлопоманский кружок и левобережцы - украинцы, приняли участие в этих похоронах. Совместное участие их на похоронах было, очевидно, первым общим выступлением только что организовавшейся Громады.

Гробу Шевченка была устроена встреча в Киеве, и на мосту через Днепр, при встрече похоронной процессии, говорили речи первые члены Громады — Антонович и Стоянов.

II

Внутреннюю жизнь Громады на первых шагах ее работы рисует нам одно политическое дело 1863 года, в котором было замешано несколько членов Громады.

Это было дело Владимира Синегуба, младшего из всех братьев Синегубов, тогда еще гимназиста. Его обвиняли в различных революционных поступках, и сам он был виноват в том, что дело осложнилось: легкомысленный юнец наговорил на себя всякой небывальщины, выдал себя за члена какого - то несуществующего революционного комитета, признавался в „преступных сношениях“ с полковником Красовским и запутал в это раздутое и фантастическое дело В. Антоновича, Курлюка и еще целый ряд украинцев.

Про украинскую Громаду В. Синегуб, между прочим, дал такое довольно хаотическое показание: „Ввел меня в Громаду, или малороссийское общество изучения народного быта, языка и обычаев, кандидат университета св. Владимира, Владимир Антонович. Убеждение этой Громады есть то, что два народа — русский и малороссийский — слились воедино, что Малороссия, по этому самому слиянию, никогда не должна и думать о своей самостоятельности. Я, как ученик Красовского, совершенно расходился с нею и потому только участвовал в ней, что знал хорошо малороссийскую народность. Они — громадяне — не подозревали во мне такого страшного злодея, иначе они выдали бы меня давно в руки правосудного правительства. Главными занятиями членов Громады был выпуск книжек „Де - що про світ божий“, которые печатаются в типографии Минятова в Киеве; составляют еще

украинско-русский словарь, слова которого собраны и лежат у кандидата Университета св. Владимира, Александра Стоянова. Многие из этого общества учителями в Педагогической школе в Киеве. Передовыми членами этого общества: Антонович, Стоянов, ученик землемерской школы в Киеве — Каленик, Шевченко и студент Курлюк“.

Несмотря на запутанность этого показания Синегуба, тут правильно отмечены и политическая умеренность взглядов Громады, и ее покорность „начальству“, и основное направление ее работ: культурная деятельность, издание книг, составление словаря.

Несмотря на эту характеристику Синегуба, упомянутые в его показаниях Курлюк и Антонович были притянуты к допросу. Василий Курлюк, родом из Зеньковского уезда, появился в Киеве только в 1862 году, был офицерским сыном, учился несколько лет в Кадетском Корпусе в Полтаве, вышел из третьего класса „по домашним обстоятельствам“.

„О малороссийской Громаде, — сказал он на допросах, — как о кружке известной симпатичной мне деятельности, услышал в кругу университетской молодежи тотчас по приезде моем в Киев: тогда со стороны передовых хлопманов (слово польское, происходит от хлоп) был протест против панских, преимущественно польских, угнетателей крестьянского сословия; эта идея показалась мне правой, и я, читая предварительно в „Основе“ заявления Антоновича и прочих, желал сблизиться с людьми, занимающимися таким честным, по моему мнению, делом.

Это было нетрудно: в так называемую Малороссийскую Громаду, как в общество, хотя и не известное правительству, но не имеющее никакой организации и даже не скрывающееся втайне, имел право входить всякий, кого интересовал этот или какие бы то ни было вопросы, касающиеся украинского народа.

В первый раз, когда я явился между молодежью, составлявшею Громаду, зимою 1862 года, решали дело о протесте против запрещения служить панихиду по Шевченке людям, чтущим его талант; дело тогда решили большинством голосов, что протест, как противоположительственный, должен быть уничтожен.

Знакомясь более и более с Громадой, я выработал о ней следующее убеждение: этот кружок имел целью помогать крестьянскому сословию и, вообще, простонародию к достижению истинного улучшения его быта; средством для этого была избрана грамотность“.

Курлюк связывает происхождение Громады с воскресными школами и подчеркивает, что Громада не имела характера какой-то закрытой организации, работала над изданием книг и собиралась редко.

Показания Антоновича могли бы целиком раскрыть нам внутреннюю организацию Громады, но, к сожалению, показания эти давались перед следственной комиссией, были сдержанными и держались в границах

тех фактов, которые уже раскрыли Вл. Синегуб и Пилипенко, другой участник дела.

„Собрания, писал Антонович, указанные (Синегубом) под названием Громады, существовали действительно около двух лет—в 1861 и 1862 г.г.

Собрания эти имели целью: изучение края в этнографическом, юридическом и географическом отношениях, для чего были составлены разными лицами и напечатаны с дозволения цензуры программы: 1) для группировки этнографических сведений, 2) для группировки сведений по обычному праву, 3) для собирания сведений географических.

Ответы на эти программы собирались людьми, живущими в разных местностях как знакомыми с составителями программ, так и незнакомыми, и печатались в разных периодических изданиях: „Основе“, „Киевских“ и „Черниговских губернских ведомостях“, „Черниговском листке“ и т. п.

Юридическая программа составлена была кандидатом юридических наук Чубинским, другие — не помню кем.

Кроме изучения края, занимались изданием учебников для народа: на собраниях так называемой „Громады“ рассматривались, читались и поправлялись рукописи разных лиц, подготовленные к печати.

Из них были изданы: таблицы для первоначального чтения, составленные студентом Горяковским; арифметика популярная; физическая география — под заглавием „Де-що про світ божий“, составленная в виде сборника из статей, писанных разными лицами; „Басни Глебова“. Обе последние книжки изданы под редакцией кандидата историко-филологического факультета Стоянова. Все книжки изданы с дозволения цензуры.

Кроме того, имелось в виду: составление полного сборника малороссийских песен, составление малороссийского словаря, составление учебника по географии и т. д., но, по различным обстоятельствам, намерения эти не были приведены в исполнение. Сходки происходили таким образом, что каждый, желавший заняться известным предметом, или составивший рукопись (программу, учебник и т. д.), сзывал своих знакомых и предлагал им заняться поправками или оценкою его сочинения или совместным начертанием плана для занятий; на сходки эти могли заходить все люди, занимавшиеся или интересующиеся данным предметом. Потом из людей более сведущих и желающих принять участие составлялась редакция для данной книги из нескольких человек, которая и занималась редактированием — выправкой содержания и языка.

Сходки эти происходили тогда, когда было для них занятие, не бывали никогда многочисленнее 20 — 30 лиц. И, смотря по предмету занятий, лица менялись, так как для обсуждения каждой книжки сходились те люди, к занятиям и вкусу которых рассматриваемый предмет более подходил. Числа участвующих в этих сходках и перечисления лиц, в них участвовавших, потому дать невозможно.

При издании книги, составлялась обыкновенно складчина и деньги вручались кому-нибудь, по большей части, автору или составителю, который и брал на себя хлопоты по изданию. Вероятно, под названием скарбника разумел Пилипенко, рассказывающий по наслышке эти факты, то лицо, которому складчина вверялась.

На сходках, кроме вопросов научно-литературных и педагогических, никаких других вопросов никогда не подымали; если высказывались мнения, выходящие из круга частных вопросов, и если бы можно сгруппировать эти мнения в один итог, то их бы можно было привести к таким общим результатам: большая часть людей была уверена в общественной пользе народного образования, большая часть людей считала своей нравственной обязанностью способствовать по-сильно этому образованию. Общее мнение было в пользу того, что образование народное в здешнем краю пойдет скорее и успешнее, если будет поведено на малороссийском языке, как на более удобопонятном для народа здешнего“.

Вот, собственно говоря, и все свидетельства, какие мы имеем о первоначальных шагах Киевской Громады от ее первых членов. Она вышла из гминной организации и, оторвавшись от гмины в то время, когда гмины приняли самое активное участие в политике, центр тяжести перенесла с политики на культурничество и, несмотря на то, что с первых и до последних дней своих могла она существовать только, как нелегальная организация, она в политических своих взглядах была крайне умеренна, вернее — ни в чем не проявила, нигде не объявила своей политической программы; это дало повод упрекать общественных деятелей 60-х годов в аполитизме¹⁾. Мы можем все-таки предположить, что украинские шестидесятники молчаливо допускали (!) по крайней мере, до 1863 года, требование политического освобождения Украины из тисков российского самодержавия и признание той республиканской федерации славянских народов, какая стояла перед глазами их предшественников, некоторых декабристов и Кирилло-Методиевцев.

---

¹⁾ Нужно различать между аполитизмом „Громады“ и аполитизмом русского общественного движения 60—70 годов. В последнем случае равнодушие к политическим формам объяснялось анархическим настроением народников, считавших основной и единственно важной социально-экономическую революцию, а политические права — нужными лишь буржуазии. В Киевской же Громаде аполитизм выражал крайнюю умеренность, узость программы, а может быть и трусость в отстаивании своих собственных интересов, свойственную вообще российскому буржуазному либерализму. Особенно характерна и, пожалуй, лицемерна „лояльность“ Громады в национальном вопросе. То „молчаливое“ допущение принципов политического и национального освобождения, о котором говорит далее автор статьи, доказывает верность нашей мысли о политической трусости этих крупнейших представителей украинской интеллигенции. Чего стоит партия, да еще полулегальная, скрывающая свои политические воззрения, так что о них приходится только догадываться? Прим. ред.

Ничем не обнаруживая своего политического лица, во время борьбы польского общества за свою волю, Киевская Громада после победы самодержавия, тем более опасалась: подвергнуть культурные начинания своего кружка ударам торжествующей реакции. 1863 год разбил жестоко и мечтания о чисто-культурной работе. Категорический тон Валуевского циркуляра с известным утверждением, что малороссийского языка не было, нет и не может быть, поставил точку на всех розовых надеждах украинских деятелей 60-х годов.

Трагедия украинца-шестидесятника, который начинал хождением в народ, а кончал службою в государственных учреждениях или затворничеством в своем имении, успокоившись на программе „малых дел, — трагедия эта заключалась еще и в том, что шестидесятники не опирались на какой-нибудь определенный класс, интересы которого они могли бы представлять. Эта оторванность не была такой полной и безнадежной, как отрезанность от массы Кирилло-Мефодиевцев, но программа, которую себе наметили шестидесятники, была слишком неясною и, с политической стороны, совершенно неконкретной. Для чего изучать народ? Куда повести его за собой? Единственно, что ясно было для Громады, это то, что не на поддержку польских стремлений. Члены Громады знали, что крестьяне хорошо усвоили себе истину: поляк на Украине — пан, а польское восстание — бунт панов против освобождения крестьян.

Идея нелегального украинского кружка была бы совершенно скомпрометированной в глазах этого народа, если бы шестидесятники взяли ту руку, которую им протягивали некоторые круги польского общества. Против глубокой враждебности крестьян к полякам не смогли сделать ничего ни „Золотая Грамота“, обещавшая от имени поляков освобождение, ни патетические воззвания и стихи, написанные на украинском языке и доказывавшие, что самым искренним другом крестьян являются поляки. Поднять крестьян на какое-нибудь политическое выступление можно было бы только гайдамацкими лозунгами, и поэтому-то так боялись польские круги всякого намека на проявления гайдамачины. Политически несознательная, темная крестьянская масса жила одной лишь ненавистью к своим непосредственным угнетателям — помещикам и была способна только на стихийный порыв.

Этой враждой к панам-полякам умело пользовалась российская власть, но ее совершенно не сумела использовать украинская либеральная интеллигенция, которая, откинувши политическую работу среди крестьянства, отрезала сама для себя возможность в дальнейшем и культурной работы среди них. Власть только до известного момента смотрела сквозь пальцы на „хождение в народ“ хлопомана, пока этот хлопоман противопоставлялся в ее глазах поляку, только и мечтавшему о восстании. А когда с восстанием было покончено,

го пришла очередь и хлопомана, несмотря на весь его аполитизм и лойяльное отношение к властям.

Уже в памятный год польского восстания реакционные круги русского общества на Украине били тревогу. Они усматривали в культурной работе Громады ту же опасность, какая тревожила власть со стороны польских кругов.

На Громаду, вообще на хлопоманов, начинает сыпаться ряд доносов со стороны добровольцев, частных людей и доносчиков по обязанности — представителей полиции и администрации.

В конце февраля 1863 г., шеф жандармов, кн. В. А. Долгоруков, получил анонимный донос, в котором было написано: „Из праха Шевченко выродилась целая шайка самых рьяных сепаратистов и ненавистников России.“

„Теперь главное гнездо их в Киеве, но некоторые из них составили группу около „Основы“, в которой всякая почти статья пахнет революцией и обособлением Малороссии. Эти люди привлекли к своей партии в Киеве и Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих.“

„Затея этих революционеров, теперь довольно невинная, рассчитывает на слишком широкие результаты, — начав обособлением языка, она метит на отделение Малой России от Великой и федерацию с Польшей; не имей на этих господ надежды поляки, они не повели бы так широко и так варварски своего настоящего дела.“

„В стремлении к своей цели сепаратисты - хлопоманы выбивались из сил, чтобы прибрать к своим рукам народное образование, навязать сельским школам свои возмутительные грамотки и учебники¹⁾, но увидев, что народ малорусский и духовенство оттолкнули от себя их непросимую услугу с негодованием, они затеяли дело сверху и состряпали следующее умозаклучение:

„Если нам удастся выхлопотать перевод св. писания на полупольское (!) наречие малоруссов, дело наше будет выиграно; затея наша, на первый взгляд, невинна и даже благородна, авось поймутся! Там уже к этому крепкому камню нетрудно будет пристроить обособление языка, потом жизни, потом национальности“.

Выступая от имени „благонамеренных малоруссов“, автор доноса подчеркивал, что синод сделал историческую ошибку, разрешив „нелогичный и затейливый“ перевод св. письма на украинский язык.

Автор доноса обращался к шефу жандармов с просьбой „защитить нашу святыню от поругания, а отечество от распадения и опасного раскола“. „Если моление наше, теперь одинокое — угрожал он наконец—

¹⁾ Вот как злобно толковались невинные культурнические начинания Громады — даже грамотки и учебники арифметики, разрешенные цензурой, оказались орудиями сепаратистской пропаганды. Трудно было угодить русской полиции.

не принесет... результатов, мы явимся с протестом нашим гласно, пред лицом всего русского мира“.

4 марта этот анонимный донос был переслан из III Отделения Киевскому генерал-губернатору „на усмотрение“.

Генерал-Губернатор Анненков ответил на это письмом кн. Долгорукову, в котором подробно остановился на всех тревожных местах доноса.

„Существование малороссийской партии, которая желала бы самостоятельного развития народной жизни, ни для кого не тайна,— писал генерал-губернатор— нельзя также отвергать, чтобы у некоторых крайних сторонников этой партии не было и мысли о сепаратизме; но полагать можно, что гнездо этой партии, если и находится где-либо, то не в одном только Киеве, а во многих местностях и даже в самом Петербурге. Чтобы приверженцы этой партии в Киеве составляли общество, организованное на положительных началах, мне по настоящее время в точности еще неизвестно. Мысль о федерации с Польшей едва ли может быть приписана сторонникам малороссийской партии, напротив, она стремится противодействовать латино-польской пропаганде.

Но при всем этом малороссийская партия возбуждает серьезное внимание, и действия ее должны быть подвергнуты бдительному наблюдению потому, в особенности, что теперь, как убеждают доходящие с разных сторон сведения, польская и малороссийская партия, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений, сходятся в средствах, ибо и поляки стали в воззваниях своих к простому народу тоже напоминать о прежней независимости Украины, о казачестве, и известный эмигрант Чайковский¹⁾, затевающий вторжение в здешние губернии, рассчитывает привлечь на свою сторону сельское население обещанием возвращения первых времен казачества“.

Рассматривая вопрос об издании книг на украинском языке, которое затевала, как мы видели, Громада, генерал-губернатор уверял, что крестьяне-украинцы понимают русский язык даже лучше, чем крестьяне некоторых великорусских губерний²⁾, и просил князя Долгорукова, „повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора положительное убеждение не только о бесполезности, но и о вреде“ изданий на украинском языке, и особенно св. писания, о котором шла речь в доносе. Мотивировалось это тем, что такие издания дали бы „сильное орудие малороссийской партии,— стремления которой, если и не согласны с стремлениями польских революционеров.

¹⁾ Михаил Чайковский (1804 — 1886), польский писатель, украинофил, известен попыткой возобновить казачество.

²⁾ „Здесьние простолудины, как я убедился, часто объясняясь с просителями, из всех управляемых мною губерний понимают по-русски едва ли не лучше жителей некоторых великорусских губерний, говорящих особым наречием“.

то, во всяком случае, едва ли не представляют также особой и сильной опасности для спокойствия в государстве“.

Так формулировалось теперь то обвинение украинской Громады в сепаратизме, какое в самом начале ее деятельности, в 1861 году, высказано было каневским исправником Котляровым и киевским чиновником Скрипцовым в их совместном рапорте.

Администрацию юго-западного края сбивало с толку то, что разница между политическими стремлениями поляков и культурническими задачами украинской Громады была явно велика, а вместе с тем все-таки и со стороны украинцев шла какая-то „пропаганда“, и генерал-губернатор Анненков не один раз сообщал кн. Долгорукову о политических воззваниях и стихах, написанных на украинском языке, о каких-то сношениях украинской партии с поляками и, что еще хуже, с обществом „Земля и Воля“ (дело Андрущенко в Чернигове).

В августе того же 1863 года, сообщая сведения о стихах на украинском языке, в которых высказывалось сочувствие Украины к Польше и которые ходили по рукам среди студентов Киевской Духовной Академии, генерал-губернатор писал, что влияние „крайней малороссийской партии на воспитанников Духовной Академии может сопровождаться особенно вредными последствиями, так как воспитанники академии предназначаются большей частью в священники и, следовательно, будут в близких отношениях с сельским населением и потому еще, что теперь, как кажется, крайняя малороссийская партия приобретает значительное развитие“.

Не зная, как бороться с этим явлением, Анненков обратился к шефу жандармов с интересной просьбой: „прислать сюда ловкого и верного агента, который мог бы, сблизившись с лицами, составляющими главных деятелей малороссийской партии, проследить пути, которыми она распространяет свою пропаганду, и связи этой партии здесь и в Малороссии, а также отношение ее к обществу „Земля и Воля“. Не ожидая посылки такого агента, Анненков в ноябре 1863 года послал частного пристава плоской части Киева Стафиевского на Полтавщину и Харьковщину, для наблюдения, как писал пристав, над „направлением умов, мнений и вообще желаний, по преимуществу, малороссийской нации в целом“. Положение украинского общества этот безграмотный агент Анненкова нашел в „наилучшем состоянии“. Преданность монарху и правительству непоколебима; ненависть к польскому элементу во всех слоях народности (понимай — крестьян) развита в высшей мере“. Однако, во время своего путешествия агент этот узнал, что в Киеве, Полтаве и Харькове существуют „тайные общества неблагонамеренных, кои не принадлежат исключительно малороссийской нации, но только как бы обхвачены наружно и прикрыты названием Громад, но в сущности суть ни что иное, как последователи

Искандера (Герцена) и, как можно предполагать, возрождение изменника Михайлова¹⁾.

Дальше Стафиевский дает общий очерк работы Громад в Полтаве, Харькове и Киеве, при чем сообщает на удивление фантастические факты, как будто специальной целью его было собирать нелепые слухи. „В Полтаве, — пишет он, — гнездо неблагонамеренных, руководимое г-жей Милорадович²⁾ и ее приближенными, слишком сжато и не уходит из глаз правительства, не менее того, по общей молве, там обращают на себя внимание: губернский предводитель дворянства Кованько,³⁾ единственно потому, что проезжая в свое имение постоянно перерягается в малороссийские национальные костюмы; агент и комиссар Кулиша Трунов⁴⁾, который по наружному взгляду обставлен превосходно умением привлекать публику: он управляет книжным магазином Кулиша, и учитель истории Пильчиков⁵⁾, который в настоящее время, как говорят, старается держать себя в стороне.

В Харькове, как носят слухи, Громада эта в высшем развитии; там, говорят, все принадлежащие к обществу Громад выполняют по особому обряду присягу в каком-то подвале, где стоит стол, покрытый зеленым сукном, и там же, по выполнении присяги, берется, будто - бы, с посвященного в члены общества по особой форме подписка. Во главе Громады, как можно заключить из слухов, обращают на себя внимание учитель истории Стоянов, профессор Франковский и заметную роль, будто - бы, играет, к тяжкому прискорбию моему, родственник мой, бывший или же и ныне находящийся в Университете по медицинскому факультету, Кремянский.

В Киеве, по слухам, отвергать существования Громады невозможно; она имеет сношения, как говорит молва, с Петербургом, Харьковом, Полтавой.

С политической целью, по интересам Громад была здесь в этом году г-жа Милорадович; все лица, посещавшие ее, наводят на себя подозрение, но, как носят слухи, особенное внимание на себя обращает бывший учитель истории при Киевском Кадетском Корпусе — Антонович, а так же набрасывают на себя тень подозрения профессора Селин и Паевский⁶⁾. Из разговоров заметно, что посвященную

1) Поэт - революционер М. Л. Михайлов, сосланный на каторгу в 1862 г.

2) Л. И. Милорадович — полтавская общественная деятельница.

3) С. М. Кованько — полтавский уездный предводитель в 1856 — 1859 г.г.

4) Полтавский книгари.

5) Д. Пильчиков — общественный деятель, в то время был на подозрении по делу С. Шевича, см. „Былое“ 1907, № 7.

6) А. И. Селин — проф. Киевского Университета по кафедре словесности (1816 — 1880), Паевский — должно - быть Осип Фаддеевич П. — проф. Нежинского лицея кн. Безбородко (до 1853 г.). Оба никакого отношения к украинскому движению не имели.

в это общество молодежь можно узнавать по национальному малороссийскому костюму, в особенности, по сивой шапке с бантиком и по красной опояске под куртуком или поверх казакина“.

Сведения Стафиевского не показались слишком невероятными генерал-губернатору, и последний сообщил их, лишь в несколько сокращенном виде, шефу жандармов.

III

Таким образом, несмотря на крайнюю осторожность и умеренность национальной программы Громады, несмотря на весь ее „аполитизм“, царская полиция стала подозревать ее в сепаратизме и группировать против нее компрометирующие, провокационные материалы.

Официальными и полуофициальными кругами украинское культурное движение, начатое нелегальными Громадами, было понято, как желание отделиться от России. Употребление украинского языка, распространение украинских книжек — все это оценивалось как сепаратистские затеи, всему этому придавался характер революционного выступления. Громада поспешила с опровержением обвинений, дискредитирующих ее благонамеренность. На даче у отца Чубинского собрались, в связи с выдвинутыми против Громады обвинениями, несколько ее активных членов и, обсудив свое положение, решили выступить в печати¹⁾.

В. Б. Антонович и П. И. Житецкий, который только что окончил филологический факультет, взялись написать подробный ответ на все упреки, слышавшиеся по адресу Киевской Громады. Имя Антоновича подписано под этим ответом первым и, очевидно, он был основным автором этого письма. „Отзыв“ был переписан в августе в Киеве, когда после летних вакаций собрались студенты, и за подписями двадцати одного члена Громады отправлен в редакцию „Русского Вестника“ в Москве. Подписали этот документ следующие лица: Владимир Антонович, Павел Чубинский, Конст. Солонина, Ал. Стоянов, Мих. Малашенко, Антон Тищенко, Евгений Синегуб, Иван Нечипоренко, Павел Житецкий, Виктор Торский, Дмитрий Богданов, Тадеуш Рыльский, Николай Синегуб, Петр Супруненко, Владимир Синегуб, Борис Познанский, Виктор Синегуб, Александр Лашкевич, Федор Горячковский, Андрей Стефанович, Иван Касьяненко.

Громада отвечала по трем основным пунктам — на обвинения 1) в связях с русскими революционными группами, 2) в неблагонамеренной агитации среди крестьян и 3) в сепаратизме.

Как раз во время организации Громады и первых шагов ее деятельности, революционное движение в России начало громко заявлять о себе: целый ряд прокламаций вышел из революционных кружков

¹⁾ См. воспоминания Ив. Касьяненко в газете „Приднепровье“ 1913 г. № 17.

Петербурга и распространился по всей России. Наиболее крайней из них была прокламация „Молодая Россия“ (1862 г.), принадлежавшая перу известного П. Г. Зайчневского. Резкий тон прокламации, призыв к восстанию, к уничтожению династии, вызвал возмущение не только в реакционном лагере, но и среди русской революционной эмиграции, осудивший листовку за „кровожадность“ и за „якобинское пренебрежение к массам“ (Герцен и Бакунин).

Не отстали от общего хора, конечно, и либералы из Киевской Громады. Перед лицом читающей публики они заявляли, что не только не имеют ничего общего с авторами прокламации, не только не хотят брать на себя и самой малой доли моральной ответственности за нее, но считают ее вредною, так как она в основе своей идет самым решительным образом в разрез с народным благом и развитием.

Этой частью „Отзыва“ члены Громады отмежевывали себя от революционного движения, которое в русской общественной жизни катилось уже очень заметной струей.

В начале „Отзыва“ авторы его выяснили, почему члены Громады решили проявить себя, как группу с определенным мировоззрением и определенными практическими задачами.

„Всех, кто интересуется общественными вопросами, кто критикует настоящий уклад жизни или пробует установить нормы для ее будущего развития, обывательская точка зрения причисляет к либералам“, — говорит „Отзыв“.

Под этим понятием скрываются очень разнообразные стремления, понятия и направления. Вот почему Громада считала необходимым сделать свое заявление, особенно в связи с появлением декларации „Молодой России“.

Киевская Громада в лице 21 члена своего приняла то имя „хлопомаинов“, каким окрестили польские шляхтичи небольшой студенческий кружок поляков-украинцев, оторвавшихся от гминной организации. Принимая это имя, Громада как-бы сама признавала намеченную нами генеологию ее и подчеркивала, что в Громаде сказывалось наибольшее влияние правобережцев и, в частности, Антоновича.

В своем „Отзыве“ Киевская Громада выявила народнические убеждения свои. Она особенно подчеркивала то, что ни одно лицо, ни одна группа не имеет права навязывать народу своих априорных теорий, пользуясь неразвитостью и безгласностью его.

Единственной обязанностью своей в отношении к народу Громада признавала просвещение народных масс, с целью помочь им осознать себя самое и свои потребности. Первая задача народного просвещения, таким образом, состоит в том, чтобы изучить народ.

В своем „отзыве“ Громада характеризует „народ“, как она его понимает. Это что-то цельное, неподвижная пока пружина развития, которая по внутренней сущности своей руководит другими классами

общества, дает идеалы и намечает цели, освещаемые заветными заповедными глубокими и таинственными особенностями народного духа. В этих взглядах было много неизжитой славянофильщины. Более того, взгляды эти целиком выдавали классовую позицию хлопоманов - шестидесятников, признававших моральными основами народного развития уважение к христианской вере и сохранение земельной собственности.

Оторвавшись от круга так называемых „мотродзеев“-крепостников, враждуя с ними, хлопоманы все же стоят на той классовой точке зрения, которая была дальше от „народа“, чем от этих самих „мотродзеев“.

Когда крепостники старшего поколения доказывали, что народ не имеет внутреннего сдерживающего морального стимула и после освобождения разленится, распянувется, а потом с ножом в руках бросится на бывших помещиков, то хлопоманы из Киевской Громады отвечали им следующим образом: „Он (народ) не может сразу изменить свой взгляд на людей, благополучие которых было основано на его горькой доле, хотя у него сильно развито чувство справедливости и любви к ближнему, и при том он верит в своего освободителя и с его именем соединяет все свои понятия о высшей правде. При гуманном развитии ума и сердца, на основании этих чувств можно сказать положительно, что из крестьян наших выйдут честнейшие люди и граждане, неспособные служить слепым орудием для наглых и крутых поворотов“.

Если даже $\frac{9}{10}$ этой фразеологии записать на счет обязательных и принудительных форм выражения, особенно в таком журнале, как славянофильский „Русский Вестник“, то и одна десятая часть выдает авторов с головой. Мечтательное народничество, наивная идеализация как народа, так и царя, готовность славословить реформу 61-го года, вот основные черты их идеологии.

Правда, и эти мысли были уже сдвигом и в исторической перспективе являлись до известной степени прогрессивными, свидетельствовали о разрыве с отцами - крепостниками, о попытке к созданию новой идеологии.

Разрыв с отцами был яснее всего подчеркнут в „Отзыве“ по поводу тех нападок, какие хлопоманам пришлось выслушивать от отцов - крепостников или просто „мотродзеев“-собственников за то, что хлопоманы будто бы мешают принятию крестьянами уставных грамот и подбивают их на резню.

Тут хлопоманы переходят в наступление и в свою очередь упрекают своих отцов — всеместное провинциальное дворянство в том, что оно мало развито и не понимает запросов времени. Проводя свою жизнь в кругу давно отживших понятий, эти господа оказались далеко позади хода общественного развития и исторических событий,

оглушенные реформой 1861 года, видя утрату своих давних помещичьих прав, они, обиженные и испуганные, смотрят с ненавистью и на освободителей народа и на всех друзей нового порядка.

Третье обвинение, выдвинутое против хлопоманов — в сепаратизме, Киевская Громада отбрасывала в решительных словах, поскольку в этот термин вкладывалось понятие о государственном отделении и принимала его, поскольку под ним понималось желание способствовать развитию украинского языка и литературы.

IV

„Отзыв“ Громады, как мы видели, был в достаточной мере умеренным¹⁾. Несмотря на это, когда „Отзыв“ под первоначальным заглавием „Общественные вопросы“ попал на цензуру Московского цензурного Комитета, последний не решился пропустить статью и послал ее министру народного просвещения А. В. Головнину. Не разбираясь в затронутых Громадой вопросах, которые имели местный украинский характер, Головнин написал кн. Васильчикову, тогдашнему Киевскому генерал-губернатору, письмо (28 сентября 1862 г.), в котором так пересказывал значение и содержание „Отзыва“ : „Лица эти (двадцать один член „Громады“), принадлежащие, повидимому, к малороссийскому дворянству и посвящающие свою деятельность образованию простого народа, подверглись, по их словам, упрекам и даже гонению со стороны общества, которое видит в них нарушителей общественного спокойствия и приписывает им политические тенденции“. Министр просвещения, посылая князю Васильчикову корректурные оттиски статьи, просил у него заключения по сути затронутых вопросов.

Заключение князя Васильчикова было подробным и длинным. С исчерпывающими подробностями он рассказывает про лиц, подписавших „Отзыв“, и кто так или иначе был прикосновенен к каким-нибудь политическим делам. Больше всего говорится про Антоновича и Рыльского, кроме них — про Познанского, Чубинского и братьев

¹⁾ И. Н. Касьяненко в „Приднепровьи“ (1913 г. № 17 от 25 дек.), рассказывая про историю с „Отзывом“, делает несколько ошибок. Название „Отзыва“ он приводит в таком виде: „Ответ Моск. Ведомостям украинских сепаратистов“. Между тем, „Отзыв“ послан был в „Русский Вестник“. Выступления против украинства Московских Ведомостей начались несколько позже. Дальше Касьяненко рассказывает так: „Катков, конечно, признаниям нашим не поверил и прежде, чем напечатать статью, отослал в оригинале в Петербург, в III отделение, где распорядились послать строго - конфиденциальный приказ губернаторам, в губерниях которых жили подписавшиеся, собрать самые точные сведения об образе жизни и деятельности всех подписавшихся“. Касьяненко, очевидно, ошибается, потому что статья была послана не редакцией, а цензурным комитетом и не в III отд., а министру народного просвещения, а тот уже запросил пояснений у киевского генерал-губернатора.

Синегубов. Выводы его были нерешительными, хотя и склонялись в сторону разрешения напечатать статью.

„Если смотреть на этих лиц, — писал он, — как на составивших общество, действительная цель и направление которого положительно неизвестны правительству, если остановить внимание на том, что члены этого общества без дозволения правительства приняли на себя, неизвестно по каким побуждениям, образование простого народа и, несмотря на все обвинения и упреки, которым подверглись со стороны общества, продолжают дело; и если, наконец, взять в соображение, что они составили общество в государстве, по законам которого никакое общество, даже правительством не воспрещенное, не может быть учреждаемо без разрешения и ведома надлежащего начальства, то с такой точки зрения на предмет неудобно, по моему мнению, разрешать печатание статьи „Общественные вопросы“.

„Впрочем, с другой стороны, как лица подписавшие статью, объявляя свои имена, вызывают своих обвинителей обличить их в неблагонамеренных стремлениях путем печатного слова и решить спор гласным обсуждением, то было бы не бесполезно это заявление, так как литературная полемика могла бы содействовать правительству в настоящем деле, раскрыть цель и уяснить дух и направление лиц, подписавших статью. Кроме того, гласное заявление этими лицами своего образа воззрений и цели деятельности может удерживать их от неблагонамеренных действий, потому что на них будет обращено внимание их противников, вызванных печатно на суд общественного мнения“.

„Отзыв“ Громады был напечатан.

Непосредственно за появлением в печати „Отзыва“ (конец 1862 г.), в январе 1863 года из всемогущего III Отделения в Киев пришло распоряжение прекратить дальнейшую работу „Громады“.

„Частным образом получены сведения, — писал князь Долгоруков князю Васильчикову, — что в Киеве существует общество, которое под благовидным предлогом развития народа, помимо всех других социальных соображений, на разумных, доступных ему началах, старается распространить в народе либеральные идеи, и с этой целью намерено издавать народные малороссийские книги, на печатание которых будто бы разрешено уже собирать деньги.

„Кроме того, общество это предполагает действовать постепенно, расширяя в народе понятие семьи и переходя потом к Громаде (общине). Общество это находится также в сношениях с польскими гминами, самую замечательную из коих считают состоящую под управлением некоего Магера. Во главе упомянутого общества стоят Антонович и Рыльский, а главными членами его считаются поименованные в № 46 „Современной Летописи“ журнала „Русский Вестник“ за 1862 год — в статье под рубрикой „Отзыв“ из Киева“.

„Вероятность таких сведений подтверждается некоторым образом упомянутую выше статьей, написанную хотя и в умеренном, повидимому, тоне, но с самою возмутительною целью, и потому я считаю долгом сообщить их Вашему Высокопревосходительству с тем, что не изволите ли Вы, Милостивый Государь, принять зависящие меры к прекращению дальнейших действий означенного общества, могущих иметь самые вредные и потом уже непоправимые последствия“.

Решительный тон распоряжения кн. Долгорукова не оставляет места для каких-либо возражений: „Громаду“ должны были закрыть; но неуловимые формы ее организации, отсутствие определенных внешних признаков ее существования пришли на защиту всем членам этого нелегального и неоформленного общества. А смелое выступление в прессе с полным обозначением своих фамилий тоже, конечно, способствовало тому, что на дело администрация посмотрела спокойно.

„Лица, подписавшие статью, по мысли кн. Васильчикова, гласным заявлением своего образа мыслей и цели деятельности и вызовом своим обвинителям обличить их в неблагонамеренных стремлениях путем печатного слова, уже отчасти сами парализовали и устранили опасность, которая могла бы произойти от их действий; и весьма желательно было бы, чтобы кто-либо из вызванных лиц заявил бы печатно свое обвинение, ибо тогда журнальная полемика могла бы содействовать правительству в раскрытии действительной цели и в объяснении духа и направления лиц, подписавших статью“. (Как ловко использовывались печать и гласность для чисто полицейских целей!).

Князь Васильчиков, как видим, повторял теперь то же, что четыре месяца перед тем писал Головнину. Очевидно, в эти годы, перед восстанием, точка зрения на украинское движение выстоялась у администрации края. „Громада“ была для нее только кучкою лиц, самих себя связавших своим выступлением.

Бурные события первой половины 1863 г. отодвинули дело „Громады“ далеко на задний план, а открытая формулировка правительственной точки зрения на украинское дело в знаменитых словах Валуевского циркуляра совсем выбила почву из-под ног „Громады“.

Возрождение ее работы относится уже к 70-м годам, когда опять началось было оживление украинского общественного движения до новой катастрофы 1876 года.

В. МИЯКОВСКИЙ

К истории гражданской борьбы на Украине¹⁾

(К вопросу об организации Временного Рабоче - Крестьянского
правительства Украины)

„Москва, Совнарком, Сталину[.] Считаю, ваша обязанность объяснить Ильичу всю недопустимость создавшегося положения[.] Перед всеми мы берем на себя колоссальное обязательство[.] сил нам никаких не дают точка Если считаете украинскую борьбу важной, надо сделать выводы точка Нам не только не дают сил, [но и] берут отсюда точка Положение отчаянное точка Нужно же действительно серьезно отнестись делу точка Скажите Вацетису пусть дает силы[.] оружие, обмундирование, иначе катастрофа неизбежна точка Вы знаете я никогда не отчаиваюсь, сейчас вполне покоен[.] но обязан сказать правду дабы вы приняли меры[.] Пятаков“.

Телеграмма помечена 23 ноября. Через несколько дней, 27 ноября 1918 года Пятаков и Затонский телеграфируют Радеку:

„Умоляю Вас выяснить вопрос о нашем политическом военном положении точка Неразбериха московских указаний невероятна[.] Нужно установить единство командования, единство гражданской власти[.] разрешить вопрос о правительстве[.] вопрос о взаимоотношении военной и гражданской власти точка Наши доклады имеются Сталина Вацетиса точка Прошу Вас помочь мне уговорить Москву не путать нашу работу точка Отвечайте срочно Курск вокзал мне“

Какова же была общая обстановка, заставлявшая так резко ставить вопрос, в ноябре 1918 года?

„Конец“ мировой войны, поражение Германии и победа Антанты, революция в Австро - Венгрии и Германии в корне изменили временное неустойчивое равновесие, создавшееся после Брестского мира и оккупации Украины. Зарево революции с востока передвинулось на Запад. Мировая революция облекалась в плоть и кровь.

1) Все цитируемые документы взяты из архива Октябрьской Революции, том 5.

Прим. автора.

Советская Россия заметно укрепилась. 13 ноября был аннулирован Брестский договор. Передышка пошла в прок. Но появились новые огромные трудности. Мировой империализм, разделенный до сих пор на два лагеря, занятый борьбой между собою, принужден был отложить задачу подавления пролетарской революции до окончания войны.

Теперь же, как только война окончилась, началась сразу со всех сторон подготовка интервенции. Союзный десант начал высаживаться в Одессе, а через Румынию сушей двигались румынские войска. Таков был общий фон событий вне Украины.

Внутри же Украины произошла передвижка политических сил.

Контр-революционные силы российской буржуазии и помещиков не дремали. Все лето 1918 года на Украину со всех сторон стекались белогвардейские силы. В ряде городов: Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове и др. формировались добровольческие отряды офицеров, которые к осени представляли известную военную силу.

Если до этого периода в контр-революционном лагере происходили споры, на чью помощь ориентироваться в борьбе с большевизмом — на помощь немцев или союзников, то поражение Германии и начало революции в ней сразу создали единый фронт буржуазии, ориентирующейся на союзников. От англичан и французов ожидали присылки военного десанта.

Заигрывания с национально-буржуазными кругами Украины, разговоры о „самостійности“ сменились неприкрытым лозунгом „единая, неделимая“. Ориентация гетмана на национально-украинские круги 14-го ноября резко изменяется: правительство умеренного Лизогуба уходит в отставку и утверждается новое правительство под председательством буржуазного деятеля Гербея. В тот же день оглашается манифест, где вместо „самостійности“ провозглашается федерация Украины с Россией, как переходная ступень к „конечной“ цели — восстановлению Великой России.

Заключается военный союз с генералом Красновым, согласно которому объединяются все военные силы под командованием генерала Деникина для борьбы против большевиков.

Но гетман и буржуазия просчитались во времени. Добровольческие отряды были еще слабы для того, чтобы составить опору новой политике; союзный десант только начал высаживаться и реальной помощи он еще не мог оказать. Немецкие войска уже избрали советы солдатских депутатов и опорой-защитой для гетмана уже не могли быть. При таком положении тактика гетмана, оттолкнувшая от себя украинские национально-буржуазные элементы, должна была неизбежно его привести к гибели.

Если „Национально-Державний Союз“, в который входили демократы-хлеборобы, самостійники-социалисты, украинская трудовая партия и социалисты-федералисты, поддерживала гетмана до 14-го

ноября, то отказ его от самостоятельности „Украинской Державы“ толкнул эти элементы влево к украинским партиям и группам, стоящим в резкой оппозиции против гетмана. В результате организовался „Украинский национальный союз“, в который вошли, кроме партий Украинского Державного Союза, украинские эс-деки и центровые эс-эры. Особняком стояло, не входя в союз, левое крыло украинских эс-эров, считавших возможным в переходный период восстания организацию Советов.

Как только стало известно об отставке Лизогуба и о назначении Гербея, в порядок дня стал вопрос о вооруженном восстании против гетмана. 13-го ноября на нелегальном совещании представителей партий, входящих в „Украинский Национальный Союз“, совместно с представителями галицийских „сiчових стрiльцiв“, железнодорожников и „селянської спiлки“ была избрана директория Украинской Народной Республики: председатель Винниченко, члены: Петлюра, Швець и Андриевский.

В ночь с 14-го на 15-ое ноября на улицах Киева были расклеены воззвания об образовании директории с призывом к свержению гетмана. 15-го ноября члены директории нелегально выехали в Белую Церковь, а 16-го началось военное восстание галицийских сичевых стрельцов. 17-го восставшие заняли Фастов и начали двигаться к Киеву, но были остановлены немецкими войсками.

Имея хотя и немногочисленное, но крепкое ядро, восстание, как снежный ком, быстро обростало повстанческими партизанскими отрядами. Накопившаяся ненависть против гетманщины и немецкой оккупации искала выхода. Крестьянские массы примкнули к тем, кто первый поднял знамя восстания, не разбираясь в политической платформе директории. Лучшие гетманские войска, состоящие из кулацких сынков — сердюки, черноморский кош перешли вскоре на сторону Директории. К концу ноября последняя уже перебралась в Винницу, и здесь была создана временная столица так наз. „Украинской Народной Республики“.

Успех восстания и поражение гетманщины в конечном результате, в основном, зависели от позиции, которую заняли немецкие войска. Восстание директории возникло через неделю после начала немецкой революции (9-е ноября). В Киеве, Харькове и ряде других городов уже были созданы немцами Советы Солдатских Депутатов. Но руководство этими Советами первое время находилось еще в руках, если не реакционных, то очень умеренных слоев офицерства. Левые социалистические элементы в них еще не выявили своего лица и влияния.

Буржуазная реакция употребляла все свои силы и связи на то, чтобы задержать немецкие войска на Украине до прихода союзного десанта. Но надежды были тщетны. Немецкие войска в этот момент были уже плохим инструментом для защиты контр-революции.

Основной задачей, которая стояла перед немецкими войсками, было как можно скорее выбраться из Украины во-свояси. Но для того, чтобы эвакуировать немецкую оккупационную армию, в несколько сот тысяч человек, с огромными обозами, артиллерийским и другим военным имуществом, нужно было во что бы то ни стало сохранить железнодорожное движение. Вот почему, хотя восстание директории политически не шло в разрез с настроением немецких войск (в связи с революцией в Германии), но, угрожая затянуться в длительную борьбу, оно угрожало эвакуации. Этим, в основном, а также реакционностью некоторых руководителей немецких Советов солдатских Депутатов и объясняется та позиция, которую заняли первое время немецкие войска, несколько недель защищавшие гетмана. Этим же и объясняется и то отношение, которое проявили руководители немецких Советов по отношению к восстанию большевиков за власть Советов. Всякая борьба, которая неизбежно возникала и развивалась на Украине, мешала планам эвакуации немецких войск.

Замечательным документом для характеристики настроения немецких солдат и отношения их к большевикам является приводимая ниже телеграмма т. Пятакова об его поездке в Белгород.

„Совнарком Сталину.

Копия Радеку Коминдел. Москва

Сложившаяся ситуация требовала несмотря на весь риск нашей поездки открыто враждебный нам Белгород для улажения конфликта внесения раскола солдатскую массу освобождения ее лап офицерни привлечения на нашу сторону точка Вчера 10 часов утра особая делегация состава Затонский Шварц Ауссем два Белгородских коммуниста один немецкий интернационалист я и Мира, в качестве секретаря, выехали взорванном мосту откуда экстренным поездом немцы отправили ее Белгород точка

Белгороде вокзале вокзальной комендатуре мы попали крайне враждебную атмосферу точка Офицерня открыто травила на нас солдат заявляла без украинских властей мы не имели права перейти границу грозила передать нас в руки „украинцев“ и даже расстрелять точка Не буду передавать целого потока мелкой ругани которой нас угощали господа офицеры точка Сравнительно быстро дав отпор офицерам нам удалось положить конец этому бесстыдному поведению еще имеющего большое влияние на солдат офицерства точка

Нужно сказать представитель солдатского совета солдат довольно робко пытался нас оградить от совершенно спятившего от ярости обер лейтенанта точка Вокзальной комендатуре мы были арестованы причём должны были сдать оружье точка Под охраной нас перевели из вокзальной комендатуры в помещение комендатуры восточного командования где должно было состояться заседание нашей делегации.

с представителями Харьковского и Белгородского солдатских Советов точка Так как представители Харьковского Совета к тому времени не прибыли то нас по нашей просьбе проводили в ресторан где мы в ожидании приезда Харьковцев пробыли два часа точка Тут нам было заявлено что нас окружает раз'яренная толпа из местных жителей и потому к нам необходимо приставить усиленную охрану (у дверей ресторана гостиницы стояло всего несколько самых мирных любопытных зевак) точка

За это время нам удалось поговорить с очень многими солдатами точка Нам удалось выяснить что все они под очень сильным влиянием своих офицеров которых боятся точка Нашим сторонникам приходится говорить шопотом точка Наш приезд дал сильную поддержку нашим против погромной агитации офицерства которое воспользовавшись нашим наступлением от прошлой пятницы старается внушить солдатам что мы нападаем на них а попутно чтоб уменьшить их бдительность ведем какие - то переговоры и ведут отчаянную травлю точка Постепенно настроение неприятеля рассеивалось точка Под усиленной охраной нас проводили в помещение казармы где должно было происходить наше заседание но Харьковцев все еще не было. Тогда поднят был вопрос о том чтобы до приезда Харьковцев устроить заседание Белгородского Совета без нашего присутствия и предложить нам снова вернуться в ресторан точка Тогда поднялся один из бывших с нами раньше солдат и заявил что мы их гости и можем присутствовать на заседании Совета но он оказался одним и мы вернулись в гостиницу.

К 10 часам нас пригласили на заседание где уже присутствовал председатель Харьковского Совета. На заседании присутствовало изрядное количество делегатов и отдельных солдат точка Открыв заседание председатель Харьковского Совета подчеркнул что присутствовавшие офицеры являются членами Совета избранными не офицерством а исключительно солдатами и что по настоянию солдат в зале заседания находятся солдаты не члены Совета которые хотели послушать переговоры точка Председатель заявил что переговоры по нашей вине происходят в весьма напряженной атмосфере так как немецкие солдаты считают себя обманутыми точка Шварц который ездил для переговоров скобка не имея на то особых полномочий скобка переговорил с немецкими делегатами что ручается что наши не будут до конца наступать на Белгород но не предупредил нас во время Белгород был нами отдан ^{как} как приказ о наступлении без выстрела на Белгороду но благодаря какому то ~~неожиданному~~ скобка кто начал еще не установлено скобка произошла довольно сильная перестрелка и даже артиллерийская стрельба со стороны немцев точка Председатель Харьковского Совета в своей речи настаивает что стрельба по немцам

была открыта нашими и что этот факт подорвал доверие немецких солдат к нам точка Он заявил что на Украине они совершенно нейтральны никому помогать не хотят а только стремятся скорее пробраться домой и спрашивает с чем мы к ним пришли точка

Я ответил что мы преследуем три цели во первых улажение создавшегося конфликта во вторых установление постоянной непосредственной связи с Харьковским Советом и в третьих налажение товарищеских дружеских взаимоотношений точка Первый пункт объяснил недоразумением или провокацией со стороны групп желающих нас рассорить предложил устроить постоянное прямое телеграфное сообщение Харьковом Курском точка Заявил что мы готовы помочь немецким товарищам солдатам уехать с Украины на родину предоставив им свободный проезд через Россию точка Дальнейшие прения председатель перевел для конкретного вопроса возвращению немецких солдат через Россию довольно цинично заявив что политика их совершенно не интересует точка Он довольно скептически отнесся к моему предложению заявив что у нас мол нет подвижного состава и продовольствия для проезжающих точка На что мы предложили им выбрать специальную комиссию немецких железнодорожников для того чтобы самим в переговорах с Компьютью убедиться какие перевозочные средства у нас имеются точка Относительно продовольствия им беспокоиться не приходится так как им наверно известно что мы предлагали Берлинскому Совету помощь в продовольствии и Берлинский Совет отказался точка Теперь мы эту помощь охотно окажем проезжающим немецким товарищам солдатам точка Председатель заявил что принял это к сведению передаст для решения солдатскому областному Харьковскому Совету но спрашивает что же мы требуем за эту помощь точка

Мы ему открыто заявили что нам необходимо быть в Белгороде мы можем запятая как это уже произошло в некоторых занятых нами пунктах жить некоторое время вместе точка Мы просим только не мешать нам точка

Председатель заявил что так как кроме нас на Украине существует и другая власть с которой нам мол придется вести гражданскую войну то это загроздит железные дороги и разрушит железнодорожный транспорт что будет мешать свободному продвижению еще предложение немецких солдат на родину но все же обещал передать предложение Харьковскому Совету с своей же стороны предложил ждать до очищения Украины немецкими войсками а тогда наступать точка

Я ответил что железные дороги пока в руках немцев и что они до последнего момента смогут охранять их пока мы не возьмем их в наши руки и не дадим им гарантии что по этим дорогам они смогут беспрепятственно продвигаться точка Мы заявили что согласны ждать ответа до четверга только в том случае если они могут

нам поручиться что на Украине нет пока англо-американских войск точка

Тогда председатель заявил что он может за это поручиться точка Мы ответили что как только узнаем о появлении союзнических войск на Украине немедленно известим их и до четверга должны будем договориться относительно мер точка Затем мы предложили немедленное восстановление совместно с немцами всех взорванных мостов между Россией и Украиной и установление прямого провода между Харьковом и Курском точка

Председатель и на эти вопросы обещал ответить в четверг точка Мы дали обещание перейти на линию занимаемую нами до наступления на Белгород от четверга и до будущего четверга прекратить продвижение наших войск точка

Следующее заседание назначено на четверг точка Местом заседания мы предложили Курск, они место в нейтральной зоне точка Ответ о месте и часе заседания они обязались сообщить в среду точка В конце заседания заявил протест по поводу оказанной нам встречи точка Председатель извинился но заявил что это объясняется настроением создавшимся после нашего наступления и что надеется что теперь все будет улажено мирным путем точка

Из речи председателя вполне определилось что они в Харькове договорились с Радой точка Часть солдат из рабочих безусловно на нашей стороне они нас в частных разговорах подробно об всем расспрашивали и выражали уверенность что у них скоро у власти будут ковычки большевики ковычки то-есть группа Шейдемана точка

Наш приезд внес раскол в Белгородский Совет точка Гайдамаки потребовали немцев выдачи двух членов нашей делегации Белгородских коммунистов Совет осудил это и почти единогласно против нескольких офицеров заявил что мы приехали к немецкому Совету и он нас никому не выдаст. Во втором часу ночи нас проводили на вокзал в ожидании поезда нами использовано для открытой агитации среди немецких солдат которых несмотря на позднее время и присутствие офицерства и украинских шпииков было изрядное количество точка Они внимательно и вполне сочувственно слушали нас точка Многие даже открыто вступали в споры со своими товарищами Шейдемановцами точка Перед отходом поезда нам возвратили оружие точка До границы нас провожали сочувствующие товарищи точка Белгородский Харьковский Советы произвели всех нас впечатление меньшевистских наших Советов одни [они] сходны до мелочей“.

Какова же была позиция Коммунистической Партии большевиков Украины? И как случилось, что большевики, все время считавшие необходимым вооруженное восстание против гетманщины, издавшие еще в августе месяце приказ № 1 с призывом к всеобщему восстанию,

к этому моменту оказались в хвосте событий, выпустивши инициативу из своих рук?

Еще в июле 1918 года первый съезд Коммунистической Партии большевиков Украины вынес специальную резолюцию о вооруженном восстании, в которой четко и ясно были сформулированы задачи стоящие перед партией: „Партия должна развить широкую агитацию с выяснением основных целей, значения и перспективы вооруженного восстания на Украине“; „партия должна направить все свои усилия на создание специальных органов для руководства восстанием, подчиняя этот повстанческий аппарат руководству парторганизации. Эти органы восстания должны быть организованы на следующих основаниях: Военно-Революционные Комитеты должны состояться из представителей организаций, стоящих на платформе Советской Власти и ведущих на Украине борьбу против империализма государств средней Европы, гетманщины и мелко-буржуазных групп, поддерживающих Киевскую Раду. „Наряду с местными Военно-Революционными Комитетами необходимо образовать районные Военно-Рев. Ком., которые в свою очередь должны быть объединены областными военными Ревкомми. Для объединения руководства деятельностью всех областных Ревкомов создается Центральный Военно-Революц. Комитет, основная задача которого состоит в руководстве повстанческой борьбой на Украине“. Стремясь к организации вооруженного восстания во всеукраинском масштабе, выступая против распыления восстания в частичных неорганизованных вспышках, партия должна усматривать и назревание международной пролетарской революции, в то же время не выпуская из виду, что попытка во что бы то ни стало оттянуть уже совершенно назревший революционный кризис, неудержимо развертывающийся на всем протяжении украинской территории, может повести и неизбежно ведет к разложению единого потока вооруженного восстания и к поражению пролетарской революции в настоящей стадии ее развития“.

Наконец, на втором съезде партии в октябре, когда на Украине, в связи с начавшейся революцией в Германии, требовались уже решительных мероприятий к практическому осуществлению восстания, Пятаков в своей речи против Яковлева и Каменева заявил об опасности медлительности при решении этого вопроса. Он говорил, что в случае, если в Германии и Австро-Венгрии произойдет революция, нужно предупредить организации „чтобы не быть застигнутыми врасплох когда дело дойдет до захвата власти“, он категорически возражал против переброски военных сил на Красновский фронт, он указывал, что, к моменту захвата власти и очищению Украины от германских войск, не будет того аппарата, посредством которого мы могли бы утвердить власть пролетариата, советскую власть на Украине“.

Справедливая критика несвоевременного приказа № 1, изданного в начале августа с призывом к восстанию, приказа который принес много вреда для успешного созревания повстанческих военных сил большевиков — эта правильная критика прошлого не должна была затемнить настоящего. Критикуя, нужно было, при изменившейся обстановке, принимать решительные меры к подготовке восстания, а не половинчатые резолюции.

В конце октября, когда нужно было иметь максимум военных сил для поддержки восстания против гетманщины, произошла переброска нескольких значительных отрядов против Краснова, временно пытавшегося перейти в наступление.

В конечном результате в момент, когда были получены сведения об организации директории, когда нужно было принимать немедленно решительные мероприятия к организации советского центра, и решительному военному выступлению, в этот момент, когда было ясно, что крестьянские массы, восставшие против Гетмана, выступившие с требованиями земли помещиков и крупных кулаков, с требованиями, которые директория по своей политической сущности удовлетворить не могла, в этот момент приходилось настаивать и спорить, чтобы необходимые меры были проведены в жизнь.

В этой обстановке основной задачей Центрального Военно-Революционного Комитета и коммунистов Украины являлось создание Советского центра в противовес директории, которая, взявши своевременно инициативу восстания в свои руки, стала на несколько недель хозяином положения. Многие партизанские отряды, не сочувствующие директории, из военной целесообразности, имея первое время одну и ту же задачу свержения гетмана, были принуждены координировать свои действия с военным командованием директории. Так, например, 18-го ноября Андрей (Иванов) пишет Пятакову: „Соединенное заседание областного, губернского и городского комитетов Партии постановило поставить вооруженное восстание в порядок дня, всю работу подчинить этой задаче. В настоящий момент положение такое: к „Посту Волынскому“ (6 верст от Киева) движется около шести тысяч повстанцев, к ним примазываются радисты, но это не страшно. Нами посланы представители. На посту Волынском оказались белогвардейцы. Повстанцы идут медленно, по дороге растут. У нас в городе все на чеку. Ждем момента. Сегодня началась коллективная стачка. Мы были против ее немедленного проведения. Наш лозунг — стачка в момент восстания. Имеются сведения, что Екатеринослав занят повстанцами, Чернигов и Константиноград — эс-эрами. Необходимы деньги, интернационалисты и выступления в пограничной зоне“.

Большевистские организации в большинстве случаев были оторваны от центра, а последний часто не знал, что делается на местах. Мы приводим документ, характеризующий эту связь.

„Совнарком Сталину Москва. Копия Коминдел Радеку

Нами получены следующие партийные сообщения из Киева от восемнадцатого ноября(;) пятнадцать (ноября) опубликован состав нового правительства стоящего платформе кавычки Единая Россия кавычки(,) кавычки борьба с большевистской властью кавычки в тот же день начались (в) Киеве беспорядки точка Добровольческие отряды расстреляли сходку студентов восемь убитых двенадцать раненых(.) Шестнадцатого ноября стало известным что белогвардейцы намерены разоружить желдорполк точка Восемнадцатого объявлена всеобщая забастовка точка Большевики были против забастовки считая ее необходимой при вооруженном восстании точка Белогвардейцы срочно мобилизуют силы(.) Киеве их до двенадцати тысяч хорошо вооруженных и шесть тысяч на учете точка Имеются сведения что Екатеринослав взят повстанцами не известно какими а Константиноград левыми эсерами точка В Киеве большевики выпустили воззвание крестьянам и другое немецким солдатам точка¹⁾. . . . . Пятаков 22/ХІ“.

Это сообщение было составлено на основании донесения из Киева.

В то время, как Екатеринослав был занят большевиками совместно с Махно и в течение нескольких дней находился в их руках, в то время, когда большевики занимали в этом районе десятки станций и отдельных населенных пунктов и имели повсюду Ревкомы, Центральный Революционный Комитет не знал о том, какими повстанцами этот район занят.

В момент, когда уже были получены сведения об организации и восстании директории, каждый день промедления в деле организации Советского центра в лице Временного Рабоче-Крестьянского Правительства имел огромное значение.

В докладной записке в адрес Сталина и ЦК РКП ясно и четко ставится этот вопрос.

„Украина—не только плацдарм для развертывания войск, оперирующих против Дона, а в будущем против союзников, но и страна, населенная не только гетманцами и петлюровцами, но и обыкновенными рабочими и крестьянами, а также и немецкими солдатами, считающими себя гражданами Германской социалистической республики. На Украине происходит теперь сложная политическая борьба. У всех борющихся политических групп пока что нет почти никаких вооруженных сил. В процессе борьбы каждая из групп стремится, прежде всего, создать себе вооруженную силу, опираясь на которую она сможет утвердить власть того класса, представительницей которого она является. Совершенно ясно, что при таком положении в про-

¹⁾ Дальше идет шифр. Прим. автора.

цессе борьбы не только важную, но первостепенную роль играет работа политическая, и сравнительно подчиненную для данного момента играют соображения стратегические. Речь идет не столько о фронтовом военном наступлении, сколько о вооруженной поддержке политического наступления.

Сейчас на Украине для широких масс имеются два борющихся центра: петлюровцы и гетман. Советский центр отсутствует, что дает возможность петлюровцам до известной степени привлекать на свою сторону те крестьянские элементы, которые не довольны режимом гетманщины, но недостаточно сознательны для того, чтобы самостоятельно разбираться в том, кто именно сейчас ведет борьбу с гетманом.

При таком политическом положении крайне важна ясность постановки всех политических вопросов. Советский центр должен был выявиться при первой же возможности, но этого не сделано до сих пор, что является нашим серьезным упущением. Ваше запрещение опубликовать манифест мы рассматриваем, как крупную политическую ошибку, значительно затруднившую концентрацию сил за власть Советов против гетмана и против рады.

Необходимость легализации Временного Правительства однако диктуется и другими соображениями. Будь то Временное Правительство или Красный Ревком безразлично, дело не в названии и не в форме, которая определяется соображениями другими: необходим такой орган Советской власти, который мог бы распоряжаться, который являлся бы действительным центром Советской работы на Украине, которому подчинились бы все советские работники и который, таким образом, мог бы сосредоточить в своих руках всю эту крайне трудную, сложную работу по восстановлению Советской власти на местах.

Так как было решено, что Временное Правительство будет выполнять в первую голову именно эту работу, то отсутствие этого органа Рабоче-Крестьянской власти означает на деле отсутствие какого бы то ни было органа центра. В результате люди ходят от одного учреждения к другому; различные учреждения считают себя вправе вести эту работу. Мы не имеем права воспретить тому или иному учреждению, имеющему до сих пор формальное право, заниматься тем, чем ему заниматься не следовало, и в результате получается полнейшая дезорганизованность работы и вполне законное недовольство работников. Мы могли бы положить этому конец только в том случае, если бы мы легально существовали уже в качестве Временного Правительства“.

Только в самом конце ноября был опубликован манифест о создании Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины.

Первое заседание Рабоче-Крестьянского Правительства состоялось 28-го ноября. Приводим протокол этого заседания.;

ПРОТОКОЛ № 1

Заседание правительства от 28-го ноября 1918 года.

Присутствовали: Антонов, Артем, Затонский, Квириг, Пятаков.

Слушали:

Вопрос об объявлении Временного Рабоче - Крестьянского Правительства Украины.

О месте пребывания Правительства.

О военном Совете. Доклад тов. Антонова и прения по докладу.

Об обращении к Совету обороны для того, чтобы договориться о создавшемся положении на Украинском фронте.

О переезде Временного Рабоче - Крестьянского Правительства Украины в Суджу.

О переговорах с немецкой делегацией.

Постановили:

Единогласно постановляется объявить Временное Рабоче - Крестьянское Правительство Украины.

Местом пребывания правительства принимается Суджа.

Принимается декрет об организации Военного Совета Украинской Советской армии.

В целях объединения всех военных действий, направленных против врагов Рабоче-Крестьянск. власти на Украине, Вр. Р. - Кр. Прав. Украины постановило:

1) Образовать Военный Совет Украинской Советской Армии.

2) Подчинить ему все вооруженные силы, действующие на территории Украины.

3) Назначить в Военный Совет товарищей Сергеева (Артем), Затонского, Овсеенко (Антонов). Перед опубликованием этого декрета запросить согласия на опубликование у Военного Совета Р. С. Ф. С. Р.

Послать к Военному Совету Обороны делегацию, в лице Пятакова и Артема.

Т.т. Квириг и Аверин выезжают в Суджу. Тов. Затонский остается при Военном Совете в Курске. Тов. Семену тоже остается в Курске. —

От имени ЦК тов. Затонский ведет переговоры и заявляет о существовании Временного Рабоче - Крестьянского Правительства Украины, тов. Семену поручается организовать встречу делегации.

Слушали:

Утверждение должностных лиц.

Функции членов Правительства.

О Бюро Военных Комиссаров.

О Политическом Отделе.

Обращение к Германии.

О временном положении об организации власти на местах.

Постановили:

Постановляется: Тов. Блюмберг назначается заведывающим подотделом иностранной пропаганды. Управляющим делами Временного Рабоче - Крестьянского Правительства Украины утверждается тов. Кудрин. Заведывающим канцелярией Вр. Р. - К. Прав. Украины утвердить тов. Ващенко. Место секретаря Вр. Р. - К. Прав. Украины предложить тов. Грановскому.

Заведывающим отделом Военных дел назначается тов. Артем, Отделом Внутренних Дел — тов. Аверин, Отделом Народного Хозяйства и финансов — тов. Квиринг, Отд. Иностранных дел — тов. Пятаков. Членом Коллегии Отдела Внутренних Дел — тов. Власенко. Комиссаром всех жел. дор. Украины назначается тов. Жарко.

Организовать при Военном Отделе Бюро Военных Комиссаров. Заведывающим Бюро Военных Комиссаров, в качестве пом. тов. Артема, тов. Сурика. Потребовать от тов. Сурика представить в кратчайший срок план организации Бюро Военных Комиссаров.

Политический Отдел упраздняется. Функции Политического Отдела переходят к Отделу Внутренних Дел. Бывшему Политическому Отделу предлагается организовать Политотдел при Военном Совете Советской армии Украины и представить на утверждение Правительства состав его.

Обратиться к Социалистическому Правительству Германии через посредство Правительства Р.С.Ф.С.Р. потребовать признания Правительства Украины Временное Рабоче - Крестьянское Правительство.

Принять. (См. приложение к сему протоколу).

Слушали:

Постановили:

О печатном органе Временного Рабоче - Крестьянского Правительства Украины.

Издавать газету. Редактора пригласить из Москвы, поручается т.т. Артему и Пятакову.

О немецкой газете.

Издавать информационный листок для немецких солдат.

О финансах.

Товарищам Пятакову и Артему поручается выяснить вопросы о финансах для Вр. Р. - К. П. Украины в Москве.

Председатель Пятаков

Члены Правительства (подпись)

Остался открытым вопрос об организации Военного Совета Украинской армии и подчинении ему всех военных сил, действующих на Украине.

Но самое главное и основное: осталась невыясненной окончательно общая политическая линия по отношению к Директории.

28-го ноября 1918 года Пятаков и Затонский запиской по прямому проводу в адрес Сталину, копии Ленину и Радеку, ребром ставят вопрос об отношении к Директории:

„Целый ряд соображений заставляет нас думать что Вы спекулируете движением Петлюры точка Предупреждаем не повторяйте ошибки сделанные в ноябре семнадцатого в Бресте допущения в делегацию Рады переговоров точка Петлюра не опирается на массы несомненно однако пользуясь нашими лозунгами при непротиводействии нашей стороны обрастает массой тогда проявить свою настоящую сущность но исправить будет труднее точка Болобочан уже издал приказ о недопущении советских и монархических организаций также необходимости борьбы со всеми стоящими за единство России будь то большевистские или монархические организации точка Болобочан выболтал только что скрывают более хитрые политики типа Петлюры Винниченко точка Глубочайше убеждены случае если движение Петлюры окончится победой вся эта компания сумеет найти общий язык союзниками под лозунгом борьбы с большевизмом и создаст объединенный фронт точка Во всяком случае мы должны знать точно и ясно какова ваша линия точка Считаете ли Вы нужным известное Вам учреждение в частности издание документа номер два¹⁾ или идете по пути соглашения точка И просим срочного недвусмысленного ответа“.

¹⁾ Речь идет об опубликовании манифеста Временного Рабоче - Крестьянского Правительства.

Здесь дан блестящий анализ положения полностью подтвержденный дальнейшими событиями.

Каковы же были причины, побуждавшие ЦК РКП вести такую архи-осторожную и выжидательную политику по отношению к вопросу о создании Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и в отношении Директории?

Об этом в следующий раз.

М. РУБАЧ

Из истории Соввласти на Украине

О Первом Всеукраинском Съезде Советов и Первом Советском Правительстве Украины¹⁾

СОЗЫВ СЪЕЗДА

Инициатива созыва Всеукраинского Съезда Советов принадлежала фактически Киевскому Комитету большевиков.

Сначала внутри б-стской организации не было единодушия по этому вопросу. Некоторые члены Комитета, как например, Бош, считал, что для того, чтобы покончить с Центральной Радой, достаточно вызвать в Киев большевистский Гвардейский корпус, который разгонит это гнездо шовинизма. Но события вскоре показали, что на Украине нельзя довольствоваться только властью советов на местах, имея центр в Петрограде (как тогда наз. Ленинград), что нужно иметь свой украинский центр. Это стало очевидным после того, как октябрьская победа киевских рабочих над штабом была использована Центральной Радой. Создание украинского советского центра взамен (или в противовес Ц. Р.) и было целью созыва Всеукраинского Съезда Советов.

Для того, чтобы придать этому созыву больший авторитет, его поручили произвести Киевскому Областному Исполкому С. Р. Д., так как таким образом легче было привлечь к участию в Съезде и лево-бережье и фронтовые организации.

Первоначально украинские партии категорически отказались от участия в Съезде Советов, считая Ц. Р. „законным представителем украинской демократии“.

В таком же смысле дала ответ и Ц. Р. на посланное ей Областным Комитетом официальное приглашение принять участие в созыве Съезда.

¹⁾ Настоящая статья составлена по материалам вечера воспоминаний, в котором участвовали т. т. Скрышник, Ауссем, Кулик, Люксембург, Терлецкий, Медведев и по материалам, опубликованным в „Вістях Укр. Нар. Республіки“, в первый месяц после ее образования. Статья представляет собой попытку восстановления основных моментов, связанных с созданием первой советской власти на Украине. Редакция сознает чрезвычайную неполноту даваемых здесь материалов, но рассчитывает, что сами недостатки статьи побудят участников Ц. И. К. У. и Нар. Секретариат к составлению своих воспоминаний об этой чрезвычайно интересной эпохе, оставшейся совершенно неосвещенной.

Но затем, видя, что С'езд все-таки состоится, она решила подорвать его изнутри, лишить его смысла и значения, превратить в огромный всеукраинский митинг. Параллельно с Организационной Комиссией Областного Комитета С. Р. Д. Центральная Рада стала рассылать свои приглашения на С'езд по селянским спілкам и войсковым комитетам.

В результате на С'езд являлись делегаты в невероятном количестве и с совершенно фантастическими мандатами. Так тов. Затонский сообщает, что был в мандатной комиссии С'езда документ такого содержания: „Командирую на з'їзд (какой — не указано) свого джуру (деньщика)“. Подпись командира роты — хорунжий такой - то — и печать части.

По примеру, приводимому Ауссемом, одна Полтавская губерния, имеющая 245 волостей, дала чуть не тысячу делегатов, так как по инструкции Ц. Р. каждая волость посылала по 3 представителя, а каждое село по 2. Ц. Р. делала все возможное, чтобы фальсифицировать представительство и от армии. Так, согласно директивам орг. комиссии (большевистской), военно-рев. комитет юг.-зап. фронта, получил три места, а в то же время — по заданиям Ц. Р. чуть ли не каждый взвод давал представителей.

Этот поток, нахлынувший в Киев, смыл мандатную комиссию Обл. Комитета. Рада создала свою мандатную комиссию и раздавала решающие голоса щедрой рукой¹⁾.

---

¹⁾ История созыва С'езда излагается в „Заметках и Материалах“ П. Христюка следующим образом:

„Тепер же, спинимось на останній спробі місцевих російських більшовиків усунути Центральну Раду з її провідного місця, шляхом виборів нової Ради, на великому Всеукраїнському З'їзді Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів, спробі, що відбулась вже в той час, коли війна фактично вже почалась, коли російське радянське військо вже наступало на Україну, й Рада Народніх Комісарів оформлювала, так би сказати, цей наступ своїми ультимативними нотами до Центральної Ради. Власне, можна думати, що названий З'їзд стояв в прямому звязку з початку військових подій. Можливо, що, по пляхах російських більшовиків, він мав просто завдання — скинути Центральну Раду, спираючись саме на наступаюче московське військо і, таким чином, полекшити окупаційну роботу того війська. Та все-ж формально, та й по суті, З'їзд цей звязаний більше не з війною між Радою Народніх Комісарів і Центральною Радою, а з попереднім періодом — періодом, так би мовити, мирної агітації російських більшовиків проти Центральної Ради. Ми вже згадували, що ще Третій З'їзд Української Партії соціалістів-революціонерів намітив скликання Всеукраїнського З'їзду Рад і розробив навіть докладний порядок скликання його. Та російські більшовики не захотіли ждати, доки такий З'їзд скличе Центральна Рада, і скликали його сами, з власної ініціативи, на 17 грудня (нов. ст.) в Києві.

З тої причини, що ні Центральна Рада, ні тим більше українські соціалістичні партії і Всеукраїнські Ради Селянських, Салдатських та Робітничих Депутатів не мали принципово нічого проти такого З'їзду, хоч і скликався він з ініціативи більшовиків. З'їзд зібрався і випав надзвичайно багатолюдним: на ньому прибуло біля 2500 Робітничих, Селянських і Салдатських Депутатів України.

НАЧАЛО С'ЄЗДА

С'єзд открылся в первых числах декабря в помещении Купеческого Собрания (ныне Дом Пролетарского Института). При открытии произошел очень любопытный эпизод. По воспоминаниям т. Затонского он рисуется в следующем виде. „В означенный (для открытия с'єзда) час наша группа (большевиков) подошла к столу президиума расположившись у колоны. Мне было поручено открыть с'єзд. Заметивши наш маневр лидеры украинских с. - р.'ов бросились к столу. Добежали они как раз в тот момент когда я произнес слово „товариші“... Аркадий Степаненко, обойдя меня слева, уперся мне локтем в грудь, а Стасюк в то же время охватил меня сзади обеими руками за шею, опрокинув таким образом назад с кафедры. В то же время возбужденная и явно подвыпившая толпа (делегатов) бросилась бить „большевиков“. Тут всем нам досталось понемножку. Помяв (слегка) большевиков, делегаты по предложению Степаненко спели „Заповіт“ и „Ще не вмерла Україна“ и затем тот же Степаненко открыл с'єзд.

Тут же выступил и Винниченко, заявивший, между прочим, что мы, мол, никому на Украине жить не мешаем, но если кадапы хотят

Російським більшовикам здавалось, що от-тут вони одсвяткують свою перемогу. Та не тільки так здавалось. Не зважаючи на те, що більшовики підготовлені були до З'їзду, що вели перед тим велику агітацію за перевибори Центральної Ради, що вибори на З'їзд переводились цілком вільно, без жадної пресії з боку українського уряду (курсив наш — С. Ш.) — не зважаючи на все це, більшовики спромоглись провести на З'їзд всього тільки біля 60 своїх депутатів на загальне число 2500. (Велике число прибувших на З'їзд селянських депутатів, між иншим, пояснюється тим, що Центральним Комітетом Всеукраїнської Селянської Спілки було розіслано до комітетів селянських спілок, особливез запрошення прислати на З'їзд своїх депутатів).

Побачивши, що мають на З'їзді таке надзвичайно мале число депутатів, московські більшовики хотіли було обернути З'їзд в необов'язуючу українську демократичну нараду, та в цім також не мали успіху. Збори постановили вважати З'їзд правомочним вирішати питання українського революційно-державного життя“. (Павло Христюк. „Замітки і матеріяли“, т. II, стор. 69).

В этом рассказе поражает наглость Христюка, говорящего, что выборы на С'єзд происходили без всякого „нажима“ со стороны Ц. Р., а потом, между прочим в примечании объясняющим, чем вызвано было большое количество депутатов на С'єзде. Как будто посылка приглашения от Центральной Селянской Спілки местным селянским спілкам была пустой случайностью, а не хитрым ходом радянских „дипломатов“, предпринявшим состав и характер С'єзда.

Т. Затонский указывает еще на одну „ошибку“ П. Христюка. Радовцы вовсе не признали своего съезда — С'єздом. Они не решались опереться даже на эту фальсифицированную массу, чтобы не создавать прецедентов, так как после 1-го С'єзда могла явиться мысль и о 2-м. „Ясно помню, что на этой почве у нас с Радой нашелся даже общий язык“, говорит т. Затонский. В первый же день С'єзда на собрании представителей фракции было принято единогласное решение считать С'єзд не С'єздом, а совещанием. Формулировка была составлена у. с. - р.'ами и все подписались под ней, в том числе и б.-ки.

нашу чистую горницю превратить в грязную хату, то мы им скажем: "геть з України". Выступления радистов встречались восторженно, а большевикам и левым эс - зрам, поддерживавшим их, не давали говорить¹⁾. Особенно затруднительным стало положение большевиков, когда (на второй день с'езда) пришло сообщение об об'явлении Советом Народных Комиссаров войны Ц. Р. за ее поддержку Каледина. Это об'явление войны было для Киева совершенно неожиданным, так как связь с центром была очень плохая. Но как бы то ни было, нужно было считаться с фактом. Участие в с'езде стало совершенно невозможным, так как ультиматум С.Н.К. еще более обострил кулацкий шовинизм радовцев. Последнее выступление от большевиков по вопросу ультиматума было т. Шахрая²⁾ уже в цирке, куда перенесли с'езд,

1) Тов. Затонский о своем выступлении в первый день с'езда рассказывает след. обр.: „По поручению нашего комитета я должен был об'яснить, почему мы не считаем собрание с'ездом. Под дружный смех и улюлюканье радовцев я закончил свою короткую речь заверением, что Ц. Р. сбросят сами крестьяне и рабочие и что на Украине скоро все же будет советская власть.

2) В цитированных „Заметках и материалах“ Христюка приводится речь Шахрая (т. II, стр. 70):

{ Ша х р а й (р. с. - д. б.) говорив на З'їзді: „Цей ультиматум, на нашу думку, є непорозумінням, якє мусимо зліквідувати без пролиття крови. Не треба розпалювати національного почуття, як тут робиться. Наша партія нічим не страшніша від інших партій російської федеративної республіки. Частина - ж її, що живе на Україні, має таке саме право називатися українською, як і всяка інша з тутешніх партій. І я, яко її представник, кажу: з ультиматумом трапилося непорозуміння. Між пролетаріатом і селянством України і Росії нема різниць в їх долі. І ділити їм нічого.

Рада Народніх Комісарів в ультиматумі вказала на признання Української Народної Республіки. В тім документі на Україну, чи на українців, нападу нема. Справа стоїть інакше, як тут уявляється. В кінці жовтня сталася революція робітників, салдатів і селян. До того часу всі російські соціалістичні партії стояли за коаліцію з буржуазією і всі відвернулися від цієї революції народніх мас. Капіталісти — поміщики не легко здають свої позиції. Треба - ж дивитись, хто йому пособляє і хто перешкоджає. Генеральний Секретаріят, українські соціалісти, говорять добрі слова, пишуть гарні прокламації, а роблять інше... Під час цієї пролетарської революції ніхто не може зоставитися посередині. Кожен мусить пристати або до робітників і селян, або до поміщиків і капіталістів, інтереси яких боронить Каледін на Дону. Пропуск Генеральним Секретаріатом козачих частин — це певна допомога Каледінові не на словах, а на ділі. Розбромнення великоруських частин було гіркою образою для великоруських салдатів і тим кїлином; що вбитий нині між українською демократією. Це вина тої політики, яку провадила Центральна Рада. Генеральний Секретаріят хоче центральної влади — однородної, соціалістичної. Він хоче її, федеральної. Очевидно, отже, що й Дон мусить дати йому соціаліста. Та чи той каледінський „соціаліст“ обстоюватиме інтереси робітників і селян? Це - ж знову буде та - ж сама коаліція, що стільки шкоди принесла робітникам, селянам і салдатам за сім місяців революції. Такий, заснований з допомогою Каледіна, центральний уряд, не передасть землі селянам, не дасть демократичного миру.

Ми будемо боротися з буржуазною політикою Центральної Ради за повний успіх революції. Але цей ультиматум ми вважаємо непорозумінням. Та частина

так как и в большом театре (оперном) ему было тесно. После него выступал Терлецкий от левых эс-эров, и весь левый блок покинул с'езд, об'явив, что оставляет с'езд, так как он подобран искусственно и не отражает настроения масс.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ С'ЕЗДА В ХАРЬКОВ

После оставления с'езда все ушедшие (их было человек 200) собрались на совещание в помещение Ц. Б. профсоюзов. На этом собрании было принято решение выделить советскую революционную группу, об'явить ее единственно полномочной и перенести с'езд в другое место Украины, где можно было бы рассчитывать на более благоприятную почву для установления соввласти.

На совещание в Ц. Б. явился вскоре и укр. с.-д. Медведев и сообщил, что их фракция раскололась и часть ее присоединяется к б-кам, чтобы вместе бороться за советскую власть на Украине.

По рассказам Медведева, ему почти что удалось на собрании фракции у. с.-д., воспользовавшись отсутствием ее вождей, провести резолюцию об установлении соввласти на Украине. Но неожиданное появление Винниченка, Порша и Речецкого сорвало его легкую победу. Делегаты, только что аплодировавшие его возгласам: „да здравствует Укр. Сов. Соц. Республика, да здравствуют украинские рабочие и крестьяне“ и подымавшие уже руки за его резолюцию, после раз'яснения Винниченка о „предательской“ роли Медведева, резко изменила ориентацию и провели резолюцию Винниченка. Тогда Медведев воскликнул: „кто за советскую власть — пусть идет за мной“. За ним вышли всего 4 человека.

російської соціал - демократичної партії більшовиків, що живе на Україні, впливе всіх заходів, щоб це непорозуміння закінчилося миром. Між російською й українською демократією не може бути ворожнечі“.

Христюк следующим образом комментирует это выступление.

„Таку позицію займала тут частина російської соц. - дем. партії більшовиків на Україні, яка, так чи инакше, почувала свою спорідненість з Україною. Більшість же цієї партії, під проводом великоросів, братів Пятакових, стояла на зовсім іншій позиції: вона зовсім не вважала ультиматум за непорозуміння і обстоювала весь спосіб озброєного розв'язання конфлікту“.

Из воспоминаний о первой Всеукраинской Конференции, состоявшейся до с'езда, в первых числах декабря, видно, что неизбежность вооруженного столкновения с Ц.Р. была тогда уже очевидна для всех большевиков работавших на Украине.

Примирительный тон речи Шахрая, по нашему мнению, об'яснялся, главным образом, тем, что ультиматум явился совершенной неожиданностью, что он ускорял наступление решительного боя, к которому наша партия в то время еще не была готова, а также теми трудностями, которые он вызвал в положении б-ков на с'езде, где большинство было настроено резко националистически и пользовалось каждым случаем, чтоб задуть голос большевиков, где поэтому крайне важно было доказать отсутствие всякой агрессивности в политике Сов. России.

Решено было перенести дальнейшую работу группы ушедших с радовского с'езда товарищей в Харьков, где переход власти к Советам произошел еще в ноябре, произошел бескровно, где Рада не имела опоры, а Советская власть чувствовала под собою крепкий рабочий фундамент.

Еще до переезда, в Киеве был намечен состав Всеукраинского ЦИК'а (Ц.И.К.У.). Было избрано из присутствовавших на с'езде человек 35, мест 15 было оставлено для Донецко - Криворожского с'езда, который как раз в это время происходил в Харькове.

Отправляясь в Харьков, делегаты чувствовали большую неуверенность и на улице и даже уже сидя в вагоне ждали ареста. Но Рада не додумалась до этого, да, пожалуй, и не знала, что из ее рук ускользает будущее Всеукраинское Правительство.

В ХАРЬКОВЕ

Как уже упоминалось, в Харькове в это время как раз происходил с'езд Донецко - Криворожской области. И приехавшие киевские делегаты влились в состав этого с'езда, который был объявлен 1-ым Всеукраинским С'ездом Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Но хотя это название и было принято, вопрос о создании Всеукраинского советского объединения и центра вызвал большие и бурные прения. Разногласия были не только между б-ками и с-рами, но и внутри самой большевистской фракции. И разногласия эти не изживались внутри фракции, а часто выносились на пленарные заседания с'езда к вящему удовольствию с-ров, м-ков и украинских социалистов.

В чем же состояли разногласия? Тов. Ауссем излагает их приблизительно следующим образом: „В Харькове“, рассказывает он: „состоялось (во время с'езда советов) два фракционных заседания.

На первом председательствовал тов. Артем и он же выступал по вопросу об организации Всеукраинского объединения. Отвергая необходимость Всеукраинской организации, он отстаивал образование Донецко - Криворожской Республики, стараясь подвести под это требование производственную базу.

Но это ему плохо удавалось. С другой стороны, к тому же выводу приходил т. Эпштейн (Яковлев), доказывавший кулацкую природу украинского крестьянства. А так как без поддержки крестьянских масс всякие попытки установить советский строй обращаются в авантюру, то нужно предоставить мелко-буржуазной Украине создавать себе власть по образу и подобию своему, а самим постараться спасти от рук мелко-буржуазного шовинизма Центральной Рады пролетарский Донбасс, тяготеющий гораздо больше к Москве, чем к Киеву“.

Ауссем и Бош, возражая противникам Всеукраинского объединения называли их политику — политикой страуса, так как смешно было надеяться, что присвоение угольно-промышленному району какого бы то ни было названия спасет его от притязаний Центр. Рады.

Относительно экономической независимости Донбасса от правобережной Украины, Ауссем указывал, что оторвать промышленную часть от селянской значит обезглавить Украину и создать, с одной стороны, искусственно чисто земледельческую область, с другой стороны — так же искусственно, чисто производственную, что это будет делом невыгодным для развития пролетарской революции на Украине.

Подчеркивая единомыслие Артема с м-ками, которые тоже отстаивали независимость Донбасса от Украины, Ауссем напоминал известную поговорку: если враги тебя хвалят — значит ты сделал плохо.

Путаница увеличивалась отсутствием определенных директив из Ц. К. б-ков. Была дана санкция харьковцам на образование Донецко-Криворожской республики и в то же время санкция на создание Всеукраинского объединения в целях общей централизованной борьбы с Центр. Радой.

Тов. Скрыпник несколько иначе объясняет спор между Киевом и Харьковом.

По его словам, выявление мелко-буржуазной природы Рады не было для Российского центра неожиданностью. Для того, чтобы ей нечто противопоставить и намечалось образование выделенной из состава Украины Криворожской и Донецкой Республики, как пролетарской части. И эта мысль до Октября имела определенно-революционное значение.

Ошибка харьковцев и донбассовцев состояла в том, что эту же мысль они перенесли и в послеоктябрьский период, когда возникла возможность противопоставить всю рабоче-крестьянскую Украину Центральной Раде.

Вторая причина разногласий заключалась в различии взглядов на основную опасность грозящую Советской Республике.

Донбассовцы вместе с Ленинградскими товарищами считали, что главная опасность, это Донская контр-революция, Каледин и казаки.

А Ц. Р., Ленинград рассчитывал нейтрализовать: ему было важно обеспечить с ее стороны хотя бы пассивное отношение к соввласти, чтобы иметь возможность все силы бросить на юг и закрыть каледицам проход с фронта через Украину на помощь южным силам. Так же относился к Каледину Донбасс, так как казаки представляли непосредственную угрозу для донецких рабочих, они их уничтожали целыми районами. Другое дело киевские товарищи, которые, естественно, направляли все свое внимание на Центральную Раду и видели в ней главного противника.

Так что здесь, согласно воспоминаниям тов. Скрыпника, получался не спор о единой, неделимой, защитниками которой, якобы, являлись левобережные товарищи, а спор о ходе развития революции на Украине и о том, где главный враг. Но как бы там ни было — съезд закончился провозглашением на Украине Советской Народной (Рабоче - Крестьянской) Республики и избранием Ц. И. К. У.¹⁾.

Одновременно, впрочем, был избран и Областной Комитет Донецко-Криворожской области. И эти два органа существовали фактически все время независимо друг от друга, и Донкривбасс Всеукраинскому правительству не подчинялся, хотя имел там своих представителей.

Ц. И. К. У. выделил правительство, которое не решилось назвать СНК, а воспользовавшись старым именем Правительство Центральной Рады Генеральный Секретариат назвал его Народным Секретариатом.

ОБРАЗОВАНИЕ ВСЕУКРАИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ ЕГО РАБОТ

Делегаты, прибывшие из Клева, не встретили особенно дружелюбного приема в Харькове.

По рассказу тов. Кулика, их поместили сразу в... каторжной тюрьме. „Нам отвели камеры, но там не топили и было страшно холодно. Не было света, в ужасном состоянии были умывальник, уборная...“

Когда уже организовалось правительство, отношение к нему Харьковской власти по-прежнему оставалось невнимательным. Народному Секретариату также не предоставили помещения, он сначала

---

¹⁾ В ЦИКУ были избраны следующие лица: 1) Александров, Аршак Семенович (б - к); 2) Анохин, 3) Артамонов, Николай Васильевич (б - к); 4) Сергеев (Артем), Федор Андреевич (б - к); 5) Ауссем, Владимир Христианович (б - к); 6) Бакинский, Сергей (б - к); 7) Бош, Евгения Богдановна (б - к); 8) Беленький (б - к); 9) Говриц, Александр (б - к); 10) Гухман (б - к); 11) Данилевский, Николай Степанович; 12) Загребальный, Петр Прокофьевич (б - к); 13) Иванов (б - к); 14) Кулик, Израиль Юделевич (б - к); 15) Лапчинский, Георгий Федорович (б - к); 16) Люксембург, Владимир Сергеевич (б - к); 17) Мартынов; 18) Медведев, Ефим Григорьевич (у. с - д); 19) Новиков, Андрей (б - к); 20) Острогорский (б - к); 21) Пятаков, Леонид Леонидович (б - к); 22) Пионтовский, Алексей Августинович (б - к); 23) Польдяев, Николай Иванович (б - к); 24) Решетько, Поликарп Васильевич (б - к); 25) Самбур, Иван Саввич 26) Сегал, Евсей Львович (б - к); 27) Сивков, Сергей Васильевич; 28) Силин; 29) Слуцкий, 30) Смоляков (б - к); 31) Емельянов (Сурик), Александр Васильевич (б - к); 32) Тарногородский, Николай Павлович (б - к); 33) Терлецкий, Евгений Петрович (л. с. - р.); 34) Тиняков (б - к); 35) Фиргер, Самуил Львович; 36) Цейгер, Альфред Иванович 37) Чупилка, Николай Иванович (б - к); 38) Шахрай, Василий Матвеевич (б - к); 39) Шелудько, Степан (б - к); 40) Шустров; 41) Эрлихерман, Исаак Львович (л. с-р).

Президиум сконструировался так: Председатель Ц. И. К. — Е. Г. Медведев, товарищи председателя: С. Шелудько, Н. В. Артамонов и П. В. Решетько. Секретарь — Н. С. Данилевский, товарищ секретаря — С. В. Сивков (без решающ. голоса).

ютился в здании Губисполкома, а затем решил сам принять энергичные меры для приискания себе достойной резиденции. Нар. Секретарь Юстиции т. Люксембург, вместе с одним из Нач. Красной Гвардии т. Беленковичем, отправились в бывшую редакцию Южного Края (Сумская, 5) и реквизировали ее для Рабоче-Крестьянского Правительства. В этой редакции помещалось и Управление Делами Секретариата и Редакция Органа Нового правительства „Вестник Украинской Народной Республики“, а первое время жили и члены правительства, пока не нареquisitionовали себе комнат по гостинницам.

Правительство сконструировалось следующим образом.

В состав Народного Комиссариата вошли:

По делам торговли и промышленности — Артем

По финансам — Владимир Ауссем

По внутренним делам — Евгения Бош

По международным делам — Сергей Бакинский

По судебным делам — Владимир Люксембург

По военным делам — Василий Шахрай¹⁾

По продовольственным делам — Эммануил Лугановский

По делам труда — Николай Скрыпник

По земельным делам — Евгений Терлецкий

По просвещению — Владимир Затонский

Управляющий Делами Секретариата — Георгий Лапчинский

Этот состав Народного Секретариата был выделен Ц. И. К. У. 17-го Декабря и опубликован в № 2 Вестника от 21-го Декабря.

Вскоре в правительство был еще введен Мартянов²⁾, в качестве Народного Секретаря почт и телеграфов. Шахрая, уехавшего для участия в мирных переговорах на Брестскую конференцию, заменил Юрий Коцюбинский. Тов. Кулик был назначен Заместителем Народного Секретаря по национальным делам. Редактором „Вестника Народной Украинской Республики“, правительственного органа, выходяв-

¹⁾ Василий Шахрай, б-к, занимавший с начала революции крайне националистическую позицию (на первой Всеукраинской партконференции, состоявшейся в Киеве в начале декабря 1917 года, он отстаивал создание совершенно самостоятельной Украинской соц.-дем. партии большевиков со своим ЦК) все дальше эволюционировал в этом же направлении, так что вскоре оказался за пределами партии. Впоследствии был близок к партизанщине, но активного участия в ней не принимал. Уехав на Кубань, он работал там редактором газет. Погиб при расправе Деникина с Кубанской Радой в 1919 г.

²⁾ Мартянов, впоследствии изменник, перешедший к Деникину и бежавший в Константинополь, уже и в 17-м году не пользовался хорошей репутацией, так как захваченный юнкерами в Чугуеве подписал отречение от советской власти. Был выдвинут, главным образом, вследствие влияния, которым он пользовался среди почтово-телеграфных служащих, настроенных в то время антисоветски. Наладить с ними отношения было чрезвычайно важно. — Мартянову удалось сломить их саботажи.

шего на украинском и русском языке, был Николай Николаевич Лебедев ¹⁾.

Наиболее активно работали в Народном Секретариате Бош, Ауссем, Скрыпник, Люксембург, Шахрай, Лапчинский. Артем на заседаниях почти не присутствовал. Бакинский все время раз'езжал. Затонский был в Ленинграде. Так что рабочее ядро было небольшое.

С назначением тов. Затонского Нар. Секретарем Освіти произошел курьез, который мог бы окончиться трагически. Дело в том, что Затонский не уехал из Киева на с'езд в Харьков: его задержал Киевский Комитет, так как в Киеве им совместно с Леонидом Пятаковым проводилась большая агитационная работа среди украинских воинских частей. И в один прекрасный день он с изумлением прочел свое имя в списке нового Советского правительства Украины, в „Вестнике Украинской Нар. Республики“. Несмотря на обостренные отношения между соввластью и Центральной Радой, связь между Киевом и Харьковом до наступления Муравьева оставалась свободной, сообщение сохранилось обычное—и пассажирское и почтовое. Тов. Затонский понял, что Народному Секретарю не следует оставаться во владениях украинского национализма и в тот же вечер выехал в Харьков.

А в сочельник за ним на квартиру явилась пьяная гайдамацкая орда. Если бы она его застала, тов. Затонский, несомненно, разделил бы участь Леонида Пятакова, взятого с квартиры в эту же рождественскую ночь и найденного через две недели расстрелянным на Посту Волынском.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ц. И. К. У. И НАРОДНОГО СЕКРЕТАРИАТА

Деятельность первого советского правительства Украины была очень недолговечна. Но в течение 3½ месяцев своего существования (с середины декабря 1917 г. до апреля 1918 г. — когда на Таганрогском совещании был ликвидирован Нар. Секретариат и выделена Повстанческая Девятка), оно прошло путь чрезвычайно богатый событиями. Деятельность Народного Секретариата можно разделить на 3 периода. Первый, Харьковский, когда Всеукраинское правительство представляло собой центр без периферии, штаб без армии, когда оно не имело ни территории, ни подчиненного ему населения, ни вооруженной силы. Но, начав с такого противоречивого и неопределенного положения Ц. И. К. У. в течение каких-нибудь 6-ти недель завоевал и территорию, и массу, и организовал вооруженную силу.

¹⁾ Николай Николаевич Лебедев — старый большевик, работал в первые месяцы революции в Киевском Комитете б-ков в качестве редактора „Голос Соц.-Демократа“, затем был назначен редактором Вестника, которым и оставался до эвакуации с Украины. После возвращения в 1919 г. был заведующим БУПом. Живя в чрезвычайно тяжелых условиях, не заботясь совершенно о себе, Николай Николаевич дошел до крайнего истощения. Случайная „испанка“ оказалась для него смертельной. Умер весной 1919 года в Киеве.

Эти успехи Ц. И. К. У. явились результатом того двойного процесса, который в декабре — январе происходил на Украине. С одной стороны отдельные города, рабочие центры путем внутренних, местных восстаний освобождались от власти Центральной Рады, разоружали и изгоняли ее войска, с другой — на Украину двигалась победоносная армия Советской России и занятые ею местности сразу входили во „владения“ Всеукраинского Советского правительства.

Этот процесс закончился взятием Киева войсками Муравьева совместно с восставшими рабочими — 26 января (стар. ст.) 1918 г. Правительство Рады эвакуировалось на Волынь, Нар. Секретариат и Президиум Ц. И. К. У. перевелся в Киев, где обрел, правда на очень короткий срок, действительную столицу, в которой он чувствовал себя хозяином положения.

Киевский период Нар. Секретариата продолжался всего 2 недели, пока Ц. Рада не получила в свое распоряжение германо-австрийских оккупационных войск. После эвакуации из Киева, Всеукраинское правительство стало правительством „на колесах“.

Проехав в течение месяца не малый путь Киев — Полтава — Екатеринослав — Таганрог, успев по дороге провести 2-й С'езд Советов — в Екатеринославе, оно растворилось в Повстанческой Девятке.

В этот третий период территория, подчиненная Нар. Секретариату сокращалась с той же быстротой, с какой она расширялась в январе. Естественно, что при таких условиях первое советское правительство Украины не могло провести серьезных и действительных преобразований в экономическом и общественном строе Украины.

Действительная советизация Украины началась лишь в 1919 году (после 2-го прихода Советской Власти). Но первые шаги первого советского правительства Украины, несомненно, имеют огромный исторический интерес. Не обладая достаточным материалом, чтобы дать сколько-нибудь исчерпывающий очерк деятельности Нар. Секр. в первый харьковский период его существования, мы все же считаем полезным опубликовать некоторые документы и эпизоды характеризующие этот период. (Документы эти были в свое время опубликованы в Вiстникe Укр. Нар. Республiки, но в настоящее время Вiстник представляет собой библиографическую редкость и доступен лишь отдельным лицам).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА НИЗЛОЖЕНА

31 декабря в „Вiстникe“ было опубликовано следующее об'явление:

От Народного Секретаря по Внутренним Делам Украинской Народной Республики 24 декабря 1917 года.

С'ездом Советов Рабочих, Солдатских и части Крестьянских Депутатов Украинской Народной Республики, контр-революционная Центральная Рада об'явлена низложенной.

Для управления Украинской Народной Республикой, Всеукраинским Съездом Советов, избран Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который выделил из себя Временное Рабоче-Крестьянское Правительство в лице Народных Секретарей Украинской Народной Республики.

Именем Рабочего и Крестьянского Правительства объявляю, что ни одно распоряжение, исходящее от низложенной Центральной Рады, не должно исполняться государственными учреждениями и организациями Украинской Народной Республики.

Исполнению подлежат лишь распоряжения, исходящие от организованного Всеукраинским Съездом Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Народного Правительства Украины.

Государственные и общественные учреждения и организации Украинской Народной Республики, нарушающие настоящее распоряжение будут объявлены врагами свободного народа Украины.

Народный Секретарь Внутренних Дел Е. Бош.

Секретарь Народного Секретариата А. Волков.

Дополнением к этому низложению Рады, является провозглашение Генер. Секретариата врагом народа („Вістник“ от 4 (17) января 1918 года).

Від Народного Секретаріату Української Народної Республіки.

Генеральний Секретаріат Центральної Ради, підтримує Каледіна та всіх російських контр-революціонерів в їх боротьбі проти Робітничче-Селянської Революції, національну ворожнечу між народами українськими, та намагається утворити буржуазну владу на Україні.

Іменем Української Народної Республіки, проголошуємо Генеральний Секретаріат Центральної Ради ворогом Вільного Українського Народу, закликаємо та й наказуємо всім вірним справі Робітничче-Селянської Революції військам боротись проти буржуазного Генерального Секретаріату Київської Центральної Ради та Каледіна. В тій боротьбі спільно з ними працюють представники Робітничче-Селянського Уряду Російської федерації.

Всі робітники та селяни, всі мешканці України повинні допомогати революційним військам Народного Секретаріату та військам Ради Народних Комісарів.

Народні Секретарі: Юрій Коцюбинський, Микола Скрипник, Володимир Люксембург, Юрій Липчинський, Євгенія Бош, Сергій Бакинський, Емануїл Лугановський, Володимир Ауссем.

Декларация нового правительства дана в Манифесте Ц. И. К. У., опубликованном 6 января 1918 года. Приводим его полностью.

Маніфест до всіх робітників, селян та солдатів України.

Товариші! Дружним напором робітників, солдатів та селян всієї Росії було скинено уряд народного обману, уряд Керенського. Все-російські З'їзди Робітничих, Солдатських та Селянських Депутатів, в яких приймали участь і Ради Робітничих, Солдатських та Селянських Депутатів України, утворили нову владу — владу народних низів, в особі Ради Народних Комісарів, яка є Робітничче-Селянським Урядом Російської Федеративної Республіки.

Тільки після цього могли здійснитись всі домагання робітників та бідніших селян. Негайно був виданий декрет про те, аби селянам було передано всієї землі зо всім інвентарем без викупу, не чекаючи скликання Установчих Зборів, про робітничий контроль над продукцією, та 8 годинний робітничий день, та декрет про мир. Тільки народня влада зуміла повести державу до миру, вартою революційного народу, лише вона встановила в війську виборний почин й зробила його чисто народнім.

Ці події Радянського уряду стрінули гаряче співчуття серед працюючих по всій державі, серед всіх народів, які входять в склад Російської Федеративної Республіки. Ради Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів, підтримують Раду Народніх Комісарів.

За те, капіталісти, дідичі (поміщики) та інші дармоїди, піднялися на страшенну боротьбу з робітничою та селянською революцією, обібравши для себе підпорою де-які частини фронту, потім Дон та нашу Україну. Від імени фронту заговорила Ставка, від імени Дону — Каледін, від імени України—Генеральний Секретаріят Центральної Ради.

Українська Центральна Рада, у виборах якої Ради Робітничих та Салдатських Депутатів не приймали ніякої участі, керовниками якої є такі соціалісти, яким був Керенський та його товариші по Тимчасовому Уряду (Центральна Рада, на одну третину була поповнена російськими меншовиками та соціалістами-революціонерами правими), ця сама Центральна Рада задумала перетворити Україну у буржуазну республіку та начеб-то національного самовизначення, відстояти інтереси капіталістів та чиновників (урядників) — як українських, так і російських — для яких робітничо-селянська революція несе остаточну погибель та знищення.

Центральна Рада відмовилась поширити на територію Української Республіки декрет про землю, який був виданий Всеросійськими З'їздами Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів при участі представників від Рад Українських; Центральна Рада замість робітничого контролю над продукцією змагалась встановити державний контроль, вона вела боротьбу з радами й пробувала в протилежність їм всю владу на місцях передати Міським Думам та Земствам.

Генеральний Секретаріят, роблячи навпаки розпорядженням верховного командування всеросійської армії, руйнував фронт й тим заважав успішному провадженню мирних переговорів, бажаючи, як це тепер виявилось, злоумисно затягнути війну до весни в інтересах французько-англійських капіталістів. Але, буржуазні керовники Ради, не тільки змагалися захистити українську та неукраїнську буржуазію від натиску працюючих класів, вони вчинили просто злочинство проти робітників та селян, вступивши в союз з наймитами буржуазії, з приятелем кадетів, з генералом Каледініним, котрий розганяв робітничі організації в Харківській та Катеринославській губерніях, війська якого складені були з ударників, юнкерів та обдурених козаків, які б'ють робітників та насилують їх дружин й дочок; підтримуючи Каледіна, вони заборонили пропускати через Україну революційні радянські війська, зрадницьки роззброїли їх в Києві та збирались втягнути українську демократію у братовбивчу війну з рештою Росії, намовляючи українських робітників, салдатів та селян на російських, брехливими запевненнями, що Рада Народніх Комісарів загрожує свободі України.

При таких обставинах 3-го грудня в Києві мусів відкритись Перший Всеукраїнський З'їзд Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів, який скликався Південно-Західнім Комітетом Рад... Керівники буржуазної Центральної Ради, при допомозі простого насильства й обдурень пошкодили роботам сього З'їзду, тоді більшість делегатів від Рад Робітничих та Салдатських Депутатів, а також частина селянських делегатів, з'єдналися, переїхали в Харків, де в купі з делегатами Рад Донецького й Криворізького Басейну й довели свої роботи до кінця.

Щоб знищити до-щенту злочинну політику Української Центральної Ради, яка мала сміливість діяти від імени працюючих мас України, З'їзд Рад знайшов необхідним взяти на себе всю повноту державної влади в Українській Народній Республіці. Обраному на З'їзді Центральному Виконавчому Комітетові Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів було доручено утворити нову владу — владу робітничо-селянську. Постановою З'їзду, Центральна Рада була позбавлена тих прав, які вона собі захопила; одночасно з тим, Генеральний Секретаріят Української Центральної Ради, тратить свою повновладність. Віднині урядом України є Народній Секретаріят, який призначається Центральним Виконавчим Комітетом Всеукраїнської Ради Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів.

З утворенням Робітничо-Селянського Уряду України, зникла небезпека тої кривавої боротьби, яку бажав викликати попередній Генеральний Секретаріят межі демократією решти Росії. Перше, що знайшов своїм обов'язком утворити Центральний Виконавчий Комітет — це звернутись до Ради Народніх Комісарів з заявою, що війни між Україною та всією Росією не може бути, що ту війну бажала тільки буржуазна Центральна Рада, але не українські працюючі маси.

Товариші робітники, салдати та українські селяни, завжди пам'ятайте, що нова влада, яку утворили ваші ради, буде міцною тільки тоді, коли ви її будете підтримувати.

Товариші робітники та салдати! Зміцнюйте владу своїх Радянських організацій в містах, та ведіть найрішучішу боротьбу проти всіх тих, хто буде перешкоджати тій владі.

Товариші селяни! Коли ви бажаєте, щоб земля на Україні, як і в усій Росії з усім інвентарем належала тільки до вас, щоб земельними справами відали тільки обрані вами Комітети, коли ви прагнете до того, щоб земля була вам передана негайно, а не тоді, коли на це згодяться дідачі (поміщики), котрих так щиро захищала Центральна Рада від самочинних захоплень, коли вам обридло чути від влади лише обіцянки, і коли вам потрібна чесна й тверда охорона ваших інтересів, — входіть у найтісніший зв'язок з Радами Робітничих та Салдатських Депутатів та разом з ними допомагайте новій радянській владі, виконувати її завдання. Пам'ятайте, що тільки в дружній спілці робітників, салдатів та селян перемога над капіталістами. Центральна Рада змагалася на З'їзді Рад розбити цей союз, та завдяки їй, представництво селян у Харкові було не досить повним. Центральний Виконавчий Комітет, в найближчій часі скликає 2-й З'їзд, та вживе всі заходи, аби селянські Ради були представлені якомога повніше.

Товариші робітники, салдати та селяни! Ваші представники закликали нас до влади. При вашім підтриманні, в тісній спілці з братами-робітниками, салдатами та селянами цілої Росії ми не

боїмося ніякого тягара, ми не кинемо своєї зброї, доки не виконаємо складених на нас З'їздом завдань, або доки новий З'їзд не замінить нас другими.

Хай живе Українська Робітниче-Селянська Республіка! Хай живе влада Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів! Хай живе соціалізм! Центральний Виконавчий Комітет Всеукраїнської Ради Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів.

АННУЛИРОВАНИЕ РАДОВСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Вслед за объявлением изложения Ц. Р. было вынесено постановление об аннулировании Законодательства Ц. Р. и в первую очередь ее финансовых предприятий.

„От народного секретаря по делам финансов Украинской Республики.

Украинская Центральная Рада и ее Генеральный Секретариат пытались внести расстройство в денежное обращение Российской Федеративной Республики, издавая распоряжение об обязательном приеме в качестве платежного средства облигаций 2-го военного займа и предполагая выпустить особые денежные знаки для Украинской Республики.

В связи с последним намерением, для обеспечения выпускаемых кредитных билетов, Генеральный Секретариат пытался заключить валютный заем во Франции, а также требовал от Совета Народных Комиссаров уплаты одной трети следуемых сумм за хлеб золотом. Несмотря на неудачу этих попыток и невозможность обеспечения выпускаемых кредитных билетов золотым фондом, Генеральный Секретариат тем не менее решил выпустить совершенно бесценные бумажные деньги, т. е. прибегает к самому грубому обману народа, не разбирающегося в тонкостях финансового вопроса и денежного обращения. При том же Рада противоречит сама себе, одновременно заявляя о передаче всей земли в руки крестьян и в то же время желая этой землей обеспечить свои денежные знаки.

Ввиду этого довожу до всеобщего сведения, что такие денежные знаки, выпущенные Генеральным Секретариатом, не должны приниматься к уплате. Должностные лица, нарушившие это распоряжение, будут немедленно увольняться со службы. Убытки государственной казне, причиненные приемом недействительных денежных знаков, будут относиться на их счет, а частные лица, сбывающие таковые, будут привлекаться к уголовной ответственности.

Местным Сов-там Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов поручается строго следить за исполнением настоящего распоряжения“.

Народный Секретарь по финансовым Дела

Владимир А уссе м.

Постановление Народного Секретариата Украинской Республики
20 декабря 1917 г.

Все распоряжения Украинской Центральной Рады и ее Генерального Секретариата, устанавливающие для Украины особые от всей Российской Федерации правила в области денежного обращения — отменяются.

Народный Секретарь по финансовым Делах
Владимир Ауссем.

Народный Секретарь, Управляющий Делами Секретариата,
Георгий Лапчинский.

БОРЬБА С САБОТАЖЕМ

Первой организацией Советской Власти на Украине пришлось встретиться с недоброжелательным, а иногда и враждебным отношением со стороны некоторых категорий рабочих. В частности пришлось выдержать значительную борьбу с почт.-телегр. служащими, которые по примеру ленинградских почтовиков ответили саботажем на объявление Советской Власти. Отражением беспорядков, происходивших среди почт.-телеграфн. служащих, являются следующие приказы по почтово-телеграфному ведомству.

Наказ № 4

Всім Начальникам округ, всім почтово-телеграфним комітетам, всім співробітникам пошти, телеграфу та телефону на Україні.

Маніфестом, який був виданий в грудні 1917 року, обраний Радами солдатських, робітничих та селянських депутатів Ц.В.К. прийняв всю повноту влади в свої руки і оголосив низложеною Центральну Раду та її Генеральний Секретаріат. В зв'язку з цим, наказую всім співробітникам ніяких наказів, виданих Генеральним Секретаріатом та Шаповалом, не виконувати.

Телеграм, що були видані Радою та її агентами, затримувати й надсилати до мене.

Прошу товаришів пам'ятати, що це мент рішучої боротьби. Всі хто буде підтримувати Київську Раду й не будуть виконувати цього наказу, будуть рахуватися зрадниками революції й України.

Всі службовці, які не виконують цього наказу, будуть зараз же звільнені з своїх посад, заарештовані і передані до революційного суду.

В. О. Народного Секретаря Як. Март'янов.

Обіжно

Наказ № 5

Страйковий Комітет м. Харкова (стоком) видав листа, де пропонувано було готуватись до страйку.

Цим оповіщено, як що почнеться страйк, або який активний виступ в цьому напрямкові, всі проводирі цього злочинства будуть

заарештовані й передані до революційного суду, а ті, хто піде за ними, будуть звільнені з посад і теж передані до суду.

Закликано всіх співробітників відповісти на цю провокацію спокійною енергійною працею на допомогу рідному краю й революції.

В. об. Народного секретаря Як. Мартянов.

Конфликт удалось ликвидировать путем организации Комитета Пятнадцати, выделенного из среды революционно настроенной части почтовиков и взявшего в свои руки руководство всей работой ведомства.

Чрезвычайно характерным является также и циркуляр Народного Секретариата, обращенный к железнодорожникам.

От Народного Секретариата Украинской Рабоче - Крестьянской Республики.

Народный Секретариат Украинской Рабоче - Крестьянской Республики, из имеющихся в его распоряжении сумм, отпускает Главному Исполнительному Комитету Юго - Запад. ж. д., 13.685.000 рублей с тем, чтобы эти деньги были израсходованы только на выдачу жалованья служащим, мастерам и рабочим Юго - Зап. дор. Народный Секретариат знает, что служащие, мастера и рабочие Юго - Зап. дор. до настоящего времени помогают заговорщикам из бывшего Генерального Секретариата производить перевозки частей для разгрома Советов (напр., подвоз Богдановского полка в Полтаву, „Куреня Смерти“ в Конотоп и Сосницю и т. д.) и вообще содействуют украинской и не украинской буржуазии вести открытую, в союзе с Калединым, вооруженную борьбу с Советской властью на Украине и в остальной России.

Зная все это, Народный Секретариат, тем не менее, считает возможным удовлетворять нужду товарищей железнодорожников, в твердой уверенности, что пролетарское чутье поможет им понять всю недопустимость их содействия контр - революционному заговору и подскажет им правильную линию поведения в этой борьбе между революционным пролетариатом и контр - революционной буржуазией и заставит их отказаться от этого участия в исполнении замыслов последней, которое они до сих пор принимали.

Народные Секретари: По Финансам — Владимир Ауссем. По Внутренним Делам — Евгения Бош. По Международным Делам — Сергей Бакинский. По Военным Делам — Василий Шахрай. Управляющий Делами Секретариата — Георгий Лапчинский.

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ И МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

30 декабря Ц. И. К. У. вынес следующее постановление по вопросу об участии Раб. - Крест. Правительства Украины в Брестских переговорах.

Центральный Виконавчий Комітет постановляє:

„Делегувати для участі в переговорах голову Центрального Виконавчого Комітету, тов. Ведмідєва й народніх секретарів: Затонського й Шахрая, яким доручити категорично заявити, що всякі

спроби Української Центральної Ради, виступати від імені Українського Народу, по суті є самочинні виступи буржуазних кол Українського населення проти волі й інтересів трудових класів України, і що ніякі обов'язки, які будуть прийняті Центральною Радою, не будуть визнані, ані Українською Радянською Владою, ані Українським Народом, що Український Робітниче - Селянський Уряд вважає Раду Народніх Комісарів, яко орган Всеросійської Радянської Влади, уповноваженим виступати від імені всієї Російської федерації і що делегація Українського Робітниче - Селянського Уряду, яка послана за для того, щоб скинути маску з самочинних виступів Української Ради, буде діяти в складі загально - російської делегації і в повній згоді з нею (додаток і мандат, виданий Народнім Урядом Української Робітниче - Селянської Республіки від 30 - го грудня 1917 року). Примітка: Народній Комісар освіти, Володимир Петрович Затонський, по дорозі захворів і тому не прибув разом з нами 21 січня 1918 року¹⁾.

Голова Центрального Виконавчого Комітету Всеукраїнської Ради Робітничих, Салдатських та Селянських депутатів Ведмідєв.

Народній Комісар по військовим справам Шахрай“.

Делегация отправилась в Брест и там вступила в переговоры с Российской мирной делегацией, которая незадолго перед тем признала право Центральной Рады на самостоятельное ведение переговоров от имени Украинского народа. В результате переговоров председателем Российской мирной делегации, тов. Иоффе, было разослано председателям всех представленных в Бресте делегаций следующее заявление:

„Надсилаючи при цьому копію одержаної мною заяви делегатів Робітниче - Селянського Уряду Української Республіки В. М. Шахрая та Е. Г. Ведмідєва і їхні мандати, я маю честь повідомити вас, що російська делегація в повній згоді з неодноразовим визнанням нею правом на вільне самовизначення за всіма народами, в тім числі, звичайно, і за українським, не баче ніяких перешкод до участі в мирних переговорах представників Робітниче - Селянського Уряду Української Республіки, і згідно з висловленим бажанням, включає їх в склад Російської мирної делегації, як уповноважених представників Робітниче - Селянського Уряду Української Республіки.

Доводячи про це до вашого відома, пане міністре, я прохаю вас прийняти запевнення в цілковитій моїй попані.

Голова Російської мирної делегації Іоффе“.

ВОЕННЫЕ ДЕЛА

Основа Червоного Казачества²⁾, первой ячейки Украинской Красной Армии, была заложена довольно оригинальным образом.

¹⁾ В действительности т. Затонский остался в Ленинграде по предложению т. Ленина в качестве представителя украинского советского правительства СНК РСФСР для осведомления Ц.К. по делам Украины, в которых, по рассказу товарища, тогда еще слабо разбирались.

²⁾ Самое название „Червоное Казачество“ было принято в противовес Вільному Казачеству Центральной Рады. Это последнее было прототипом фашистских организаций. Ядро его составляли: в городе буржуазная учащаяся молодежь, а на селе — кулацкие сынки и поповичи. Ц. Р. была вынуждена создать „вільне козацтво“, т. к. украинские воинские части или разошлись по домам или обольшевичились.

В Харківі стояв 2-й Запасний Український полк, в складі якого була невелика частина революційного елемента, більшість же налаштована шовіністически і антисоветески. Опіраючись на революційну групу солдат, Віталій Прімаков, тільки прибувший в Харків із Питера, з помістю харківського військового комісара Войцеховського, вирішив произвести роззброєння цього полку. Тов. Кулик наступним образом розказує об цій операції: „Ми з Віталієм Прімаковим ночували в кімнаті Ауссема, де була каса, і спали з винтовками. Середі ночі, надівши солдатські шинелі, ми пройшли в приміщення полку. Коли всі улеглися спати, дві роти, налаштовані на нашу користь, відкрили палюбу, стреляючи, головним образом, по вікнам пулеметної роти, відомої своїм шовіністическим налаштуванням. К двом годинам ночі прибув Войцеховський з броньованим автомобілем, і полк був обеззброєний без всяких жертв“.

Вірні советської влади, дві роти склали ядро полку червоного казачества, во главі якого став Віталій Прімаков.

Об утворенні червоного казачества був опублікований 31 грудня наступний наказ.

Центральний Виконавчий Комітет Всеукраїнських Рад Робітничих, Солдатських та Селянських Депутатів до всіх солдат-українців.

Товариші! Контр-революція виступила в відкриту боротьбу з Робітничо-Селянським Урядом Української Народної Республіки, бажаючи зірвати справу миру, змагаючись припинити революційний рух, котрий несе визволення всьому трудовому народові з-під панського ярма. В купі з заможним Донським козацтвом, на чолі якого стоять генерали Каледін та Корнілов і царський наймит Олексієв з Генеральним Секретаріатом Української Центральної Ради, помічники та капіталісти підняли прапор громадянської війни і розпалюють національну ворожнечу, бажаючи викликати братовбивчу війну між українцями та великоросами, аби розбити нашу сім'ю трудового народу і загасити пожежу революції нашою братерською кров'ю.

Для цього вони на Україні формують „курні смерті“ з обдурених солдат, юнкерів, які повтікали після жовтневого повстання з червоного Петрограду та інших міст, та з офіцерів, які покинули фронт і повтікали на Дон та на Україну рятувати буржуазію від революції; вони формують „білу гвардію“ з синків заможних панів та підпанків, для оборони панського майна, землі та фабрик від революційного руху міської та сільської бідноти. „Курні смерті“ та „біла гвардія“ розбивають Ради Робітничих та Солдатських Депутатів, як то було зроблено у Полтаві — ті самі Ради, що були утворені руками робітництва та сільської бідноти, аби захищати свої інтереси.

Для боротьби з озброєною силою буржуазії, ми мусимо поставити свою силу, силу революційного війська, котре зможе озброєною рукою підтримати революцію і зотре з лиця землі ворогів Українського трудового народу. Ми твердо ухвалили організувати такий революційний загін, котрий як один чоловік встане на боротьбу з контр-революцією на Донеччині та на Україні, ухвалили організувати такий полк червоного козацтва. Ми переконані, що всі, хто бажає

перемоги революційного руху міської та сільської бідноти над поміщицько-капіталістичною контр-революцією, хто не боїться смерти за землю і волю, мир і братерство трудового народу — всі, як один, підуть під наш червоний прапор в ряди червоного козацтва на боротьбу за визволення від панського ярма.

Всі, хто хоче боротися проти буржуазії і контр-революції, хто почуває себе вільним сином вільного народу Української Народньої Республіки — всі запишуйтесь у полки червоного козацтва.

Хай згинуть вороги трудового народу! Хай живе вільна Українська Народня Республіка! Хай живуть Ради Робітничих, Салдатських Депутатів! Хай живе соціалізм!

Народній Секретар Військових Справ Василь Шахрай.

Комісар по організації червоного козацтва В. Примаков.

Пополнив полк „Червоного Казачества“ некоторими силами из имевшихся в распоряжении Антонова-Овсенко (штаб Антонова-Овсенко — комиссара по борьбе с контр-революцией, имевшего специальное назначение по борьбе с Калединым, находился в Харькове), Примаков отправился через Полтаву в Киев. По дороге отрядом была установлена советская власть в Полтаве. Дальше части шли не встречая никакого сопротивления, пополняясь примыкавшими к ним отдельными солдатами, рабочими отрядами и крестьянами. Когда эта армия докатилась до Киева, то в составе ее вместо 400—500 человек, с которыми она вышла из Харькова, было до 3000 бойцов. Командование этой армией принял к тому времени уже Муравьев.

Одновременно стоявшая по жел.-дор. линии ст. Гомель—ст. Дочь 11-я Стрелковая Сибирская дивизия под командой Берзина, узнав о вспыхнувшем в Киеве восстании рабочих против Ц. Р., двинула свои части на помощь восставшим. Осада Киева началась с двух сторон: со стороны Киева и жел.-дор. моста наступали части 11-й стрелковой дивизии, и со стороны Слободки — так назыв. украинские части, Червонное казачество. После 5-тидневного артиллерийского обстрела, столица Украины была взята (в ночь на 26-е января ст. ст.).

Почти одновременно был взят Кременчуг отрядом под начальством Кулика и Беленковича.

Ц. И. К. У. мог почувствовать себя хозяином на Украине.

С. Ш.

К истории „Трехугольного боя“ в Киеве

(Октябрь — 1917 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемый ниже протокол заседаний комиссии по выработке условий прекращения военных действий относится к последнему дню Октябрьской борьбы в Киеве — 31 октября 1917 г.

Протокол довольно ясно выявляет своеобразную обстановку октябрьского переворота в Киеве.

На комиссии присутствуют представители трех борющихся сторон: Ц. Рады, Штаба Округа (представляющего Временное Правительство) и Революционного Комитета Совета Рабочих Депутатов (представляющего восставших рабочих).

Городская Дума разыгрывает нейтральность. Совет Солдатских Депутатов представляет свои компромиссные условия.

Центральная Рада выявляет уже совершенно откровенно стремление захватить в свои руки власть, отнятую у представителя Временного Правительства и Штаба восставшими рабочими и солдатами.

Представители Ревкома держатся очень осторожно, обходят вопрос об органе власти и стараются лишь обеспечить освобождение арестованных большевиков (накануне восстания юнкерами был арестован комитет б-ков почти в полном составе и несколько ответственных товарищей, находившихся во время налета юнкеров в помещении комитета) и фактическую ликвидацию Штаба: арест комиссара Временного Правительства Керенского, расформирование офицерских и юнкерских частей и вывод из города тех частей, которые были вызваны с фронта на помощь Временному Правительству (чехо- словаков).

Тов. А. Иванов в своих воспоминаниях (№ 1 Летописи Революции) рассказывает, что все поведение представителей Ревкома на Комиссии было продиктовано военной хитростью. Стрельба около Штаба, заставившая комиссию вынести постановление о немедленном освобождении арестованных, была инсценирована Ревкомом с удавшимся расчетом взять соглашателей „на испуг“.

Сейчас же после освобождения арестованных, сидевших в помещении Штаба, Ревком пред'явил ультиматум Штабу о сдаче, так как

явилась полная возможность начать артиллерийский обстрел Штаба: этот обстрел уже не угрожал жизни взятых в плен лучших товарищей. Но ультиматум не пришлось приводить в исполнение: Штаб сам снялся и выбыл „в неизвестном направлении“ еще до окончания заседания.

На следующий день киевляне были свидетелями „великого исхода“ юнкеров и чехо-словацких частей, отказавшихся бороться с восстанием и против Ц. Р. Этот отказ объясняется в значительной мере тем, что руководителям Ц. Р. удалось сагитировать чехо-словаков и доказать им национально-освободительный характер восстания.

Власть перешла к Ц. Р., которая должна была (см. параграф 17) действовать совместно с городским самоуправлением и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

Городская Дума, состоявшая из меньшевиков и эсэров, очень быстро приспособилась к Раде, но совместной работы с Советом наладить так и не удалось, и вслед за октябрьским разразилось январское восстание.

ПРОТОКОЛ

заседания Комиссии „по выработке условий прекращения военных действий в гор. Киеве“.

Председательствовал т. Григорьев 1 (Председ. С.С.Д.).

При секретаре т. Марченко Н.

Присутствовали члены Комиссии ¹⁾:

1. От Всероссийской Центральной Рады	т. Шаповал (У. с. - д.)
2. „ „ „ „	„ Ткаченко (У. с. - д.)
3. „ Всеукраинской Рады Войск. депутат.	„ Лисенко
4. „ Укр. Войск. Генер. Комитета	„ Курявый
5. „ „ „ „	„ Вротновский- Сивошанко
6. „ 3 Всеукраинск. Войск. Съезда	„ Лорченко
7. „ Президиума Совет. Солд. Деп.	„ Иванов 1.
8. „ „ „ „	„ Пискун
9. „ „ „ „	„ Дрига
10. „ „ „ „	„ Стаценко
11. „ „ „ Раб. Депут.	„ Урецкий
12. „ Искомитюза (Исп. к-та юго-зап. фронта)	„ Ружейников
13. „ Комиссариата Времен. Правит.	„ Григорьев 2
14. „ „ „ „	„ Василенко
15. „ „ „ „	„ Цубербилер
16. „ Команд. Войск. К. В. О.	„ Добожанский

¹⁾ В скобках — примечания редакции.

17. От Казачьего с'езда	т. Назаров
18. „ Киевской Город. Думы	„ Дреллинг (м-к, тов. пред. Гор. Думы)
19. „ „ „ „	„ Фрумин (правый эсэр)
20. „ Революцион. Комитета	„ Иванов 2 (Андр. Иванов, б-к, пред. ревкома)
21. „ „ „ „	„ Кошелев
22. „ „ „ „	„ Друзякин
23. „ Центр. Бюро Профес. Союзов	„ Фарбман (большевик, пред. Ц. Б. профсоюзов, член к-та б-ков)
24. „ Украинск. фракции С. Р. Д.	„ Паламарчук
25. „ Фракции Укр. С.-Р. при С. С. Д.	„ Назаренко
26. „ „ „ С.-Д. при С. С. Д.	„ Марченко П.
27. „ Фракции С.-Р. при С. Р. Д.	„ Верле
28. „ „ С.-Р. при С. С. Д.	„ Скловский
29. „ „ С.-Д. при С. С. Д.	„ Каспариян
30. „ „ С.-Д. при С. Р. Д.	„ Овчаров
31. „ „ С.-Д. больш. при С. С. - Д.	„ Васильченко
32. „ „ С.-Д. „ „ С. Р. Д.	„ Фиалек (рабочий - поляк Гл. Думы от б-ков).
33. „ „ С.-Р. максим. при С. С. Д.	„ Ильин

Заседание Комиссии открывается Григорьевым 1 в 17 ч. 25 м.

Слушали:

Предложение тов. Григорьева 1 о выяснении условий сторон.

Постановили:

Предложение принять. Сторонами предложены следующие условия: А) Условия Представ. Центр. Рады: Центральн. Рада, гарантируя спокойствие в крае и городе, считает, что все гражданские власти должны ей подчиняться. Военно-оперативная часть Командующего Войсками остается в прежней зависимости от распоряжения Ставки; в части охраны порядка и революции Ц. Р. требует:

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

1. Полный контроль над штабом Округа в лице особого Комиссариата.

2. Освобождение большевиков.

3. Переведение города на мирное положение.

4. Расследование событий, имевших место во дворце.

5. Вывод из Киева тех частей войск, которые были введены в город в связи с событиями.

Б) Условия представителя Революционного Комитета :

1. Освобождение большевиков.

2. Разоружение частей, принимавших участие в разгроме дворца.

3. Замена охраняющих город частей частями, указанными Комиссией.

4. Разоружение офицерской роты

5. Арест И. И. Кириенко. (Комиссар Врем. Правит.).

В) Условия Представит. Совета Солдат. Депутатов :

1. Реорганизация Штаба.

2. Освобождение большевиков.

3. Вывод из Киева тех войск, которые были введены в город в связи с событиями.

4. Занятие правительственных учреждений войсками, указанными Комиссией.

5. Контроль над деятельностью Штаба.

6. Расформирование офицерских и добровольческих рот.

7. Назначение следственной комиссии.

Г) Условия Представителя Комиссариата.

1. Власть в городе по охране его передается Городскому самоуправлению, при чем вся ответственность

Слушали:

II. Внеочередное заявление тов. Иванова 2: Об опасности самосуда над арестованными большевиками ¹⁾.

III. О порядке рассмотрения условий, предложенных сторонами.

IV. Внеочередное заявление Представителя Рев. Комитета о

Постановили:

за общее положение дел и безопасность населения и имущества как казенного, так и частн. ложится на Генер. Секретариат, как орган Времен. Правит. в гражданском управлении края.

2. Штаб Округа, Воен. и гражд. Комиссары, войска, верные Врем. Правит., и отдельные военные служащие, желающие уйти с полным вооружением, снаряжением и оружием, выходят из города и располагаются в тех местах, где найдет нужным командующий войсками Округа.

3. Все руководство военными силами Округа принадлежит Комитету войсками при содействии Комиссара К. В. Округа и помощн. Комиссара Ю. - З. фронта.

4. Все общественные и военные организации г. Киева обязаны оказывать полное содействие Времен. Правительству.

II. Освободить арестованных.

При голосовании этого пункта представит. Комиссариата и штаба Округа остались при особом мнении. Освобождение арестованных находится в связи с принятием Комиссией общего постановления. Реализацию настоящего постановления произвести в общем порядке рассмотрения очередных вопросов.

III. В первую очередь рассмотреть условия, предложенные в пункте Г.

IV. Поручить тов. Иванову 2 и Друзякину немедленно освобо-

¹⁾ Казаки и юнкера, охранявшие арестованных б-ков, угрожали взорвать их, бросив бомбу в помещение арестованных.

Слушали:

немедленном освобождении арестованных б-ков (заявление вызвано поднявшейся на улице стрельбой и известием, что Штаб Округа подготавливает нападение).

V. Пункт 1 условий Г.

VI. Предложение т. Марченко Н. об изменении порядка, принятого в параграфе 3 настоящего протокола.

VII. О Комиссии при Штабе К. В. О.

VIII. О назначению следственной Комиссии по расследованию происшедших событий.

IX. О переводе города на мирное положение.

X. Об уводе из Киева войск.

XI. О разоружении частей войск.

Постановили:

дать арестованных обеими сторонами; арестованные обеих сторон должны быть немедленно освобождены и приведены в нейтральный пункт, каковым избран дворец.

V. Ввиду отсутствия представителя Революц. Комитета, вопрос после дебатов голосованием не подввергать.

VI. Ввиду отсутствия представителя Революц. Комитета обсуждать вопросы второстепенной важности.

VII. Считать, что и разрешение вопроса о взаимоотношениях гражданской и военной власти будет найдено в создании „Особой Комиссии при Штабе Округа“.

Утвердить следующий состав Комиссии:

- 1 Предст. от Центр. Укр. Рады;
- 1 „ „ Войск Ген. Комит.;
- 1 „ „ Всеукр. Рады Войск Деп.;
- 1 „ „ Гор. Самоуправлен.;
- 1 „ „ Сов. Солд. Депут.;
- 1 „ „ Сов. Рабоч. Депут.;
- 1 „ „ Искомитюза.

VIII. Организовать следственную Комиссию. Состав Комиссии таков, как и состав „Особой Комиссии при Штабе Округа“.

IX. Перевести город на мирное положение в смысле уничтожения чрезвычайных мер охраны.

X. Вывод войск, пришедших в Киев в связи с событиями, произвести немедленно, в зависимости от провозоспособности дорог; в случае высказанного ими желания отправить временно на фронт.

XI. Общего разоружения не производить.

Слушали:

XII. О расформировании офицерских и добровольческих отрядов.

XIII. Внеочередное заявление представ. Гор. Думы о готовящемся на Подоле погроме.

XIV. О замене юнкерских караулов.

XV. Об аресте Кириенко.

XVI. О реорганизации Штаба.

XVII. Пункт 1 Группы Г.

XVIII. Внеочередное заявление тов. Григорьева 2, с оглашением полученных им ультиматумов от Революционного Комитета.

Постановили:

XII. Все офицерские и добровольческие отряды немедленно расформировать.

XIII. Поручить Комиссии „По принятию мер охраны“ принять надлежащие меры.

XIV. Юнкерские караулы должны быть сменены в первую очередь, в общем порядке перевода города на мирное положение.

XV. Ареста не производить.

XVI. Признать необходимой реорганизацию Штаба Округа и перемены в личном составе его в смысле демократизации; реализация настоящего постановления производится Комиссаром юго - западн. фронта по соглашению с Комиссией, организованной при Штабе.

XVII. Полнота власти по охране города возлагается на Укр. Центр. Раду, действующую совместно с органами городск. самоуправления и Советами С. и Р. Д.

XVIII. Текст первого ультиматума:

Военно - революционный Комитет гор. Киева предлагает Штабу сдать к 1 часу ночи с 31 окт. на 1 ноября, в противном случае, ввиду отяжки делаемой Штабом, открываем действия. Председатель (подпись), Секретарь (подп.) Печать: „Солдатский Комитет 3 Авиацион. парка“. 31 окт. 1917 г. 11 час. ночи.

Текст второго ультиматума:

Комиссару Григорьеву. Военно - Рев. Комитет предлагает Штабу и Вам сдать к часу ночи с 31 окт. на 1 ноября. Председатель (подпись) Секретарь (подпись). Печать: „Солдат. Ком. 3 Авиацион. парка“.

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

Ультиматум передан тов. Григорьеву 2 в 24 часа 5 мин.

Тов. Иванов 2 раз'яснил, что ультиматум принят без его ведома.

Тов. Друзякин раз'яснил, что ультиматум принят с его ведома, но против его желания.

Представители: Укр. Войск. Ген. Ком. Всеукраинской Рады Войск. Депут., Казачьего С'езда, Сов. Солд. Деп. и др. высказали горячие и страстные протесты, с указанием тех реальных мероприятий, к которым они, представители, прибегнут, в случае продолжения пред'явления ультимативных требований договаривающимися сторонами. Т.т. Иванов и Друзякин делегированы Комиссией для переговоров с Рев. Комит.

XIX. Предложение тов. Иванова 1 о немедленном избрании представителей в Комиссию при Штабе.

XIX. Избрание временной Комиссии в составе:

1) От Центральной Укр. Рады т. Лисенко;

2) От Войскового Комитета тов. Курявый;

3) От Всеукраинской Рады В. Д. т. Лорченко;

4) От Городской Думы т. Скловский;

5) От С. С. Д. т. Григорьев 1;

6) От С. Р. Д. т. Урецкий¹⁾.

XX. Предложение т. Григорьева 2 об установлении и связи между правительственными и украинскими частями.

XX. Поручить установление связи т. Лисенко.

XXI. Заявление тов. Иванова 2 о том, что пред'явленный ультиматум явился следствием недоразумения, основанного на непроверенных случаях, и отменен.

XXI. Затребовать письменное удостоверение об отмене ультиматума.

1) В комиссию не было избрано ни одного большевика (прим. ред.).

С л у ш а л и :

XXII. Слушали письменный ответ
Рев. Комит. об отмене ультиматума.

XXIII. Пункт 2 условий группы Г.

XXIV. Внеочередное заявление
Григорьева 2 о том, что войска,
призванные Штабом, отказались
повиноваться и покинули город;
в связи с их уходом, Штаб экстренно
выехал в неизвестном направлении.

Заседание закрылось в 4 часа 50 мин. Подлинный подписали:
Председательствующий Комиссии М. Григорьев, Член Президиума
С. С. Д. П. Дрига, Председатель Городской Думы И. Фрумин, Председатель
фракции С.-Р. при С. Р. Д. Ф. Вэрле, Тов. Председателя
С. Р. Д. Урецкий, Председатель фракции С.-Р. С. С. Д. т. Г. Скловский,
Представитель от Комитета подпрапорщиков Кошелев, Представ.
Укр. Войск Ген. Комитета прапорщик Курявый, Представитель фракции
меньшевиков С. С. Д. Каспариян, Представитель из Комитюза
Ружейников, Секретарь Сов. Солд. Деп. Киевского Округа т. Иванов
Представитель Команд. Киев. Воен. Округа Ген.-майор Добржанский.
По всем пунктам, за исключением вопроса об охране города, остался
при особом мнении помощник Воен. Комис. Цубербилер. Присутствовал
Н. Григорьев. Присутствовал Васильченко, Чарнецкий, Назаров.
Присутствовал Представник від з Всеукр. війск. з'їзду Шт. Лорченко,
Иванов, Секретарь Комиссии Марченко.

С подлинным верно :

Тов. Председателя С. С. Д. (подпись).

На подлинном печать :

Комитет Депутатов Киевского Военного Округа.

П о с т а н о в и л и :

XXII. Текст ответа: „Военный
Революционный Комитет сим за-
являет, что он отсрочивает выпол-
нение требований, изложенных
им в ультиматуме, пред'явленном
Штабу КВО, впредь до окончания
переговоров, ведущихся с предста-
вителем Штаба. За Председателя
(подпись), За Секретаря (подпись).
Печать: „Солдатский Комитет з
Авиацион. парка“.

XXII. Считать перевод Штаба
из Киева в другой город невоз-
можным.

XXIV. Для обсуждения всех
вопросов, вытекающих из этого
заявления, перейти в Центральную
Раду.

Побег одиннадцати¹⁾

Описываемый побег замечателен не только по количеству своих участников, но и по обстановке, при которой он совершился (почти на виду у тюремного начальства). Смелость и вместе с тем простота замысла делают его совершенно исключительным. Кроме того, он счастливо нарушил долгое „воздержание“ от побегов, наблюдавшееся в Киеве. По подсчету генерала Новицкого, за четверть века, 1878 — 1902 г. г., из местной тюрьмы бежали пять раз — включая и последний. Первыми бежали в 1878 г. Дейч, Стефанович и Бохановский, сидевшие в Киевской тюрьме по Чигиринскому делу, — бежали, выведенные ночью на волю мнимым надзирателем Фроленко, поступившим для этой цели в тюрьму на службу и приобретшем доверие тюремного начальства.

Вслед за ними, год спустя, сделали попытку бежать — правда, неудачно, — Беверлей и Избицкий. Через сделанный уголовными арестантами подкоп под тюремную ограду они успели уж выбраться из тюрьмы, но, всего на расстоянии 400 - х шагов от нее, один из беглецов, Беверлей, был настигнут выстрелом часового и убит наповал; другого же, Избицкого, подоспевший караул тотчас задержал во рву за тюрьмой.

В 1882 г. бежали дважды: сначала Василий Иванов (народоволец — впоследствии Шлиссельбургский узник), которого, по примеру Фроленко, вывел из тюрьмы начальник военного караула, поручик Тихонович, позже — Владимир Бычков, опять - таки с помощью надзирателя, подставившего ему плечо, чем дал возможность беглецу взобраться на тюремную ограду и спрыгнуть по ту сторону ее. (Через несколько лет Бычков был опознан в Томске и задержан, но при аресте застрелился).

Пятым — через 20 лет — был побег одиннадцати, который назван Новицким „массовым, какого не бывало“.

---

¹⁾ Побег одиннадцати освещен частично в воспоминаниях Нетесина (сбор. „Каторга и Ссылка“ Киевск. об - ва политкаторжан) и в воспоминаниях Бобровского Баумана (сб. „Братская могила“ и „Пролет. Рев.“ № 9). Настоящий очерк, составленный по материалам судебных и административных органов, рисует знаменитый побег в разрезе тюремной обстановки и дает отражение этого события в жанрдармско - следовательском мире.

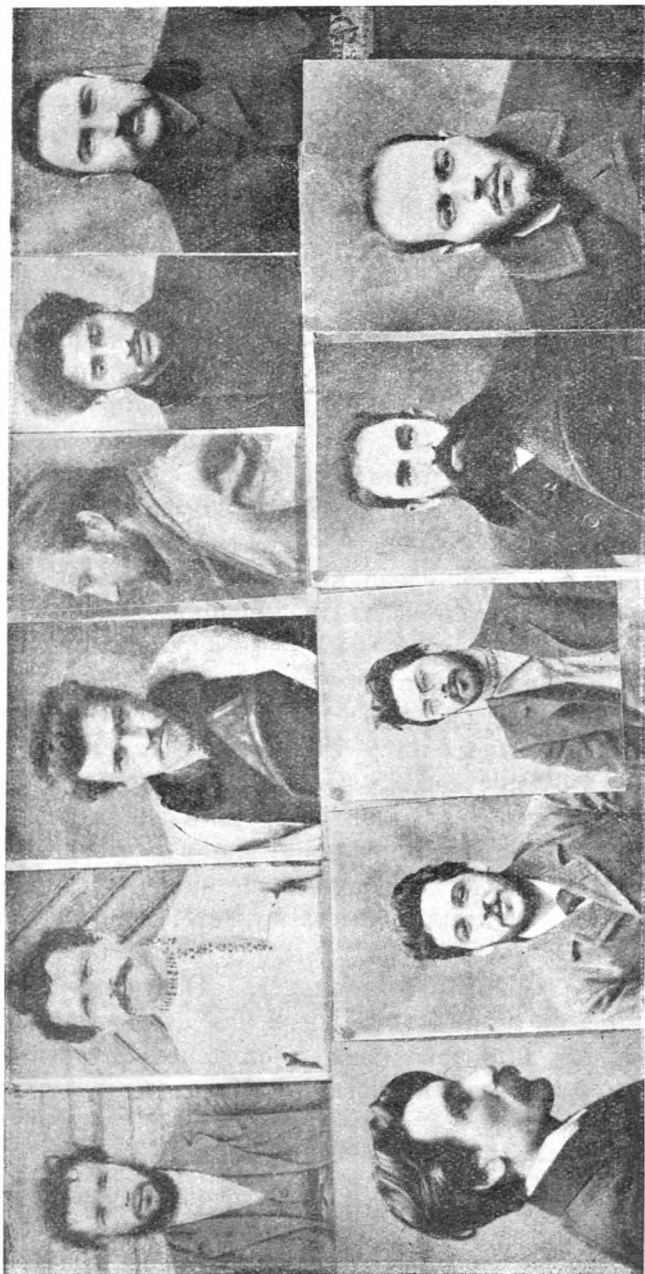
Для составления очерка использованы след. материалы: 1) Дело б. прокурора Киевск. Суд. Палаты. 1903 г. № 415, 2) Дело б. Киевск. жанд. упр. за 1902 г. № 47 и3) Дело б. Киевск. губернатора за 1902 г. № 169.

... Был он совершен 18 августа 1902 года, в 8^{1/4} ч. вечера. Политические заключенные находились тогда в т. н. „прогулочном“ дворе, слабо освещенном одним только тусклым фонарем: вечер, к тому же, выдался темный и ненастный. „Прогулочный“ двор граничил с внешним миром двумя высокими каменными стенами; изнутри же он окаймлялся стеной тюремного здания, и в ней один из входов вел непосредственно в мужское политическое отделение. Таким образом, из него заключенные быстро попадали во двор, и последний кишел ими, что облегчало за шумом возможность незаметно подготовиться в решительную минуту. В конце двора, у фонаря, стоял одинокий часовой, со своего поста наблюдавший за всем, что происходило впереди него.

Бывшие на прогулке политические заключенные затеяли игру в городки (по справедливому мнению Новицкого — для отвода глаз). Чтобы убрать со двора тюремную администрацию — исключая, конечно, часового, с присутствием которого нужно было мириться, но который был бы обезврежен другим способом — помощник начальника тюрьмы, Сулима, заведывавший политическим отделением, был позван к заключенному Петренко, якобы для переговоров о кассовой книжке, которую Петренко должен был получить. Петренко в ту минуту тоже находился во дворе и, как потом припоминал в своих показаниях Сулима, был очень взволнован. Он сразу повышенным тоном стал выражать свое неудовольствие из-за неполучения кассовой книжки и, идя вместе с Сулимой, в запальчивости разговора, все как-то становился перед ним, будто преграждая ему путь. А Сулима направлялся к часовому... Ничего не подозревавший в ту минуту Сулима, желая прервать об'яснение с возбужденным Петренко, повернул обратно, снова в середину двора, где густели кучки гуляющих, но тут подбежал к нему политический староста Гурский и заявил, что его просит наверх, в здание, заключенный Банин. Сулима послушно направился туда, за ним — Гурский. Но на первом же этаже Гурский, словно вспомнив о чем-то неотложном, вдруг сказал:

— Ах, позвольте, я сию минуточку... — и повернул обратно. В то самое время, когда Сулима выслушивал Банина, удерживавшего его возле себя, с прогулочного двора совершен был побег.

К часовому Аверченко, по рассказу последнего, подошел политический Валлах, которого товарищи звали „папаша“, и схватил его за шею, а вслед за ним другие, человек шесть или больше, в одно мгновение накинули ему на голову одеяло, висевшее тут же на заборе, для просушки, повалили на землю, заткнули рот платками и, навалившись, держали в таком положении минут 6 — 10. Когда же Аверченко почувствовал, что его оставили в покое, он вскочил и, дико озираясь, успел увидеть пред собой в темноте неясные фигуры разбегавшихся по камерам заключенных. Тогда он выстрелил. Отор-

ОДИННАДЦАТЬ ТОВАРИЩЕЙ, БЕЖАВШИХ ИЗ КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ В 1902 ГОДУ

Верхний ряд, слева направо: 1. Мариан Гурский, 2. Валлах (Литвинов), 3. Владимир Бобровский, 4. Николай Бауман, 5. Иосиф Таршис (Пятницкий), 6. Иосиф Васовский.

Нижний ряд: Левик Гальперн, 2. Борис Мальцман, 3. Иосиф Блюмсфельд, 4. Виктор Крохмаль, 5. Болеслав Плещский.

вавшись, наконец, от Банина, Сулима, на неожиданный выстрел кинулся вниз, и мимо него, запыхавшись, пробежал кто-то из „политических“ (кто именно — Сулима в темноте не разглядел).

— Что там такое?.. — спросил Сулима.

— Да пустяки! — на ходу, скрываясь за поворотом лестницы, уронил ему тот. — Там стол опрокинули.

Сулима все же спустился вниз. На прогулочном дворе никого уже не было — один только Аверченко стоял на своем месте. А на большом дворе надзиратель Беспечный раскачивал „колокол“ - звонок, проведенный в надзирательскую комнату и приводимый в действие лишь в минуты тревоги. Сулима бросился к часовому, и тот прерывающимся голосом, взволнованный, стал рассказывать о совершившемся побеге и указывал на веревочную лестницу, переброшенную через стену.

Где же были остальные чины тюремной администрации?.. В тот день по тюрьме полагалось 4 дежурных: помощник начальника (Федоров), и 3 надзирателя; из них двое (Рудинский и Войтов) специально по политическому отделению. Но Федоров, закончив, по его словам, проверку и надеясь, что „политические“ тотчас же разойдутся, спокойно ушел пить чай домой (он жил при тюрьме); что до надзирателей, то один был занят в тюремной больнице, двое же других оказались в невеселом положении после побега. Оказывается, Рудинский был немного „выпивши“. Правда, он утверждал, что выпил дома, да и то лишь „сотку“, и чувствовал себя совершенно трезвым. Большую часть дежурства он стоял у входных дверей, наблюдая за прогулкой „политических“, но за несколько минут до побега его кто-то позвал наверх, открывать чью-то камеру. Еще в худшем состоянии был Войтов. Его долго не могли найти. В конце концов, он отыскался в камере одного из бежавших (Мальцмана), на кровати последнего, спящим лицом вниз, в полной форме, с револьвером. Камера оказалась запертой, ключей не было; нашли их, наконец, у ретирада. Когда Войтова стали поднимать с кровати, он так был пьян, что совершенно не держался на ногах, и трое дюжих надзирателей стали волочить его из камеры. Но Войтов отбивался и бормотал что-то бессвязное. Тогда его отпустили, он грохнулся наземь, и так как дело происходило у самой лестницы, то достойный страж покатился вниз по ступенькам, разбивая себе лицо. Его подняли и понесли в посетительскую, где он проспал до самого утра.

2. ПОРЯДКИ В ТЮРЬМЕ И ТЮРЕМНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

В 8 ч. 40 м. вечера того же 18-го августа Новицкий был извещен по телефону и. д. начальника тюрьмы Крамалеем о побеге, и на свои вопросы — сколько бежало... когда... каким образом... — получил неопределенный ответ.

— Еще неизвестно, как учинен побег и кто бежал, но много... Этот ответ Новицкий сообщил в своем обширном донесении в д-т полиции, с явной целью сразу же бросить тень на тюрьму.

Немедленно он дал знать о случившемся губернатору — тот, оказывается, ничего еще не знал — и прокурорскому надзору; отправил на Киевскую ж.-д. станцию одного из своих ротмистров; разослал депеши о поимке беглецов и, рассеяв по городу филеров и жандармов, поехал, в сопровождении двух своих офицеров, в тюрьму. Тут предоставим слово самому Новицкому:

„Отправившись с 2-мя своими офицерами на место, где арестованные совершили побег, я нашел... прогулочный двор освещенным одним лишь тусклым керосиновым фонарем, у которого стоял часовой, молодой младший тюремный надзиратель Аверченко, с избитым лицом. В конце прогулочного двора, недалеко от поста часового, находилась висевшая на тюремной ограде самодельная лестница, свитая из кусков тюремных простынь, с тринадцатью ступеньками, прикрепленная железной кошкой к тюремной ограде, высоту выше 6 аршин. Около лестницы висела, скрученная из простынь же, веревка с узлами, которая служила подпорьем при взбирании на лестницу. Ступеньки были не только из простынь, но также из ободов венского стула и кусков дерева... Затем я направился в тюремную контору, для установления личностей и числа бежавших, но по дороге встретил г. губернатора, с ним вместе обозрел место побега“.

Наконец, Новицкий попадает в тюремную контору, и тут пред ним раскрывается картина какой-то хаотической неразберихи:

„Я обратился (продолжает он) к г. тюремному инспектору Лучинскому и чинам тюремной администрации с просьбой дать мне список бежавших, но никто из них еще определенно не знал, кто именно бежал и сколько; причем Сулима заявил, что бежало 10, а Федоров уверял, что убежало 11. Кроме того, в поданной мне заметке о бежавших значилась фамилия „Беменерельд“, между тем, как такого политического арестанта, в действительности, нет и не было. Вследствие этого, чтобы установить точно, кто именно бежал и сколько, я распорядился о производстве фактической проверки всех политических арестантов... причем из 64 лиц (51 мужч. и 13 женщ.), состоящих по списку к 18 августа, оказались на лицо только 53, остальные 11, а именно: Иосиф Басовский, Николай Бауман, Иосиф Блюменфельд, Владимир Бобровский, Макс Валлах, Марьян Гурский, Левик Гальперин, Виктор Крохмаль, Борис Мальцман, Болеслав Плесский и Иосиф Таршис — бежали¹⁾“.

¹⁾ Сведения о революционной деятельности одиннадцати беглецов даны в конце статьи.

При производстве поверки было, между прочим, замечено следующее: в камерах, на подоконниках, были устроены из досок сиденья, для переговоров с политическими арестантами другого — противоположного — корпуса здания... Корридоры в политическом отделении были тускло освещены... и, чтобы делать отметку в списке, г. г. офицеры должны были обращаться к арестантам, чтобы они подносили к дверям свои лампы. Сулима, заведывающий специально „политическими“, когда подходил к камерам, то спрашивал арестантов, кто помещается в данной камере, так как он не знал даже, где и кто содержится; списка же, с обозначением, кто в какой камере находится, у него не было... Поэтому, когда встречалась поверявшим офицерам пустая камера, оставленная бежавшими, то капитан Сулима, чтобы знать, кто в этой камере содержался, обращался за справками в соседнюю камеру, к самим арестантам, при чем один из них сказал, что он не обязан знать, кто занимает соседнюю с ним камеру...

Проверявших сопровождал тюремный надзиратель Рудинский, который, как заметили офицеры, был выпивши, при чем на вопросы отвечал бессвязно и, отвечая ротмистру, титуловал его „Ваше Превосходительство“. Когда же ему было предложено зажечь лампы, так как нельзя производить проверку в темноте, то он ответил, что не знает, где они... „Всякую мелочь не упускает Новицкий в своем донесении; чтобы отчетливее представить картину беспорядка в тюрьме и усилить впечатление.

Но это еще не все.

„Тюремным начальством, в момент обнаружения побега арестантов и после него, никаких распоряжений, кроме сообщений по телефону властям, не было сделано, и оно ограничилось лишь легким осмотром места побега и стены с наружной стороны; тюремные надзиратели, находившиеся в наличности, для розыска, задержания, преследования бежавших высланы из тюрьмы не были, а только лишь два надзирателя были отправлены на вокзал, для сообщения о побеге арестантов ж.-д. полиции. Г. тюремный же инспектор Лучинский находился в конторе тюрьмы и никаких внутренних распоряжений не сделал, относясь совершенно спокойно и безучастно к делу побега; даже наличность арестантов не была проверена, тюремные надзиратели не были осмотрены; не были осмотрены не только камеры, но даже таковые не были охранены до прибытия судебного следователя... И когда я спросил, запирались ли корридоры и камеры после вечерней поверки на ночь, он ответил в присутствии офицеров, что — нет, не запирались, и арестованные гуляли и после поверки во дворе, часов до 9-10 вечера, о чем он только что узнал, а также только что узнал, что прогулки производились не по корридорам, как это было согласовано со мной, а все арестанты выпускались одновременно, вместе, из разных камер и корридоров...“

Мягкость тюремного режима для „политических“ сказывалась не только в этом. Корридоры и камеры, вообще, не запирались в течение целого дня, и заключенные пользовались свободой передвижения. По камерам они размещались сами и переселялись из одной в другую по своему усмотрению. О сооружениях на подоконниках для переговоров с противоположным корпусом уже упоминалось; кроме того, в камерах допускались на собственные средства столики, венские стулья, табуреты и пр. По словам одного из надзирателей (Гуковского), среди политических водились „запрещенные“ книги, и Крохмаль всегда читал своим товарищам заграничные газеты...

Вообще, в тюрьме они представляли собою некую колонию, вольно самоуправляющуюся, если только можно говорить о воле за тюремной решеткой. Был „староста“ (выборный, до побега — Гурский), который обходил все камеры „политических“, также женские. Он ведал пищей, особо приготовляемой для них на тюремной кухне, наблюдал за мойкой белья... — одним словом, брал на себя удовлетворение мелких, но насущных нужд тюремной повседневности. Заведывающим политическим отделением, капитаном Сулимой, поддерживались дружеские отношения — правда, определенной ценой. Новицкий аттестует его пред д-том полиции, как „совершенно испившегося водкой, трясущегося алкоголика, который получил место в тюрьме, благодаря протекции родного брата, Киевского врачебного инспектора“: „Капитан Сулима (продолжает Новицкий) представляет собой отпетого пропойцу; нужно было не мало удивляться тому, что ему могла быть предоставлена какая-либо должность, по его слабости к спиртным напиткам, а не только что специальное заведывание в тюрьме особым политическим отделением“.

И этой слабостью капитана Сулима пользовались... Тот же надзиратель Ситковский, прослуживший в тюрьме 12 лет, нелюбимый, по его словам, на „политической половине“ за то, что он все высматривал и ко всему прислушивался — этот Ситковский показывал, что видел не раз, как капитан Сулима пил с арестованными ром и коньяк. На прогулке он ходил с арестантами под руку и все разговаривал о чем-то; вообще он с ними „таскался“ и ему, Ситковскому, было обидно смотреть, что русский чиновник так „цапкается“ с политическими арестантами“. (Из показания Ситковского).

В вечер побега, когда Новицкий со своими офицерами обходил тюрьмы, какой-то надзиратель обратился к одному из ротмистров в таком заявлении:

— Что же, В-В-ие? Нужно было ожидать, что арестанты уйдут...

— Почему?

— Да так... Политические гуляют до 10 часов вечера и позже, с ними обращаются по дружески, и даже сам капитан Сулима у них на посылках.

И заключенные настолько освоились со своим положением, что, оказавшись запертыми после побега, они стали выражать неудовольствие, стучали в двери и звонили, и жандармское обследование тюрьмы шло под непрерывный неистовый звон по всем корридорам и громкие возгласы из камер:

— Долго ли нас будут держать запертыми?

Любопытно отметить, что Киевский тюремный режим или, как в своем донесении выражается Новицкий, „полное отсутствие законного порядка“; повидимому, представлялись не только местным явлением... Новицкий приводит следующий факт:

„В бытность мою“, рассказывает он: „в С.-Петербурге в мае м-це (1902 г.) я предшественнику В. Пр-ва (т.-е. прежнему д-ру департамента полиции Зволянскому)¹⁾... выразил опасения за возможные побеги арестантов из тюрьмы, на что получил от тайного советника Зволянского ответ в такой форме:

— Напрасно Вы беспокоитесь... Известно, что с тех пор, как тюрьмы перешли в ведение министерства юстиции, не только в киевской, но и во всех остальных тюрьмах порядок отсутствует“...

В Киеве дело „ухудшилось“ тем, что тюремная администрация не соответствовала, по мнению Новицкого, своему назначению. Его отзыв о капитане Сулиме я уже приводил; о начальнике тюрьмы Малицком, как раз накануне побега отлучившемся в Бердичев и вернувшимся лишь на другой день, Новицкий сообщает, что жена Малицкого имеет в Бердичеве большую торговлю железом, и начальник тюрьмы более занят железом, чем тюрьмой“.

Но этими обвинениями Новицкий не ограничивается. Он метит выше. Он не доверяет самому ревизору (Сементовскому), присланному из Петербурга для расследования побега, потому что и тот, еще в бытность свою киевским тюремным инспектором, проложил по либеральности своей дорогу подрыву дисциплины и порядка в киевской тюрьме. А что до Лучинского, тогдашнего киевского тюремного инспектора, то тот просто „неблагонадежный“ человек — по тем сведениям, какие о нем добыл Новицкий.

Выражая недоверие тюремной администрации, Новицкий стремился обвинить ее в пособничестве к побегу. И в этом направлении сначала велось следствие. Подбирались факты, доказывавшие невероятное предположение о том, что побег частично совершился еще до 18 августа, но был скрыт тюремной администрацией. В деле имеются показания жел.-дор. кассира, утверждавшего, что в 5 часов 18 августа, т.-е. за несколько часов до побега, лицо, в котором кассир, по пред'явлении ему фотографических карточек беглецов, опознал Тарпшиса, настойчиво требовало через головы ожидавших в очереди у кассы

¹⁾ В период побега директором д-та полиции был Лопухин, впоследствии сосланный в Сибирь, в связи с разоблачением Азефа.

проездных билетов, отказываясь даже от сдачи с 10 рублей, лишь бы получить их скорее. Поездная прислуга по тем же фотографическим карточкам опознала Крохмалю, Мальцману и Блюменфельду и показала, что лица эти ехали в Ковенском поезде 18-го августа, и часть их слезла на раз'езде Ирша, находящемся далеко от жилья и не имеющим никакого сообщения. А кондуктор Киево-Ковельской дороги сообщил, что опять таки 18 августа, днем, в поезд на ст. Киев сел какой-то неизвестный, в котором он опознал Баумана.

Все эти показания абсолютно лживы, так как из упомянутых нами воспоминаний известно, что Таршис после побега отправился на Слободку, где прожил еще несколько дней (см. сборн. киевского о-ва „Каторга и ссылка“, стр. 98), а Бауман еще целых две недели жил в Киеве на квартире у одного присяжного поверенного, а затем, сбрив бороду и преобразившись в шикарного барина, преспокойно отправился в Вильно (см. сборн. „Братская могила“, стр. 45).

Но следственные власти долго бились в противоречивых сообщениях и фантастических предположениях, пока решились отказаться от соблазнительной мысли, доказать участие тюремного начальства в побеге.

Правильное изложение обстоятельств побега дала листовка киевской кассы Красного креста, вышедшая 1 сентября.

Приводим ее в извлечении:

„18-го августа, в Киеве произошло значительное событие: из тюрьмы бежало 11 политических арестантов (перечислены их имена). Большинство из них сидело с февраля этого года, некоторые с апреля 1901 г., по обвинению в принадлежности к РСДРП или в доставке и распространении „Искры“; один из бежавших, Плесский, обвинялся в принадлежности к с.-р. Бежавшие имели свое основание ожидать, что еще многие месяцы их будут морить в тюрьме, пока Новицкий с друзьями прокурорами кончит т. н. „следствие“, где нет ни определенно-сформированного обвинения, где на место фактических улик ставятся показания подкупных шпионов... С каждым годом жандармерия удлиняет свои заключения, стараясь навсегда из'ять из жизни своих врагов. Естественно, что попавшие в тюрьму политические ставят своей первой задачей по возможности скорее вырваться оттуда, чтобы вновь вступить в ожесточенную борьбу с правительством... То же сделалось заветной мечтой 11 бежавших. Чуть не с первых дней заключения стали они обдумывать свой смелый план побега; один раз, казалось, все уже было готово: в назначенный день и час, в назначенных местах, уже ожидали свободные товарищи с лошадьми, как вдруг какое-то мелкое событие тюремной жизни чуть не погубило все дело. Попытку пришлось отложить на неопределенный срок. Каждый день план мог открыться, но, наконец, наступил счастливый вечер, когда его можно было осуществить“... Далее идет описание побега, уже известное читателям, и прокламация продолжает:

„Побег был обнаружен очень скоро после того, как последний из бежавших очутился на свободе. Была поднята тревога, вдогонку беглецам наугад полетели пули, выслана погоня... К счастью, Новицкий и многие другие жандармы были в этот вечер на какой-то свадьбе, где усердно служили Бахусу; лучшие сыщики были уже отправлены в Курск, для изображения толпы во время царского приезда, и, благодаря этим случайностям, погоня была организована много часов после побега. А между тем, беглецов за тюремной стеной поджидали их друзья и товарищи, доставшие им более или менее безопасное убежище.

В настоящее время многие из них находятся уже за границей, другие еще в России, где есть все основания надеяться, что сыщики Новицкого их не откроют...

Несмотря на смелость и находчивость беглецов, их побег был бы невозможен, если бы общество их не поддержало. Мы не говорим уже о товарищах и друзьях бежавших, оказавших им самую существенную помощь и непосредственно способствовавших их побегу. Но и более широкие круги общества — люди, никогда не знавшие ни одного из участников побега — проявили самое горячее сочувствие. Нашлись квартиры, которые охотно были предоставлены беглецам в первую же ночь, проведенную ими на воле, нашлись и деньги. Побег стоил значительных средств. По 100 руб. даны каждому бежавшему, пришлось купить для них костюмы, лошадей; все вместе обошлось, приблизительно в 2500 р. Несмотря на значительность этой суммы, большая часть была собрана в короткий срок... Сборы, направленные специально на побег, произвели дефицит в нашей кассе. А между тем, весьма вероятно, что некоторые из беглецов будут еще несколько недель нуждаться в нашей помощи. Но этого мало. Новицкий, видимо, желает заполнить пустое пространство, образовавшееся в тюрьме после побега... Взбешенный тем, что счастливо спаслись от него 11 человек, Новицкий жаждет найти теперь сообщников побега, чтобы хоть на них выместить свою злобу. Правда, у него нет никаких данных, но разве пред этим останавливается царское правительство. Мы можем, мы должны готовиться к тому, что тюрьма, на время освободившаяся, вновь наполнится жертвами жандармского произвола, безжалостно и бессмысленно выхваченными, по указанию любого шпиона или нелепой логики Новицкого и его помощников“...

3. В ПОГОНЕ ЗА БЕГЛЕЦАМИ

В то время, как в Киеве следствие билось над выяснением обстановки побега и виновности тюремной администрации — в это время далеко за стенами тюрьмы, по всем направлениям, шли розыски бежавших.

Уж в самый вечер побега, тотчас же после его обнаружения, жандармский ротмистр был на вокзале, разослал по всем линиям ж. д. депеши и в то же время приглядывался к садившимся в вагоны пассажирам. Филеры и жандармы были пущены и рассеяны по всему городу. Всем начальникам полиции Киевской губ. отправили печатные, секретные циркуляры, перечислявшие имена бежавших и предлагавшие „принять меры к розыску арестантов“; к циркулярам, конечно, прилагались и фотографические карточки. В свою очередь, полиция разослала „всем губернаторам, градоначальникам, обер-полицейстерам и проч. и проч.“ приметы всех беглецов и характеристику их революционной работы, где, опять таки, предлагалось принять „все зависящие“ меры.

До 30-го августа поиски были безрезультатны. Но в этот день, в 8 час. вечера, получилась из Кременчуга шифрованная телеграмма на имя Новицкого:

„Сегодня задержан с подложным паспортом назвавшийся Болеславом Михайловым Плесским, бежавший из киевской тюрьмы 18-го августа. Прошу указаний. Подполковник Масслитин“. Новицкий немедленно ответил:

„Препроводите Киев мое распоряжение“.

Плесский был задержан в Кременчуге при следующих обстоятельствах. Пристав 11-ой части, обходя рано утром (30/VIII) ночлежные номера у паровой пристани, обратил внимание на молодого человека в студенческой тужурке, показавшегося подозрительным и странным неодинаковым цветом своих волос: они были черного цвета, но местами явственно отливали рыжим оттенком. Задержанный приставом неизвестный пред'явил паспорт на имя Ивана Шафранского и объяснил, что едет из Бобруйска и направляется в Полтаву к своему товарищу-студенту. При тщательном осмотре паспорт оказался с подчистками, или, как констатирует протокол, „в нем видны были следы иной, как бы вытравленной рукописи“. Кроме того, Шафранский заявил, что он студент Одесского университета, а по паспорту значился слесарем. Неизвестный был доставлен в местное жанд. управление и тут, пред неминувшей угрозой все равно быть узанным, объяснил, что он в действительности Болеслав Плесский. Он отказался дать какие-либо объяснения относительно подробностей побега, но согласился отвечать на отдельные вопросы касающиеся его лично: Показания Плесского, неполные по весьма понятной причине, не внесли нового в установленную уже картину побега. По условленному сигналу он бросился бежать к концу „прогулочного“ двора, где была в ту минуту лестница на тюремной стене. Он спустился по ту сторону ее и бежал через огород, прилегающий к стене, и дальше через овраг, по направлению к городу, в который вошел каким-то переулком. Там сел на извозчика. В течение 11 дней был в Киеве, оттуда направился в Кременчуг и

собирался дальше, через Полтаву, в глушь России, на восток. Чтобы изменить свою наружность, он купил студенческий костюм и выкрасил волосы сначала в рыжий цвет, но потом, из-за неудовлетворительности окраски, — в черный. Фамилия в паспорте принадлежала одному из его школьных товарищей, убитому на постройке Манчжурской ж. д. во время китайских волнений; паспорт он достал совершенно готовый и только расписался на нем.

Конечно, показания Плесского мало удовлетворили жандармов. „Он мог бы многое рассказать, если бы хотел“, грустно пишет в одном из своих „представлений“ по инстанции прокурор; однако, от Плесского нельзя было большего добиться.

И розыски продолжались. 20-го сентября 1902 г. судьба словно поддразнила ищущих: в их руках оказался не живой беглец, а не сколько писем его, выдержки из которых д-т полиции препроводил „для сведений и соображений“ в киевское жанд. управление. Письма принадлежали Валлаху и были адресованы его матери, в Белосток:

„I. 10 сентября 1902 г. Станц. Пенель.

Из Лодзи Вам сообщили, вероятно, как я распростился с Лукьяновским замком и с Россией (не навсегда). Известны Вам, значит, и некоторые подробности. Измучился физически и нравственно за эти дни, как никогда. Но близок отдых. Десять дней чувствовал над собой Дамоклов меч военного суда за побег. Теперь вне опасности. Поймете, что вследствие усталости писать много не могу...

II. Берлин, 11 сентября 1902 г.

Дорогие, только что прибыл в Берлин, так что отдохнуть еще не успел. Пока чувствую себя счастливым. Довольны ли Вы? Прощайте, напишу через 2-3 дня о своих планах.

III. Берлин. 14 сентября.

Дорогие, извещаю Вас о своем здоровье и благополучии. В Берлине за три дня еще больше устал. Сейчас уезжаю. Пока не приеду в Швейцарию и не отдохну, писать подробнее не обещаю.

Через полгода, 24 марта 1903 г. российское консульство во Львове послало киевской прокуратуре требование удостоверить личность, изображенную на прилагавшейся фотографической карточке. То был Мариан Гурский, бежавший в числе 11 из киевской тюрьмы. Его задержали во Львове австрийские власти по ст. 66 своего законодательства¹⁾.

4. К ПРЕКРАЩЕНИЮ...

Итак, на седьмом месяце побега, при всех изощрениях Новицкого, несмотря на успехи следственных и розыскных органов, в их

¹⁾ К сожалению, нет возможности по имеющимся сейчас под руками материалам установить, о чем трактует эта статья и, следовательно, в чем австрийцы обвиняли Гурского.

руках были только: Плесский, случайно захваченный, несколько выдержек из писем Валлаха и Гурский, которого еще нужно было добыть из Австрии¹⁾.

В этом смысле министерство юстиции 10 апреля 1903 г. запрашивает прокурора судебной палаты, в каком положении дело о побеге 11, и не предполагается ли привлечь Мариана Гурского и других бежавших по обвинению в насилии над стражей (ст. 312 улож. о нак.) и, следовательно, предъявить требование о выдаче из Австрии Гурского. На этот запрос последовал любопытный ответ прокурора Окружного Суда от 8/V — 1903 г., который приводим целиком:

„Ознакомившись подробно с следственным производством по делу о побеге политических арестантов из Киевской Губернской тюрьмы, я пришел к заключению, что, несмотря на все принятые меры к выяснению обстоятельств, сопровождавших этот побег, вопрос о том, было ли в настоящем случае употреблено какое-либо против стражи насилие (курсив мой А. Г.), остается открытым. Не усматривая, вследствие этого, достаточных оснований для предъявления Мариану Гурскому и другим учинившим побег арестантам обвинения по ст. 312 улож. о нак. и считая расследование по этому делу исчерпанным, я полагаю, что оно должно быть направлено к прекращению... Считаю своей обязанностью присовокупить, что постановка этого дела на суд при сколько-нибудь сомнительных, нетвердых данных, с моей точки зрения, крайне нежелательна. Дела о побегах с насилием над стражей рассматриваются с участием присяжных заседателей, которые требуют от обвинительной власти точных и несомненных доказательств, и при отсутствии таковых выносят всегда оправдательные вердикты. Отсюда ясно, что в настоящем случае, сомнительном даже с точки зрения обвинительной власти, иного приговора, кроме оправдательного, последовать не может, что послужило бы только к торжеству Гурского и его единомышленников, которые к тому же, во время разбирательства, если бы даже оно и производилось при закрытых дверях, несомненно успели бы коснуться таких вопросов и предметов, которые огласке не подлежат (курсив мой А. Г.). Вменяю в обязанность также доложить, что если бы в настоящем случае Марианн Гурский и был привлечен к делу, в качестве обвиняемого по ст. 312 улож. о нак., то, в силу конвенции о взаимной выдаче преступников, заключенной между Россией и Австрией 3/15 октября 1874 г., не представлялось бы возможным войти с требованием об его выдаче (курсив мой А. Г.), т. к. по смыслу ст. 4-ой конвенции

¹⁾ Гурского удалось каким-то путем добыть из Австрии, как это видно из прилагаемой ниже справки Жанд. Упр.; в 1904 г. был арестован Крохмаль, и все почти бежавшие еще не один раз подвергались задержанию и заключению.

действие ее не распространяется на преступления государственные и правонарушения, обусловленные этими преступлениями“.

Этот голос благоразумия вместе с „заключением“ прокурора о направлении дела к прекращению, за необнаружением виновных, возымели свое действие, и 28-го января 1904 г. на имя прокурора киевской судебной палаты поступила бумага, по которой „по состоявшемуся между министерствами внутренних дел и юстиции соглашению, настоящее дело дальнейшим производством прекращено“.

5. КТО ОНИ БЫЛИ?

Что же собой представляли беглецы, так счастливо освободившиеся из царского застенка?

Это были все крупные революционеры, в подавляющем большинстве активные работники „Искры“, игравшие впоследствии значительную роль в революционном движении и, многие, боровшиеся в рядах большевиков. Мы приводим здесь извлечения из жандармских характеристик одиннадцати, с примечаниями редакции о их дальнейшей судьбе.

Вот эти сведения, помещенные в циркуляре Департамента полиции относительно розыска бежавших.

Басовский, Иосиф Борисович, кличка — „Дементьев“, родился 22 сентября 1874 года в Одессе.

В 1897 году привлекался при Одесском жанд. управ. к дознанию по делу „Южно-Русск. Рабоч. Союза“ и подлежал гласному надзору полиции вне столиц, столичных губерний, университетских городов и местностей фабричного района на два года. Водворен был на жительство в г. Кишиневе. В 1898 году привлекался вновь к дознанию при том же управлении по делу о пропаганде социал-демократических идей среди Одесских рабочих и подчинен надзору полиции на три года. Ввиду сего был водворен под гласный надзор полиции в гор. Харькове. Наконец, в 1902 году привлечен к дознанию в качестве обвиняемого при Киевском Губ. жанд. управ. по делу о преступной деятельности соц.-дем. группы „Искра“ и „Киевского К.-та Рос. Соц.-дем. рабочей партии“¹⁾.

Бауман, Николай Эрнестов, по прозвищу „Грач“, ветеринарный врач, родился 17 мая 1879 года в г. Казани.

Привлекался в качестве обвиняемого к дознанию по делу о С.-Петербургском „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“ и в наказание выслан под гласный надзор полиции сроком на четыре

¹⁾ Примкнув впоследствии к меньшевикам, Басовский играл видную роль в Екатеринославе, где был членом боевого стачечного комитета в 1905 г. Но вскоре после этого вышел из партии и подал на высочайшее имя прошение о перемене фамилии и звании почетного гражданина.

года в Вятскую губернию и был водворен в гор. Орлове, откуда 15-го октября 1899 года бежал за границу, где примкнул к революционной организации „Искра“, и в качестве делегата названной организации прибыл в Россию, но 11 февраля 1902 года арестован был в Задонске, Воронежской губ., а затем препровожден в г. Киев, для привлечения его к дознанию по делу о преступной деятельности соц.-дем. группы „Искра“ и Киевского К-та Рос. Соц.-Дем. Рабочей партии“¹⁾.

Блюменфельд, Иосиф Соломонов, родился 1 августа 1865 г. в городе Одессе. В 1884 году привлекался в качестве обвиняемого при Одесском Жандармском Управлении к дознанию по делу о революционных кружках, обнаруженных в гор. Одессе, и, как иностранный подданный, выслан безвозвратно из пределов Империи.

Проживая за границей в Берлине, примкнул к тамошней группе революционной организации „Искра“ (о Блюменфельде вспоминает, м. пр., Троцкий в своей статье о старой „Искре“—редакция). 6 марта 1902 года арестован на пограничном пункте Радзивилов с транспортом нелегальной литературы и препровожден в распоряжение Нач. Киевского Губ. Жанд. Управления, для привлечения к дознанию в качестве обвиняемого по делу о преступной деятельности социал-демократической группы „Искра“ и „Киевского Комитета Рос. Соц.-Дем. Рабоч. партии“²⁾.

Бобровский, Владимир Семенов, ветеринарный врач, родился 15-го октября 1893 года в Белгороде.

Привлекался в Москве к дознанию по делу группы интеллигентов-пропагандистов, но дело это в отношении Бобровского прекращено. 8-го ноября 1900 года привлечен к дознанию по делу „Харьковского Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии“, 5-го февраля 1901 г. был освобожден под особый надзор полиции и поселился в г. Киеве, где вновь привлечен при местном губернском Жанд. Управл. к дознанию по делу о преступной деятельности соц.-демократической группы „Искра“ и „Киевского Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии“³⁾.

Гальперин, Левик Хаймов, по прозвищу „Лошадь“, родился 3-го марта 1872 г. в г. Витебске.

В 1896 г. привлекался при Киевском Губ. Жанд. Управ. к дознанию по делу о противоправительственном сообществе, именующим

1) Примкнув на 2-ом Съезде к большевикам, Бауман активно работал до июня 1904 года в Москве, когда был снова арестован и сидел до октябрьских дней 1905 года. 17 октября он был освобожден, а на другой день во время демонстрации убит черносотенцами.

2) Блюменфельд принадлежал впоследствии к м-кам, жил большею частью за границей, где работал в социал-дем. группах содействия.

3) Впоследствии активно работал, как большевик, за границей, в Тифлисе и Москве. После побега еще много раз подвергался арестам. После 1917 года занимал ответственные посты в рядах РКП, умер в 1924 году в Москве.

себя „Союзным Советом Киевских Объединенных Землячеств“ и подчинен гласному надзору полиции в г. Астрахани на 2 года.

Ныне, т.-е. в 1902 г., вновь привлечен при Киевском Губернском Жанд. Управ. к дознанию, в качестве обвиняемого, по делу о преступной деятельности соц.-дем. группы „Искра“ и „Киевского К-та Рос. Соц.-Дем.-Раб. Партии“.

Гурский, Мариан Григорьев, бывш. студент Киевского Университета, из крестьян, родился 1 сентября 1874 г. в м. Белая Церковь.

В марте 1894 г. участвовал в демонстрации по поводу самоубийства Ветровой и, после шестинедельного заключения его в Киевской тюрьме, был выслан из города Киева в г. Житомир; затем состоял под негласным надзором полиции.

В 1901 г. привлекался к дознанию при К. Г. Ж. У., обвиняемый по делу об обнаружении в г. Киеве тайной типографии и складов изданий Киевского Комитета РСДРП; подлежал высылке в Восточную Сибирь на 6 лет, но, до разрешения дела, 18 августа 1902 года бежал из Киевской тюрьмы. Вскоре был задержан и привлечен к дознанию при Екатеринослав. Губ. Жанд. Управ.

В 1906 г. был привлечен при Киевском Г. Ж. У. по подозрению в принадлежности к военно-революционной организации Киевского К-та РСДРП., агитации в войсках и распространении между нижними чинами революционной литературы. Гурский был выслан под гласный надзор полиции в Туруханский край, Енисейской губ., на 5 лет, откуда скрылся¹⁾.

Крохмаль, Виктор Николаевич, по кличке „старичек“ и „красавец“ родился в 1873 г. в г. Киеве.

В 1896 г., в бытность студентом, привлекался к дознанию по делу „Союзного Совета Киевских Студенчesk. организаций и землячеств“ и выслан в Уфимскую губ.

В 1902 году установлено, что Крохмаль был главным деятелем в Киевском К-те РСДРП, находился в связи с заграничными представителями „Искровцев“, выписывал от них нелегальную литературу, вел денежные расчеты комитета и проч. Дознание о нем было разрешено с тем, чтобы выслать его под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 8 лет, но до разрешения дела Крохмаль бежал 19 августа 1902 года из Киевской тюрьмы, где находился в предварительном заключении. 27 мая 1904 г. был арестован в г. Вильне и препровожден в Киев, откуда 7-го августа того же года был выслан под гласный надзор полиции в г. Архангельск, но оттуда скрылся²⁾.

---

1) Гурский был участником 2-го и 4-го Съезда РСДРП, в качестве представителя Киевского Комитета, и членом Военной организации Киевского Комитета. После революции, до последнего времени работал в рядах РКП.

2) Впоследствии активно работал, как меньшевик.

Мальцман, Борис Шмулев, родился 18 июня 1878 г. в г. Одессе.

В 1898 г. привлекался в качестве обвиняемого при Одесском Жанд. Управ. к дознанию по делу о разосланных прокламациях преступного содержания и найденном складе революционных изданий одчинен гласному надзору полиции в месте его приписки, на три года. 23 апреля 1902 года арестован и препровожден в гор. Киев, где привлечен к новому дознанию при местном Жандармском Управлении по делу о преступной деятельности соц.-дем. группы „Искра“ и „Киевского Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии“¹⁾.

Плесский, Болеслав Феликс Михайлов, родился 2 июля 1877 г. в г. Гомеле. Привлечен в качестве обвиняемого при Киевском Жанд. Управ. к дознанию по делу о расклеивании преступных воззваний издания „Киевского Комитета Партии Соц.-Рев.“²⁾.

Таршис, Йосель Ориолов, известный под кличкой „смуглый“, родился в 1883 г.

Подлежит привлечению в качестве обвиняемого при Киевском Губ. Жанд. Управ. к дознанию по делу о преступной деятельности соц.-дем. группы „Искра“ и „Киевского К-та Рос. Соц.-дем. Раб. партии“³⁾.

Валлах (Литвинов), Меер Генах Мовшев (Марс Мойсеев), мещанин г. Белостока, иудейского вероисповедания. В 1901 г. привлекался при Киевском Губ. Жанд. Управ. к дознанию по делу об обнаруженных в Киеве тайной типографии и складов издания „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии“ и был заключен под стражу в Киевскую тюрьму.

Основанием привлечения послужили сведения о том, что Валлах был одним из выдающихся членов „Киевского Комитета“, что подтвердилось отобранной у Валлаха при обыске перепиской. Валлах подлежал высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на пять лет. Однако, Валлах еще в августе 1902 года бежал из Киевской тюрьмы и скрылся за границу.

В 1906 году Валлаху было поручено произвести закупку оружия в крупных размерах и, кроме того, устроить регулярную доставку оружия в Россию. Ввиду сего были приняты меры к наблюдению за транспортом оружия.

9 октября 1906 года Валлах возвратился из-за границы по паспорту германского подданного Густава Графа и временно проживал в Петербурге, а в декабре того же года выбыл за границу⁴⁾.

Сообщил А. ГРИНБЕРГ

1) Дальнейшая судьба его неизвестна.

2) Плесский был пойман и еще много раз привлекался, как активный член П.С.Р., в рядах которой он состоял до 1918 г.

3) В настоящее время Таршис (Пятницкий) работает в Коминтерне.

4) В настоящее время Валлах (Литвинов) является Зам. Наркоминделом СССР.

Письма Артема ¹⁾

ПИСЬМА ИЗ ХАРЬКОВСКОЙ ТЮРЬМЫ

I ²⁾

Дорогая Фрося. Не знаю, удастся ли мне личное свидание, поэтому не стоит терять из виду других возможностей. Как ни как, я наслаждаюсь сейчас безусловным одиночеством и могу с большим удовольствием побеседовать с вами.

... С тех пор, как повеяло волей, я потерял критерий нормальности и не вижу возможности найти его в ближайшем будущем. Я не совсем понимаю, зачем я вам пишу. Мой прежний сожитель говорил, что у меня ясно выраженная графомания. Я не способен удерживать в себе мысли, и малейшие возбуждения уже гонят меня к тетради. Я не был с ним вполне согласен. Но опровергать его тоже не брался. Если у меня и есть эта слабость, то она не так опасна. К тому же, если и не для вас, то для меня такая подробность изложения здесь имеет смысл. Вы убедитесь, как сильно я отстал от людей, что именно мне нужно знать, и вооружитесь терпением, чтобы рассеять или подтвердить мои недоумения. Все могло, ведь, остаться по-старому. Возможно, что люди просто не видят в прежней деятельности того, чего искали найти: возможности во всю ширь и плодотворно применить свои силы. Возможно также, что высокая температура общественного возбуждения заставляла людей жить усиленным темпом, и они при полном напряжении всех своих сил расходовали их без остатка в определенной области; а теперь, с понижением температуры, уменьшилась, и интенсивность расходования, ина с цену выплыли такие потребности, которых ни в коем случае общественная деятельность не удовлетворит так полно, как это требуется. Тогда все мои страхи рассеются, едва я выскочу на свободу. Правда, общественная деятельность не может быть теперь так широка. И то правда, что она требует новых форм и что эти формы только в процессе созревания и даже не наметились ясно. Это я до известной степени сознаю. Все дело в том, что я и здесь не уверен в своем диагнозе. По приходе сюда, в октябре, я встретился с двумя с-д. Оба они отдали дань своему времени и от активности перешли

---

¹⁾ Помещаемые здесь письма т. Артема переланы редакции Е. Ивашкевич, которой они были адресованы. Они помещаются в выдержках со значительными сокращениями.

²⁾ Письмо не датировано. Очевидно, относится к 1909 г.

к резонерству. Все же они были близки к мыслящим революционным кружкам. Мы сидели вместе долго, много говорили. Между прочим, я взялся изложить свой взгляд на характер общественного перелома. Мои положения явно не удовлетворили их. Они не могли по существу возразить. Ни у меня, ни у них не было цифр, чтобы проверить мои положения. Они говорили, что аналогичных взглядов они не встречали в литературе. Мне казалось, что я до известной степени внес даже диссонанс в их сложившиеся воззрения. Это больше, чем что-либо другое, говорит о том, что понимание утеряно, что острые углы противоречий не могли стереться в две недели. Так разошлись мы в понимании событий.

Между тем, один был моим учеником, а другой — самостоятельно мыслящий, близкий прежде к большевизму. Очевидно, под влиянием постоянного самостоятельного размышления, у меня выработались формы мысли, уклоняющиеся от обычных. Это было бы несчастьем, если бы приняло крупные размеры. Уже после тифа, в общей камере, мне казалось, что меня понимают не так хорошо, как понимали прежде. Хуже нет, когда такие скверные мысли лезут в голову. Еще хуже, когда приходится обращаться к другим и спрашивать, есть ли в этих мыслях хоть тень смысла. Как видите, я с вами вполне откровенен и несколько не стесняюсь изложить свои сомнения. Вы одна из немногих уцелевших, которые близко знали меня. Мне поэтому интересно узнать, насколько велика вам кажется перемена во мне. Я боюсь, что вам трудно будет понять меня и тем более ответить. Нам так мало приходилось беседовать. Все же постарайтесь, если успеете — до отъезда даже ответить. Как жаль, что нам не скоро придется встретиться при иных обстоятельствах. Там, где буду я, не придется быть вам, а где будете вы, туда мне путь заказан на довольно продолжительный срок.

Ваш Федя.

II

Здравствуйте, дорогие друзья. По некоторым обстоятельствам я не мог до сих пор написать. Собственно говоря, я не люблю писать, я вам это уже говорил и излагал мотивы. Вы понимаете, что я в подобном письме ничего не могу написать. Не стану же я сообщать о моих намерениях жандармскому упр. да еще ранее того, как я их выполнил. Но я зато с удовольствием побеседовал бы с вами. Это очень низкопробный суррогат настоящего разговора с глазу на глаз и без нескромных свидетелей в голубых мундирах или гороховых пальто. Однако, и этому рад.

Белье и проч. можете передать на мое имя. Впрочем, теперь на мое имя принимают всякую передачу. Так и говорите: ссыльному-мне¹⁾.

1) Письмо это писано перед отъездом Артема на поселение, куда он отправился в конце января этого же года.

Из верхней одежды мне нужна только куртка (теплое полупальто), какие-нибудь брюки; если найдется, то и пиджак или тужурку по моей комплекции. Без последнего безусловно обойдусь. Я сейчас же по приезде буду принужден переменить свой вид на чалдонский. Но про запас надо иметь вид мастерового. Вы знаете, я по внешности — хамелеон. Мое верхнее всегда меняется соответственно среде. Вы понимаете, приходится искать работу, а кто примет поселенца? Меня в Ирк. губ. привезут, выпустят где-нибудь при волости, припишут к ней, выдадут паспорт „крестьянину из поселенцев“, и иди Федя на все четыре стороны. Этим Ирк. губ. выгодно отличается от др. губ., вроде Енисейской, где поселение не такое старое и где не скоро выдают паспорт. Итак, пойду я на все четыре стороны, а где придется остановиться, не скажу, потому что и сам, этого не знаю. Знаю только, что на месте не буду жить: первое соображение — то, что надо зарабатывать, а на месте поселения заработки, сами знаете, плохи. Остальные соображения вам и без объяснения ясны. Отдыхать я уже потому не думаю, что надоело отдыхать за последние три года. К тому же для меня деятельность — самый лучший, освежающий и оздоравливающий отдых, а самая мучительная, тягостная и непосильная работа — бездействие. Буду ли я кочегаром, машинистом, слесарем, матросом, чем угодно, я буду отдыхать. А если труд будет связан с большими передвижениями, то я, как природный бродяга, у которого эта склонность в крови, буду такой деятельностью вполне доволен... Я многое не знаю, о многом я знаю только из беглых и неполных описаний. Практика рабочего движения в его развитых формах, как и общественная жизнь капиталистических стран, мне известна лишь по наслышке. Все это ставит мне задачи, возбуждающие к усиленной деятельности, напрягает энергию и волю. Вы знаете, что, как это ни странно, а я почти доволен, что эти три года просидел в тюрьме. Обстановка вашего военно-полевого конституционализма, с его политической апатией, провокациями, с культом гедонизма, с подчеркиванием „порнографизма“ и общим умыванием рук, подействовала бы на меня в тысячу раз тяжелее сыпного тифа и проч. В тюрьме у меня было всегда так много возни с правительственными агентами и такая хорошая товарищеская компания, что я мог забывать или, скорее, не так остро чувствовать процессы, которые происходили на воле. В тюрьме меня к тому же ближе интересовала теоретическая сторона борьбы. Я воспроизводил борьбу и проэцировал ее в областях, для меня и новых, до известной степени, и интересных, а к тому же обладавших незаменимым качеством: недоступностью для воздействий администрации. Публика, которая сидела со мной, да и я сам, должны дико выглядеть на воле. Один из нас, попавший — было на волю, говорил, что на него смотрели, как на чудовище. Он быстро вернулся к нам обратно — одна из жертв центральной провокации, он не на много хуже чувствовал себя в тюрьме:

по сравнению с волей. Не подумайте, что я пою панегирик тюрьме. Будь она тысячу раз неладна, пропади она пропадом! Она сумела достаточно хорошо отравить мне существование. Но я не могу не признать факта глубокого различия в настроениях и душевном складе людей, проведших последние годы на воле и в тюрьме. Должен сказать еще, что на Урале общественные настроения пострадали менее, чем где-либо. Тоже факты из рабочей жизни, о которых здесь приходится слышать на каждом шагу, там совершенно отсутствуют. Бегство интеллигенции там поголовное, но оно бросается резко в глаза благодаря тому, что это стремление незаметно у рабочих. Передовые рабочие там сузили деятельность, но не остановили. Где было 300, там осталось 60, но эти 60 действительно с-д. Разбиты только центры. Напр. из Матовилихи выслали всю молодежь (больше 1000 человек); для одного завода это много. То же произошло в Надеждинском и отчасти в Алапаххе. Поэтому сидевшие там по тюрьмам чувствовали ближе свою связь с действительной жизнью, чем здесь. У нас пессимисты считались единицами. Целый ряд высланных, сосланных на поселение или оправданных, сидят уже снова, но еще далеко не все арестованы. Люди, которых мы видели или слушали, производили далеко не такое впечатление, как ваше (да и не только ваше) письмо. Когда нет ясно поставленных задач, а только неясные стремления, то трудно быть определенным. Говорят, что отсутствие индивидуальности (я бы сказал пошлость господствующего типа) — наша национальная черта. Раньше ее объясняли самсой невозможной чертовщиной (идеализм — только разновидность чертовщины, более утонченная, чем чертовщина забитого вотяка, но все же чертовщина); теперь же для нас понятно, почему наши лица так невыразительны. А разве человек, не занимающийся определенной общественной или интеллектуальной деятельностью, может выражать что-либо, кроме видовых качеств, т.-е. не быть общим местом? Нам не нужно прибегать ни к какой чертовщине для объяснения этого, по существу очень простого и доступного, факта. Как видите, ко всем моим недостаткам у меня прибавился еще один: склонность к умничанию. Я думаю, что этот недостаток, как и всякое резонерство, — результат недействительной жизни. Что же в тюрьме делать, как не рассуждать! Как я буду доволен, когда я буду в состоянии не только говорить. Я жду этого момента с большим нетерпением. Однако — без всякого нервничания. Я поневоле приучил себя быть сдержанным. Теперь я рад, что это так. Иначе я умер бы от нетерпения прежде, чем доехал бы до Иркутска.

Ваш Федя¹⁾.

¹⁾ Датировано 19 января 1910 г.

ПИСЬМО т. АРТЕМА ИЗ ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМЫ

(С этапа)

Здравствуйте. Получил вашу телеграмму, как именинный пирог, и тогда же повестку на 15 рублей. Посылки пришли до моего прихода в тюрьму, и их отправили обратно. Я долго не писал. По дороге истратил марки и открытки. В лавочке здесь ничего не мог достать. Сегодня кое-как достал одну: кому-то прислали в письме. Никому до сих пор не писал. Напишите сестре об этом. Я не знаю еще, как долго пробуду в Иркутске. Меня, как и всех, отправят в Киренский уезд. Он самый северный, смежен с Иркутской областью. Размерами площади превосходит Францию. До отправки буду сидеть в селе Александровском, Иркутской губ. Центральная пересыльная тюрьма. Пришедшие со мной харьковцы уже назначены. Я пока — нет. Сейчас меня отправляют в Александровское. Там будем ждать партию на Мэну.

Первая очередная партия идет в мае, вторая — в августе. Но между ними назначаются экстренные, если ожидают много народу. Весьма возможно, что я уже в первую партию не попаду. Очень много уже назначено раньше, и Александровская пересыльная уже заполнена. Скверно только, что опять так долго придется сидеть.

В сущности, ничего нового нет. Я до сих пор не могу примириться с мыслью, что я буду на воле: отвык. Нас сидит довольно много. Партии идут беспрерывно. В вагонах, вплоть до самого Иркутска, не расковывали. Книг нет, занимаемся пустяками. Публика разнообразная и гораздо худшая, чем я предполагал. В рубрике партии так и пестрят беспартийные или анархисты. Последние, известно, в тысячу раз хуже просто беспартийных. Режим для пересыльных мало отличается от прочих. Только и разница, что спят на нарах, под нарами и просто в проходах на полу. Прогулка не всегда и небольшая — 25 минут в день. Ваши харьковцы, и не они одни, очень сожалели о том, что рано уехали. Я, по рассеянности, в свое время не узнал вашего адреса. Теперь тем более был обрадован, прочитав его в отрезном купоне. У нас стоят морозы, утрами больше 20-ти градусов. Не юг. Но не чувствуем себя плохо. Ходим в казенном белье. Нет никакой охоты одевать свое, так как нет возможности его выстирать. Я пытался у себя в тюрьме сделать это в камере, но это слишком неудобно. Я, как всегда, здоров, и прежняя дорога на мне мало отразилась. Пишите на Иркутск, пока не сообщу, что уехал. Там две тюрьмы: одна — каторжная, другая — пересыльная. Можно писать: Каторжная тюрьма, пересыльное отделение, ссыльному такому-то.

В общем здесь не чувствуем себя не в России. Все то же самое. Кланяйтесь Савве. Попросите передать Мите, его брату, почему не

пишу. На условия ссылки здесь, в общем, не жалуются. Всего наилучшего.

Привет Мите, Дуне, другим друзьям и знакомым.

Целую Вас Федя ¹⁾.

ПИСЬМО АРТЕМА ИЗ ССЫЛКИ ²⁾

Здравствуйте, дорогая Фрося. Нахожусь в полном недоумении относительно того, почему не писали, или лучше — почему не пишете более ясно. Конечно, уместить на одном отрезном купоне что-либо, требующее подробного объяснения, трудно. Но что стоило на ряду с ним послать и письмо, где вы не стеснены рамками. Если что-либо оказалось невозможным выполнить, об этом лучше написать. Я очень не люблю жить иллюзиями: не потому, чтобы был, вообще говоря, трезвенным человеком, а потому, что всякая иллюзия связана с неопределенностью, а всякая неопределенность всегда скверно отзывается на мне. Когда человек имеет пред собой совершившийся факт, он быстро с ним свыкается. Пожалуйста, не подумайте, что я в чем-либо вас упрекаю или, что еще хуже, читаю нотацию. Ни в коем случае. Я только указываю на некоторые мои привычки, с которыми вы вольны и не считаться. Вообще, поступайте всегда так, как вам будет казаться удобным, и не нервничайте, когда что-либо для меня вам будет трудно выполнить. Относительно книг я ничего не понял. Но думаю, что подходящих очков вы не достали. Впрочем, это трудно, когда нет указаний специалиста. Глаза — вещь чувствительная. Вашей посылки я еще не получил; думаю, что вскоре получу, если вы ее выслали так скоро, как обещали. За деньги благодарю. Я об них узнал еще раньше, из письма Дмитрия, которое пришло на неделю раньше денег, хотя было послано на 2 дня позже их. Я от него получил уже два письма, при чем на каждое своевременно ответил. Кстати, я ему подробно описывал обстановку ссылки. Меньше я ему писал о себе. Ненормальные условия существования сделали меня совершенно не похожим на самого себя. Я постоянно нервничаю. Неопределенность положения, неуверенность в том, что предстоит в ближайшем будущем, тяжело отзывается на общем психическом состоянии. Как я себя ни сдерживаю, все же я иногда, как мне кажется, бываю невозможен. И чего только я не предпринимаю, чтобы рассеяться, успокоиться. Вначале работал — не помогало, только изуродовал руки, натер их, без привычки, до потери способности держать что-либо в руках. Бегал по лесу, вспоминая, как благотворно влияла на меня в добрые старые времена прогулка в глуши леса. Это мне стоило обуви, одежды, но не помогло. На-днях уходил в Нижне-Ильинск, думая, что дорога

¹⁾ Датировано 10 марта 1910 г.

²⁾ Из с. Воробьева, Иркутск. губ.

рассеет немного, да и новое общество поможет. Все же тут есть и товарищи, есть и просто интересные люди, вроде Брешко-Брешковской. Как-никак,—моцион, с заходом по пути в села, 200 в., новые лица, разговоры, впечатления. Ничего.

Все по-старому. Дошел не только до прямого физического истощения, но форменно заболел: лихорадка меня треплет уже вторую неделю. В Нижне-Ильинске не обращал внимания, а на обратном пути она меня заставила обратить внимание. Видите ли, когда я шел в Н.-И., я одел сапоги, которые были недурны, пока в них приходилось ходить по комнате. Но после первого же дня, когда я прошел верст 40 слишком, я их уже не мог одеть, не говоря уже о том, на что были похожи ноги и как я прошел вторые 20 в. пути первого дня. Я повесил сапоги через плечо и пошел пешком. Была прескверная погода, шел дождь мелкий, холодный, отвратительный; дорога шла вдоль берега Ильима каменистая, неровная; до ближайшего пункта, где жили товарищи, надо было прошагать 33 в. Там я взял коты (арестантская обувь), в них я дошел до Н.-И. и в них же возвратился обратно. Сейчас, кроме лихорадки, еще есть кое-что. Но не в этом дело. Я как-то писал вам, что способен надеть глупостей, т. к. перестаю владеть собой. В тот раз я глупостей не наделал. Но пароксизм нетерпения может возвратиться. В такие минуты я собой плохо владею и способен на все, чтобы только избавиться от гнетущего душевного состояния. Впрочем, виноват: не на все. Водку, напр., в такие минуты я не могу пить (в иные тоже не пью). Это тем хорошо, что я не рискую превратиться в коллегу наших старожиллов-поселенцев. Как видите, в известном смысле я скверно устроился. Хуже же всего то, что я сам себе создаю невозможные условия. Одна мысль о возможности 2—3 месяцев бездеятельного проживания здесь приводит меня в состояние невменяемости. Вот почему мои письма так неровны, почему в них могут быть неудачные выражения, которые вы можете принять, как упрек или выражение досады на кого-либо, кроме самого меня. Конечно, все это проходяще. Это лишь переходное состояние. Я знаю, ведь, как с ним справиться. Подобное состояние не поддается, конечно, паллиативным средствам. Однако, я не вечно думаю довольствоваться паллиативами. Они могут годиться на месяц, на 2, не больше.

Я боюсь, что утомил вас описанием скучных, неприятных вещей, до которых нет никому никакого дела. Единственным извинением должно служить то, что иначе я могу либо оскорбить, либо показаться назойливым. Но теперь вы понимаете, что ни то, ни другое предположение не имеют ни места, ни основания. Возможно лишь неудачное выражение, допущенное благодаря трудности уследить за собой.

Что касается внешней стороны жизни, то она выглядит очень плоско. Живет себе смирный человек, живет без шума, не буянит, не безобразничает.

Иногда сталкиваемся со старой „политикой“ в условиях, при которых нельзя не говорить. Тогда начинают экивоками намекать, что вот есть - де люди, которые хотели бы их морально воспитывать и содействовать их умственному развитию, но это могут задумать лишь не оперившиеся птенцы, неопытные младенцы, которые еще не поняли, что никакая организация в ссылке немыслима, что в ней возможна лишь индивидуальная борьба за завоевание необходимого уровня жизни, что надо принимать жизнь, какова она есть, и прочие пошлые бесцветные истины, которые не устают повторять всякий филистер, который желает доказать, что он порядочный человек, хотя никто ему и не говорит обратное. Мы обычно упорно молчим, пока собеседники раздражаются указанными тирадами, показываем полное равнодушие к теме и не желаем понимать намеков; разве иногда не выдержишь и начнешь вышучивать зарвавшегося трибуна филистерства. Но мы не перестаем жить тесной группой, ни в чем не изменяем своих прежних привычек. И вот именно это - то и раздражает „товарищей политических“, заставляет их на каждом перекрестке кричать о том, что они порядочные люди, а некоторые другие — утописты желторотые и, кроме того, самохвалы.

Благодаря отсутствию книг, мы кое - когда бездельничаем. Отдельные лица иногда бездельничают слишком долго. Но на этой почве пока ничего плохого не произошло, т. к. мы всегда сдерживаем себя в подобных случаях. Даже я не скандалю. Бываю иногда резок в выражениях, но так как это моя обычная форма выражения, то публика не всегда отличает, когда я полемизирую, а когда, забывшись, начинаю ругаться. Т. - е. происходит следующее: ругаться я способен лишь в форме полемики, хотя бы по самому пустяковому вопросу. Когда я бываю плохо настроен, я веду полемику с неподходящей, несоответствующей важности вопроса, страстностью. Когда же у меня бывает настроение градусом повыше, я ухожу в лес или особенно усердно принимаюсь за работу. У других дела обстоят значительно лучше. Им пока не приходится бегать от людей.

С местным населением прочных связей завязать не удастся. Эзэровский идеал общего благополучия — социализация земли и демократизм, при условиях сохранения самостоятельности крестьянского хозяйства — создает пренесимпатичный тип хозяина - предпринимателя, выжиги - дикаря, который способен пропить последнюю рубашку, когда запьет, а в минуты, когда трезв, будет драть с вас последнюю шкуру.

Жадный, тупой, невежественный дикарь — вот черты, характерные для местного челдона, черты, из - за которых мы никогда не сойдемся с ними. Они оказывают нам внешние знаки уважения, но мы ими несколько не обманываемся, так как на каждом шагу эти знаки — только лишь форма, способ усилить наше внимание и использовать наше простодушие, нужду или оплошность. Если заходите куда - либо

в деревню и просите переночевать или поесть, вам дадут и ночлег и накормят, если деревня поглуше. Но если это вы проделываете в людном месте — с вас пожелают содрать. На-днях за бутылку молока с меня в одной деревушке запросили 10 коп. А то ли еще бывает! В одном же месте раз попал в даровую ночевку, но согласен был бы на платную, если-бы только не было неловко уйти. Вообще мы со здешним населением не сошлись характерами. Как видите, мы — гости тут и к тому же незваные гости. Поэтому лично я живу, как на постоялом: нечто вроде дачника. Однако, я умудряюсь не скучать. Надо вам сказать — я часто далеко ухожу в лес по ягоды или, в особенности, за грибами. Случаев поблуждать представляется не мало. Но странно: я ни разу не встретился с опасным зверем. Здешние крестьяне мне прожужжали уши с медведями, которых они до смерти боятся. Я же хожу не только без ружья или топора, но даже без ножа — и ничего: ни разу не встретил ни одной зверины. Ходил же я очень часто. Ходил хребтами, верст 40, при чем на всем протяжении тайга без признака жизни. Только намечена дорога. Впрочем, может как-нибудь и встречу. Говорят, очень опасная штука. На-днях группе крестьян встретилась медведица. Крестьяне перетрусили, дали медведице разорвать собаку, которая с чрезмерным усердием защищала хозяев. Сами же крестьяне тем временем ушли (дело было около зимовья), при чем подняли страшную канонаду. Стреляли непрерывно (зверь), в надежде испугать медведицу, и при этом орали благим матом. В общем, сейчас здесь начинается сезон охоты и рыбной ловли. Я уже не приму, думаю, в них участия.

Вот видите, как я подробно описываю, как мы живем, что вокруг нас делается. От вас же строчки путной не дожدهмся. То, что больше всего интересует, о том вы упорнее всего молчите. Ведь, есть же у вас хоть какая-либо общественная жизнь. В апатию широких масс населения я не верю. Именно: в Харькове каждый слой населения имеет свои организованные общественные учреждения, вокруг которых сплачиваются передовые и наиболее отзывчивые люди из этих общественных групп. Даже пролетарии имеют свое, с позволения сказать, рабочее общество. Газеты у нас получаются, хотя и с большим запозданием, но в газетах можно обычно прочесть все, кроме того, что хотел бы прочесть. Наши газеты — плохие стенографы жизни: они больше похожи на испорченные граммофоны, способные откликаться только на самые верхние ноты, благодаря чему, вместо мотива, получается ряд бессвязных, однотонных звуков.

Ну, до лучших дней. Передайте привет друзьям.

Целую вас Федя ¹⁾).

¹⁾ Письмо помечено: 21 августа 1910 г.

ПИСЬМО Т. АРТЕМА С ДОРОГИ¹⁾

Здравствуйте, моя дорогая. Пишу Вам, сидя в вагоне Южно-Манчжурской ж. д., находясь уже за пределом достигаемости. Пока, как видите, все обстоит благополучно. Беседую с японскими солдатиками. Удивительно добродушный народ. Они, кажется, совершенно искренно полагают, что я — бедный солдат. Вот именно, попали пальцем в небо. Теперь я без опасения за что-либо могу также мало-мальски описать мои скитания.

Вышел я из „дому“ с 5-ю рублями в кармане и большими проектами в голове. По дороге запасся еще 15-ю рублями, а главное полузил частный адрес в Харбин. Вышел я без адресов и паспорта. Паспорта по дороге я так и не достал. Было нечто в этом роде, только показать его нельзя было нигде... На жел. дороге пришлось распрощаться с 15-ю рублями: я очутился пред диллемой — ехать с комбинациями сразу, так как денег не хватает, или ждать денег откуда-либо. Билет до Манчжурии стоит 14 рублей. От Манчжурии до Харбина 13 р. 50 к. Решился ехать. В конце-концов не пожалел. В Харбин ехал с 70-ю копейками в кармане и, кроме того, имел билет до Владивостока. В Харбине я застрял. У меня с Харбином были связаны самые широкие мечты. Я ведь не думал сразу уехать из России. Мечтательно поглядывая по направлению к Амуру, я думал: „отсель грозить мы будем шведу“. Увы, все мои мечты и расчеты оказались написанными на песке. В Харбине я не мог найти не только содействия своим планам, но даже и квартиры, самой элементарной помощи. И, что называется, сел на мель. Хорошо, меня выручил частный адрес. Пришлось позаботиться о самом необходимом. Но без бумаг никакая легальная работа немыслима. Попробовал сотрудничать в газете. Это удалось, но опять только с одной стороны. Писать я мог, но насчет гонорара я смело мог рассчитывать, что получать не буду. К газете, оказалось, пристроилась шайка аферистов, которая вообще избегала платить, особенно когда это не грозило скандалом. Рубля два я все-таки взял. А тут, как на-зло, заболел брюшным тифом. Без паспорта и без денег плохо болеть. Здесь не было докторов, которые бы лечили бесплатно. Не было также и аптеки, где можно было бы без денег брать лекарство, а тут доктор говорит: либо в больницу, либо он заявит, что в таком-то доме — больной брюшным тифом. И вот телеграмма, что идет сто. За ними и самые сто. Тут я вздохнул свободно. В болезни, кстати, произошел перелом. Я не стал возиться с диетой, а встал, начал ходить и есть пищу немолочную. Как только почувствовал, что никакая пища мне не вредит, решил ехать первым поездом, что и сделал. Опасность была в том, что вид у меня

¹⁾ Во время побега из ссылки.

был после болезни скверный, и меня легко могли задержать, как подозрительного по чуме. Здесь, ведь, и чума и холера. Чума — тарабеленая: этим летом сурки больны чумой. От них заболели охотники-бедняки, которые ели тарабанное мясо. Болеют китайцы и санитары. Меры принимают решительные. Заболел один — всех не выпускают. Бегут — стреляют, а как не бежать, когда держат взаперти 10 дней, а есть никогда не дают; были случаи голодной смерти. Грозят, что если в Фугдя-Дони (китайская часть Харбина) убежит хоть один китаец, весь город оцепят войсками и никого не впустят и не выпустят. Вот будет история.

Ну, пока прощайте.

Целую всех вас Федя¹⁾.

ПИСЬМО АРТЕМА ИЗ АВСТРАЛИИ

Дорогая Фрося! Целый век прошел, кажется, с тех пор, как я имел известия из ваших краев. Последнее письмо я послал вам из Гонг-Конга. Увы, ответа не получил, как и всегда. Я сейчас в Австралии, и думаю здесь пробыть еще около года. Работаю на железной дороге, рабочим по 1 шиллингу в час. Живу в палатке. Укрепляю мускулы, думаю укрепить и нервы. Перекочевываем с места на место по мере того, как постройка подвигается дальше. Уже начинаю забывать о том, что такое душный воздух городов. Работаю обыкновенным рабочим на подбивке пути. Обыкновенно лопаткою. Редко ломом или кайлом. Хорошая страна. Как живописна, просторна, свободна! Я живу в Квинсленди. Как-то хотелось отыскать в городе (Ворвике) городского: хотел узнать, где дешевые комнаты для ночлега. У кого ни спрашивался, как сам ни высматривал, так и не мог разыскать полицейского. Пришлось спрашивать у прохожих. Я был на самой оживленной улице, где была масса народу. Вообще, с тех пор, как я уехал из Брисбейна, я ни разу не видел полицейского. Ни разу не слышал о каком-либо преступлении, воровстве, убийстве, грабеже и т. п. Наши палатки никем не сторожатся. В них деньги, ценные вещи — все, что угодно. У фермеров — скот, имущество, нигде никто ничего не сторожит. Жизнь здесь монотонна. Развлечения — выпивка и спорт. Так как я не пью, а боксы меня мало интересуют, то мне по праздникам ничего больше не остается, как стирать белье, ходить в лес гулять и проч. Рабочий здесь так уверен в завтрашнем дне, что он ни о каких сложных вопросах не задумывается. Но если зацепить его — ого! Работать больше 8 часов в день? Он и 8 находит чрезмерным. Сейчас 3-й месяц забастовка в сахарном производстве. Могушественный трест захватил в свои руки сбыт сахара. Организованные

¹⁾ Датировано I/XI, очевидно, 1910 г.

фермеры (здесь во всякой отрасли сельск. хоз. фермеры сплочены в крепкие союзы, но эти союзы — только органы управления ими со стороны торгового и банкового капитала) бессильны против его требований. Трест имеет плантации и заводы также на островах Фиджи и др. Он снабжает сахаром весь мир. Трест ввел 10-ти часовый рабочий день. Рабочие бессильны были бороться, так как ни один фермер не имел права уступить без союза. Теперь разразилась генеральная забастовка. Она началась пред самой жатвой. Фермеры разорены. Попытки правительства привезти скэбов-рабочих не привели ни к чему. Обманутые рабочие предпочли идти в каторжные работы на 1—2 недели, но не стать скэбами (за нарушение контракта правительство в первый раз применило этот закон, как оружие борьбы против рабочих). Рабочие на пристанях и пароходах отказались перевозить сахар из забастовавших округов. Рабочие с трудом нашли места для лагерей (здесь рабочие живут вне города в палатках; я — тоже). Но рабочих-скэбов бойкотируют повсеместно. Один рабочий-союзовец умер от разрыва сердца, узнав, что сын его — скэб. Какой-то скэб приехал в город. Но рабочие пикеты (предупреждают о забастовке) узнали через поездную прислугу, что это — скэб. Когда скэб зашел поесть, рабочий зашел тоже в тот же ресторан и сообщил хозяину, что вон этот субъект — скэб. Хозяин немедленно подбегает к гостю, вырывает тарелку с пищей и разбивает об пол (чтоб никто больше не ел из оскверненной посуды). Затем отбирает ложку, вилку, нож — все, что употреблял скэб-посетитель — и забрасывает. В другом месте скэб остановился в гостинице-отеле, который жил фермерами и служащими компании. На хозяина, конечно, предупреждение не подействовало. Патруль сказал прислуге. Моментально повар выбрасывает кастрюли и идет домой. Вся женская прислуга вытаскивает свой скарб и уходит вон. А за ними, конечно, и жители. Им безразлично, почему они лишились услуг. Но они идут в тот отель, где эти услуги есть. Хозяину пришлось выпроводить гостя. Рабочие крупно поддерживают забастовщиков. Но вообще рабочие слишком практически узки. Для них общие вопросы — отдел одного из самых неинтересных видов спорта, где не руки или ноги, а мозг должен проявить свою силу и гибкость.

Правительство здесь в каждой провинции-штате отдельное. В одном штате — правительство рабочих союзов. Но штат тот какой-то захолустный. Едва ли насчитывает и один город с 20.000 жителей. Федеральный парламент имеет незначительную компетенцию. Военная служба-милиция необязательна: 3 недели в год. Волонтеров-солдат около 200.000. Правительство Квинслэнда, где я живу, — прогрессивной партии, т.-е. враг рабочих. Но оно всеми силами привлекает сюда эмигрантов. Из Лондона иногда проезд бесплатен (когда набирается много эмигрантов). Но оно даже из России, я думаю, бесплатно перевезло бы таких эмигрантов, как духоборы-крестьяне. Взявший

землю (денег не платят) огородил ее и построил домик — он уже все получает в кредит через правительство. Массу скота, орудий — все, что нужно. В общем, здесь фермер живет лучше нашего помещика средней руки. Только рабочие дороги. Но хороший рабочий, вообще, не пойдет работать на ферму. Деревень здесь совсем нет. Городки и фермы. Зимы здесь в нашем смысле нет. Сейчас зима. По ночам иногда замерзает вода. Но днем не выставляйте надолго руку (оголенную) на солнце — обожжет. Работа не так тяжела, и англичане работают не так уж свирепо. Я ем их пищу (преимущественно мясо, сливочное масло и варенье) и работаю не хуже их, т.-е. ни один англичанин не работает лучше меня. А хуже очень многие. Плохо здесь женщинам. Англичане — не охотники ухаживать. Бедные дамы всегда одни. К тому же закон ограждает интересы только женщин (если муж ударит или выругается при жене — каторжные работы: здесь нет иных). Если жена не желает ехать на то место, где работает муж, — он обязан высылать ей содержание. Венчает здесь полицейский за 50 коп. (герб. марка). Но развод получить потруднее, чем у нас. Поэтому мужчины предпочитают не ходить к полицейскому. Буржуазная молодежь проповедует рабочим христианство. Но бесполезно. В общем, женщины здесь больше ухаживают за мужчинами. И часто без результата. Мужское общество и еод-виски англичанин никогда не променяет на женщину. Зарплата женщин (напр., последняя партия из Англии — рубашечницы) 50 — 55 р. в месяц на русские деньги. Конечно, хорошие мастерицы, как портнихи, шляпницы — несравненно больше. Из России сюда проехать труднее, чем откуда бы то ни было. Нет прямых рейсов. Но из порта, откуда идут пароходы, очень легко. Если — женщина, хотя бы с детьми, то достаточно сказать правительственному агенту, что это моя жена (бумаг не спрашивают), и вам сделают все, что нужно, деньги тоже уплатят за билет. Здешнее правительство буквально охотится за эмигрантами. Малая населенность страны — вот чем больны господствующие классы. И здесь не закабаливают эмигранта, если он не попадает под такие переплеты, как сахарная забастовка, и не будет так глуп, чтоб подписывать контракты частным лицам. Нас хотели послать тоже, когда мы пришли спрашивать о работе. Но мы заявили, что на стачку не пойдем, а желаем работать на ж. д., и через три дня мы уже ехали.

Я долго не писал отсюда, п. ч. до получения не имел денег на марку даже. Сейчас положение изменилось. Поездка сюда была дивно хороша и стоила из Шанхая всего 100 р. Из Харбина можно ехать за 126 р. Но, если списаться со мной, то почти ничего не будет стоить, т. к. австралийское правительство (т.-е. Квинслэндское) в соглашении с этим агентством. Ваш Федя.

Послал бы вам нашу газету, но там есть карикатуры на английского короля, а он поразительно похож на нашего.

Вокруг работы Истпарта ЦККП(б)У

РАБОТА В ЦЕНТРЕ

Работа Истпарта за июль—сентябрь была попрежнему сосредоточена, главным образом, на работах по истории 1905 года и „Летописи Революции“.

Летний период, при ничтожном штате, не мог не отразиться на ней. Все же значительная часть первой стадии работы по хронике 1905 г. уже сделана. Получены материалы из Киева, Екатеринослава (частью), Чернигова, на-днях ожидаются из Полтавы. Работа по Харьковским материалам проделана отчасти уж и во второй стадии.

На-днях будет приступлено к суммированию и окончательной обработке материалов.

По части воспоминаний привлечено большое число участников. главным образом рабочих, проводятся стенографические записи их воспоминаний, рассылаются сотни писем и напоминаний.

Пока материалов поступило не особенно много, но обещано и находится в работе достаточно.

С каждым днем находят все новые и новые участники. Так на-днях найдены участники восстания в Александровске. Участники так называемой „Люботинской Республики“ были собраны в значительном количестве в Люботине и воспоминания их застенографированы.

Участники откликнулись очень горячо, обещали собрать ряд материалов и воспоминаний, указали, что это интереснейшее дело 1905 года в несколько десятков томов, во время эвакуации было вывезено и сдано в Москве.

Товарищи Люботинцы предполагают даже заснять кино-фильму, инсценируя памятные события.

Так как при собирании воспоминаний приходится иметь дело с большим количеством людей, разрастающимся по указаниям каждого нового товарища, то работы здесь предстоит много. Истпарт подготавливает анкету для упорядочения собирания воспоминаний и предполагает обратиться в Губотделы с предложением поделиться своим опытом собирания воспоминаний для обобщения и выработки методологии

этой сложной и важной работы, о значении которой говорит М. Н. Покровский („Правда 7/IX“) ¹⁾.

Кроме воспоминаний, Истпарт предполагает дать ряд статей по различным вопросам и событиям 1905 года. Пока в этой области сделано еще мало. Часть подобных статей уже получена, главным образом из Одессы.

В области издательской работы можно отметить установление более частого и периодического выхода „Л. Р.“ — № 3-й вышел из печати. Печатается № 4(9). На журнал открывается подписка. Выпущен циркуляр через Секретариат ЦК о значении и необходимости подписки на „Л. Р.“ для партийных ячеек и библиотек.

Из других изданий подготавливается и скоро выйдет Альбом, посвященный жизни и деятельности т. Ленина, имеющий более 50-ти фотографических снимков очень редких и разнообразных. Некоторые появляются в первый раз. Этот Альбом удовлетворит потребность в материале для Ленинских уголков, которая чувствуется давно.

Выставка, закрытая летом, ввиду перестройки и реорганизации, на-днях открывается.

Она приобрела большую популярность в рабочих кругах, особенно среди Ленинского набора. В районах посещение ее вводится в план работ Ленинских и других кружков и школ как воспитательное средство и прекрасное наглядное пособие при изучении истории партии. Как видно из Киевского отчета, так же обстоит дело и в губернских городах.

Идя навстречу такой потребности, Харьковский Губком, по предложению Истпарта, еще весной прикрепил около 10 товарищей, которые руководили экскурсиями на выставке, а также собирались для обмена опытом и выработки методологии в этой новой области.

Эта работа, приостановившаяся летом, возобновляется. Часть прикрепленных очень интересуется ей, и можно надеяться, в этом сезоне будут продолжать с прежней энергией начатое дело.

Такая методологическая работа, вытекающая из практики, тем более необходима, что почти в каждом городе созданы выставки Истпарта и с мест просят руководящих указаний.

Также становится на практическую почву и давно намеченное Истпартом дело — создание по материалам выставки серий диапозитивов, что дало бы возможность организовать выставки для деревни.

Это дело начиналось 2 года назад Фото-Кино, но из него ничего не вышло. Теперь за эту работу под руководством и при помощи Истпарта взялась Книгоспилка.

---

¹⁾ Этот вопрос, как и др. вопросы истпарт-работы, будет поставлен на совещании губ. Истпартотделов Украины, намеченном Истпартом Украины.

РАБОТА НА МЕСТАХ

Приводимые ниже отчеты губернских Истпартотделов показывают значительные достижения.

Получение периодических отчетов уже является достижением, стоившим не малого труда Центральному Истпарту. Из присланных отчетов обращает особенное внимание Киевский, обнаруживающий значительный рост и широту в постановке работы, и Одесский. Их отчеты мы помещаем полностью.

ДОНБАСС

Становится на-ноги и Донецкий Истпартотдел, повидимому, получивший нового заведывающего без совместительства.

За август месяц им собран ряд воспоминаний, главным образом о гражданской войне на Дону и Кубани.

Сделан также учет газет и документов. Среди них есть некоторые ценные, относящиеся к 1905 году. Нужно также отметить первые попытки поставить работу в Округах и их об'езды, не отмеченные до сих пор другими Истпартами.

Завед. донецким Истпартотделом, посетив Луганск, нашел там материал (вероятно, собранный организованной во время об'езда представителем Истпарта ЦК инициативной группой), требующий еще проверки на месте.

Работа в Луганске оживилась; намечено открытие уголка Истпарта в партклубе. Найдена зарытая в 1907 году подпольная типография. Подготавливается также обследование работы в Сталинском округе, и даже из некоторых рудников стали поступать в Центр материалы, собранные уполномоченными не только окружными, но и ячейковыми.

Из этого видно, что при энергии можно вовлечь в работу Истпарта и партийную массу, даже при отсутствии средств, на что жалуются все Истпарты без исключения.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Отчет Екатеринослава за май—август отмечает работы по подготовке материалов для хроники 1905 года, юбилейного сборника воспоминаний материалов. Последний уже печатается.

После ремонта предполагается открытие при выставке уголка Ленина и отдела по истории революции 1905 года.

Приводятся цифры посещения выставки. За май—август прошло 7327 чел., из них ингородних 1529 чел., большинство посетителей—дети и учащиеся. Посещаемость не растет, а падает.

Так посетило: в мае—3593, в июне—1516, в июле—1290, в августе—928 ч. Это объясняется отсутствием новых экспонатов и заторможением работ по выставке.

Вопрос об отмежевании Архива от Истпарта все также не урегулирован, все нет еще связей с округами, нет об'езда их, не выбраны уполномоченные.

ВОЛЫНЬ

Летний период затормозил работу. Работа по хронике 1905 года едва начинается. Частично материалы Волыни, как и Подолии, находятся в Киеве и там выделяются.

ЧЕРНИГОВ

Материал для хроники 1905 года прислан очень интересный, главным образом о крестьянских волнениях. Работа там, повидимому, ведется, но главным образом архивными работниками. Истпарт же попрежнему не отчитывается, как и Подолия.

ПОЛТАВА

Перегруженность заведывающего Истпартом при совместительстве тормозит работу.

С помощью работников Губарха, сделана выборка для хроники 1905 г., дополненная кое-где опросом участников. Материал будет переслан в центр на - днях.

Харьковский Губистпарт развил большую работу по собиранию воспоминаний и статей по истории 1905 г. Выработан и разослан по Округам циркуляр о выборе уполномоченных, которые кое-где уже выбраны.

Е. АДАМОВИЧ

Из деятельности Одесского Истпарта¹⁾

Работа губбюро Истпарта усиленно развивается: расширяется музей Октябрьской революции, благодаря образованию нового отдела— по истории революционного движения в Одессе и на Одесщине, устанавливается планомерная разработка материалов историко-революционного архива, упорядочена экскурсионная система посещения Истпарта с пояснениями и эпизодическими лекциями, привлечены к общей работе отдельные кружки и группы революционных деятелей и проч. и проч.

О том, в какой степени рабочая масса заинтересовалась Истпартом, можно судить по возрастающему количеству групповых экскурсий, ставящих бюро Истпарта в необходимость почти ежедневно открывать музей. За время по 1 июля музей посетило 13.654 челов. Экскурсий было 163, при чем из числа экскурсантов рабочих было 41 проц., красноармейцев—17 проц., комсомолстов и юных ленинцев—14 проц., остальное приходится на учащихся и другие элементы. Экскурсантов, если у них не имеется своих руководителей, обычно сопровождают сотрудники Истпарта для демонстрации важнейших экспонатов и соответствующих пояснений.

Укреплению связи с рабочей массой способствует еще образование при Истпарте кружка „работников революционного подполья“ (1918—1919 г.г.). Кружком собираются материалы и денежные средства для выпуска печатного „Сборника воспоминаний о революционном подполье“. Так, 17 марта, им, при участии Истпарта, устроен был в театре Луначарского „Вечер воспоминаний“ с концертным отделением, давший 1800 руб. Самый вечер 17 марта сопровождался докладом о революционном подполье и художественными иллюстрациями выдающихся моментов последнего. Истпарт устраивал и другие вечера, применительно к крупным и историческим датам революционного движения: особенный успех имели вечера, посвященные памяти „Кровавого воскресенья“ 9 января 1905 г. и революционной деятельности Степана Халтурина.

¹⁾ Из газеты „Известия Одесского Губкома КП(б)У, Губисполкома и Губпрофсовета“ от 13 сентября 1924 г., № 1433.

Извлекаемые в большом количестве из архива Истпарта материалы, а также поступающие в распоряжение бюро сообщения и статьи по истории революционного движения и партии, обрабатывались и помещались в различных периодических изданиях: в местном журнале „Коммунист“, в московском „Пролетарская революция“, „Каторга и ссылка“ и особенно много работ Истпарта перепечатывается в „Летописи Революции“ — журнале Истпарта ЦККП(б)У. Так, в (2-м) № „Л. Р.“ помещены статьи т.т. Кристаловского („Из истории зарождения и развития большевизма в Одессе“), Стратена („Южно-русский рабочий союз“), материалы об убийстве генерала Стрельникова и казни Халтурина и Желвакова в Одессе и т. д. Много работ, вышедших отдельными изданиями или напечатанных в специальных изданиях, обязаны своим появлением нашему Истпарту, предоставляющему широкую возможность разрабатывать имеющиеся в нем материалы по истории революционного движения и партии. Так, обширный труд Е. Волкова „Среди моряков и речников торгового и военного флота“ составлен по материалам одесского Истпарта, работы Акулова, Невского о восстании на Потемкине и Одесск. Совете Рабочих Депутатов 1905 г. и т. д.

С конца минувшего года одесский Истпарт приступил к выполнению большой работы по собиранию и обработке материалов, относящихся к революции 1905 г. Работа эта ведется по определенной схеме, выработанной центром и детализированной Губистпартом. Часть работ уже закончена и переслана Истпартом в ЦК РКП и ЦК КП(б)У: это материалы и статьи „О погромах и самообороне 1905 г.“, „Студенческое движение 1905 г. в Одессе“, „Совет Рабочих Депутатов в Одессе 1905 г.“, „Революционное движение в войсках одесского гарнизона“. Продолжается разработка крестьянского движения 1905 г., профессионального, буржуазно-общественного, партийной работы, состояние прессы и т. д. По заданию Истпарта ЦК КП(б)У, работы эти должны быть приведены в систематическую хронику 1905 г.

Собранные материалы по истории Красной гвардии в Одессе 1917 — 1918 г., с характеристиками героев декабрьских и январских дней появятся в ближайших №№ „Летописи Революции“¹⁾.

В Истпарте идет работа по составлению истории одесской парт-организации, а также по образованию особого отдела имени Владимира Ильича Ленина. Для этого отдела, между прочим, имеется интересный материал в виде множества писем, адресованных местным партработникам и, как ныне установлено, исходящих от Владимира Ильича; письма эти составят любопытную страницу в общей истории компартии и, в частности, дают много новых подробностей, характеризующих деятельность В. И.

1) Эти материалы помещены в № 3 (8) „Лет. Рев.“.

В последнее время в Истпарте производится регистрация участников Красной гвардии и подготавливается образование „Общества бывш. одесских красногвардейцев“.

В ведении одесского Истпарта состоит Николаевское бюро Истпарта, где также идет серьезная работа. Имеется музей революции, который посещается особенно усердно рабочими и учащимися (в мае и июне было 1822 посетит., в том числе 29 экскурсий). Лекционная работа выразилась в организации цикла лекций на тему „Ленин и РКП“ (прочитано 8 лекций) и эпизодических (о Ленских событиях и т. д.). Имеется библиотека и читальня. Средств нет, и Истпарт терпит большую нужду в работниках и лишен возможности развивать свою работу. Есть надежда на помощь Москвы, предполагающей дать средства на одного научного работника.

И. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Работа Киевского Истпарта К. П. (б.) У.

(Март — Август 1924 г.)

(Из отчета)

Бюро Истпарта нынешнего состава сконструировалось в начале апреля. Из трех человек, входящих в состав Бюро, ни один не занят исключительно истпартовской работой (тов. Левик — зав. Агитпропом Губкома, тов. Петропавловский — зав. Оргинстром, тов. Манилов — лектор Губсовпартшколы). Это обстоятельство несомненно отрицательно сказалось на работе. Бюро за все время удалось собрать раза два. Самое серьезное внимание с самого начала решено было обратить на ист. - рев. архив.

I. СОСТОЯНИЕ ИСТОРИКО - РЕВОЛЮЦИОННОГО АРХИВА

Архиву было уделено серьезное внимание. Начались розыски ист. - рев. материала, разбросанного по разным закоулкам. Приходилось отпрапляться на „раскопки“. В результате поисков, за истекшее время были перевезены следующие архивные фонды: секретная часть архива киевского генерал-губернатора (по губерниям: Киевской, Волынской и Подольской), секретная часть архива киевского губернатора, архив судебной палаты, кой-какие архивы гетманского периода, архив военно-окружного суда — в общей сложности несколько десятков тысяч дел. С перевозкой этих материалов, сосредоточение почти всех уцелевших архивов старого режима до 1917 г., можно считать почти законченной.

Насколько громадна ценность этих материалов можно судить по тому, что среди перевезенных дел нашлось несколько томов Чигиринского дела, дела о Южно-русском рабочем Союзе в Киеве 1880 г., дело семьи Ульяновых, а сколько неожиданных „находок“ таят в себе все эти неразобранные еще архивы, сказать очень трудно. Затем несколько месяцев тому назад, мы перед Наркомпросом УССР возбудили ходатайство о передаче Истпарту „Музея Войны и Революции“ при киевском институте нар. образования. Музей этот (вернее, архив) возник в 1918 — 1919 г. по частной инициативе проф. Маслова, который на „нейтральной, научной“ почве предпринял собирание материалов исто-

рико - рев. характера. В результате его энергичной деятельности, удалось собрать громадную коллекцию, главным образом, печатного материала (книг, брошюр, листовок, газет и т. д.), начиная с 1918 и особенно с 1919 г.

В настоящее время, благодаря содействию Наркомпроса и ректора Киевского ИНО, музей этот постановлено передать Истпарту, и на днях мы начинаем его перевозку. Это очень пополнит скудные у нас материалы революционного периода (от 1917 г.). Удалось также получить библиотеку бывш. Жандармского Управления, которая каким - то чудом оказалась в распоряжении Всенародной Библиотеки Украины. После переписи, библиотека эта, составляющая до трех тысяч названий (из них около 400 нелегальных), была нами изъята и является сейчас основным ядром в библиотеке Истпарт.

Работу по дальнейшему розыску материалов мы ведем и сейчас, встречая на этом пути очень большие затруднения.

Особенно скверно, в этом отношении, обстоит дело в округах. Там положение прямо катастрофическое и необходимы срочные меры, чтобы спасти гибнущие материалы (ведь, особенно ценные документы гражданской войны, повстанческого движения и т. д. именно по округам и разбросаны). По линии Центр. архива нужна в этой области какая - либо деректива.

В смысле учета и систематизации (а следовательно, и сохранности) всего поступившего материала, дело обстоит из рук вон плохо. После настойчивого нажима, число сотрудников ист. - рев. архива удалось довести до 4 - х человек, из них — 2 технических работника. С таким штатом и за 10 лет не справиться с описью, каталогизацией и картизацией всего того потока материала, который в последние месяцы хлынул в истревархив. Увеличение штата архива минимум до 10 — 12 человек представляется безусловно необходимым.

Наконец, задача предохранения всего этого материала от порчи и гибели требует, во - первых, соответствующего помещения (настоящее никуда не годится), во - вторых, некоторых средств на оборудование ист. - рев. архива (коробки, стелажп и т. д.).

II. МУЗЕЙНО - ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Еще 21 - го ноября прошлого 1923 года киевским Истпартом была открыта выставка по истории партии и ревдвижений. Выставка была довольно быстро организована и, охватывая собой период от Пугачева до 1917 г. включительно, занимала 5 — 6 комнат. Несмотря на целый ряд недочетов (что, при краткости времени, мизерных средствах и отсутствии работников, было вполне естественно) выставка пользовалась огромным успехом, и за период около 3 - х месяцев существования пропустила большое количество экскурсантов.

Большая часть посетивших проходила организованным путем: группами от 5 до 25—30 человек. Посещаемость в праздничные и воскресные дни доходила порой до 300—500 человек. Каждая экскурсия сопровождалась кратким пояснением. Некоторые экскурсии приходили по нескольку раз и деятельно прорабатывали отдельные эпохи. Посещение выставки стало входить в план работы полит. и маркскружков и райпартшкол, являясь очень серьезным и наглядным пособием для закрепления проработанного материала. Всю работу по обслуживанию довольно большого притока экскурсий Истпарту с его слабыми силами пришлось взять на себя, и несмотря на неоднократную просьбу перед Агитпропом Губкома создать вокруг выставки определенную группу „объяснителей“, помощь оказана не была.

Был организован целый ряд эпизодических выставок, приуроченных к революционным праздникам и годовщинам (9 -е января, 110-тилетная годовщина Шевченка, 1-е мая, день рабочей печати), которые привлекли большое количество посетителей (напр., выставки 9-го января посетило до 700 чел.).

Статистические сведения о посещении выставки по истории революционных движений и партии, с 21/xi—23 г. по 15/xi—24 г.

Общее число посетивших — 4864 чел. из них:

Членов КП(б)У . . . 12%	Членов профсоюзов . . . 29%
.. ЛКСМУ . . . 10%	Военных 13%
.. Ю. Л. . . . 10%	Учащихся 58%
Беспартийных . . . 68%—69%	

Смерть Вл. Ильича отклонила работу Истпарта в другое русло. С конца января приступлено было в ударном порядке к собиранию всех материалов, связанных с жизнью и смертью Вл. Ильича Ленина, с целью организации выставки его памяти. Произведены были самые тщательные поиски в архиве и книгохранилищах, в результате которых было собрано значительное количество показательного материала. Для устройства „уголка“ удалось получить прекрасное помещение бывшего „Пролетарского Музея“. При содействии местного художника В. Г. Меллера, совершенно безвозмездно отдавшего этому делу свои способности и труд, 22-го апреля была открыта первая комната, а немного спустя 2-я и 3-я комнаты „Ленинского Отдела Выставки Истпарта“.

В первой комнате собран весь материал, относящийся к жизни и деятельности В. И., по такой, примерно, схеме: таблица с основными хронологическими датами жизни, партийной и литературной деятельности В. И. (по Каменеву); вокруг каждой таблицы, охватывавшей определенную эпоху, сгруппирован был весь материал, какой нам в Киеве удалось разыскать, т. - е., фотографии В. И., группы,

образцы легальных и нелегальных газет с его статьями, нелегальные и легальные первые издания его сочинений, жандармские документы и, наконец, каждая эпоха освещена ударными выдержками из произведений В. И.

2-я комната посвящена болезни, смерти и похоронам В. И. (фотографии, траурные газеты, воззвания и т. д.). Лозунги комнаты освещают значение и роль В. И. Ленина. 3-я комната — „Ленинская читальня“, где собрана литература В. И. Ленина и о Ленине. В этой же комнате граммофон с пластинками речей В. И. С первого же дня открытия начался огромный приток экскурсий, тянувшийся до сегодняшнего дня. Выставка непрерывно работает.

Статистические сведения посещения Ленинского Отдела Выставки Истпарта, с 23/VI — 24 г. по 1/VIII — 24 г.

Общее число посетивших — 9700, из них:

Членов КП(б)У . . .	1860	(ленинского призыва — 858)	
„ ЛКСМУ . . .	1115	Членов профсоюзов .	4148 (43%)
„ Ю. Л. . . .	725	Военных	660 (7%)
Беспартийных . . .	5940	Учащихся	4892 (50%)

Но, несмотря на полную очевидность громадного пропагандистско-воспитательного значения этого нового вида массовой работы и необходимость обслуживания лекторскими силами массового притока рабочих, красноармейцев и крестьян, Губкомом нужная помощь оказана не была.

Последний месяц по предложению Истпарта, посещение Ленинской Выставки было включено в план работы ленинских кружков, и сейчас проходят почти исключительно рабочие ленинского призыва. Мы начали проводить анкетный опрос посетителей ленинцев и получали интересные отзывы, которые единодушно сходятся на громадном партийно-воспитательном значении Выставки.

Кроме того, ленинский отдел служил и служит как-бы центральным показательным местом для организующихся уголков Ленина. Сюда приходят за справками, указаниями, планами, делают снимки, копии и т. д. По материалам выставки издан был комплект фотографий, которые в большом количестве разошлись по „уголкам“.

Выводы из нашего опыта таковы: 1) музейно-показательная работа Истпарта при надлежащих возможностях приобретает огромное партийно-воспитательное и учебное значение; 2) вокруг выставок создаются совершенно новые формы массовой работы по популяризации истории партии.

Поэтому практически Киевский Истпарт поставил задачей ближайших месяцев создание фундаментального Музея Революции, полагая, что в таком крупном центре Украины организация такого музея вполне своевременна.

Для того, чтобы в этой области покончить с кустарничеством, необходимо, чтобы вопрос о существовании таких музеев (а существуют они и стихийно возникают почти во всех губернских центрах) был бы урегулирован законодательным путем в самом срочном порядке.

Наши практические предложения по этому поводу сводятся к следующему.

а) Законодательным путем устанавливается необходимость создания музеев революции и устанавливается их сеть для Украины; устанавливается 2 центральных музея революции, при чем киевский является „Музеем Революции Правобережной Украины“.

б) Устанавливаются примерные сметы „Музеев Революции“ различных типов (от окружного до областного). Твердо фиксируется источник финансирования музеев, каковым должен быть местный бюджет и может быть отчасти для музеев областного значения — госбюджет. Вопрос финансовый является основой, и если он не будет урегулирован, то музеи будут продолжать жалкое существование, перебиваясь крохами и подачками.

в) Должен быть установлен центр, руководящий работой музеев. Таким центром может быть „Музей Революции СССР“. Руководящий центр разрабатывает примерную структуру музеев, деление на отделы, идейно направляет работу музеев и помогает снабжением материалов.

г) Музеи губернские являются центрами, откуда исходит помощь и руководство в организации в уездах — округах, предприятиях и клубах временных и постоянных выставок и уголков по истории партии и рев. движений.

д) Музеи Революции пользуются преимущественным правом на занятие особенно подходящих для этой цели зданий. Может быть имело бы смысл, с точки зрения целесообразности, направить тенденцию по устройству всякого рода памятников в русло стройки зданий-памятников, приспособленных для Музеев Революции (здесь может быть, частично можно было бы использовать фонд по увековечению памяти В. И. Ленина).

ж) Музеи тесно связываются, как в процессе своего возникновения, так и в дальнейшей работе, с комвузами, партшколами, марксистскими семинарами.

з) Управление музеями находится в руках совета-коллегии, в финансово-материальном отношении подчинены Губисполкомам, руководство и постановка осуществляется Истпартом совместно с Агитпропом (поскольку вокруг музея разворачивается большая пропагандистская работа).

Вот приблизительно намеченные вехи, которые, по нашему мнению, вытекают из опыта нашей работы. В связи с предстоящим нача-

лом нового бюджетного года, вопрос должен быть проведен в срочном порядке; в противном случае — очень ценные начинания обречены на жалкое существование в течение целого года.

Киевский Истпарт, не ожидая законодательного разрешения этого вопроса составил и подал смету на текущие 1924 — 25 бюджетные г. г. по организации музея революции Киевщины.

III. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ИСПАРТА

За отчетный период издательская работа выразилась только в издании нескольких серий диапозитивов: 1) годовщины 9-го января 1905 г. 2) Февральской Революции и 3) комплектов фотографических материалов для организации „Ленинских уголков“.

Подготавливается к печати М. Балабановым монография о Южно-русском Рабочем Союзе в Киеве 1880—1881 г. г. Основная же литературно-научная работа связана с юбилеем революции 1905 г. Наличие большого количества материалов и согласие местных издательств выпускать сборники Истпарта дает возможность издательскую работу поставить основательно (фактически Истпарт издал еще в 1923 г. только сборник первомайских прокламаций и № 1 журнала „Путь Революции“). Литературные силы имеются. Были сделаны попытки создать при Истпарте научно-исследовательский семинар, но они провалились, вследствие того, что Губком не предпринял никаких шагов к закреплению для Истпарта группы товарищей для исследовательской работы.

IV. РАБОТА ПО ПОДГОТОВКЕ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Центром внимания всех наших немногочисленных работников является подготовка к 20-летней годовщине 1905 г. До настоящего момента сделано следующее: по архивным фондам выделены и описаны все дела по 1905 г. Произведена опись всего печатного материала, находящегося в делах (прокламации, газеты), через Губполитпросвет разослан циркуляр всем библиотекам о предоставлении описи всего имеющегося материала по 1905 г. (главным образом, газет, иллюстрированных журналов и т. д.), произведена по Киеву частичная регистрация участников революции 1905 г. и предложено им писать воспоминания (зарегистрировались пока человек 50), ведется подготовка к устройству вечеров воспоминаний. По предложению Истпарта, образована комиссия по подготовке празднования (к работе еще не приступили, в ожидании инструкции от всесоюзной комиссии).

Работа по подготовке хроники событий 1905 года на Украине, согласно инструкции Истпарта ЦК КП(б)У, приближается уже к концу.

Материалы хроники по Киеву в довольно значительном объеме уже поступили в Истпарт ЦК КП(б)У.

Из всех архивных фондов производилась перепечатка важнейших документов, характеризующих массовое движение на Киевщине в 1905 году.

Для составления подробной подневной хроники событий, был образован семинар частью из беспартийных студентов, частью из рабочих и комсомольцев.

Работа семинара производилась так: каждый из участников семинара получал дело и основные факты, почерпнутые из него, заносил в особую карточку, все карточки, проверенные руководителем семинара, группировались по дням и месяцам.

Работа по составлению этих карточек по всем архивным фондам и по газетам, как местным, так и столичным, закончена; теперь предстоит редакционная работа по сведению этих карточек воедино и дополнению сухих фактических данных выдержками из важнейших документов.

Составлен список активных деятелей 1905 года с краткими биографиями. Что касается исследовательской работы, то за основу принята схема, присланная Истпартом ЦК РКП; в стадии разработки находятся сейчас следующие темы:

- а) крестьянское движение на Киевщине в 1905 году;
- б) политические и экономические стачки в 1905 году;
- в) движение в войсках и военно-революционные организации;
- г) совет Рабочих Депутатов в Киеве в 1905 году.

V. ОБ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ИСТПАРТА В ОКРУГАХ

Отчасти в связи с работой по 1905 году приступлено было к выделению уполномоченных Истпарта на округах и крупнейших предприятиях (Губистпартом по этому поводу разослан циркуляр). Окружные комитеты очень слабо помогают в этом деле, но все же в части округов такие уполномоченные уже имеются и кое-что начинают делать. По городу Киеву уполномоченные имеются почти во всех районах, а в некоторых районах и на крупных предприятиях. Истпартом проводятся районные инструктивные совещания уполномоченных предприятий и раздаются анкеты для учета участников ревдвижений, в первую очередь 1905 года.

Желательно было бы, чтобы Истпарт ЦК выработал бы на этот счет определенную директиву, так как такой Институт уполномоченных, особенно по округам, безусловно нужен и может оказать очень ценную помощь по собиранию материалов.

Всем Губкомам

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЖУРНАЛА ИСПАРТА ЦК КП(б)У „ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“

Журнал Истпарта ЦК КП(б)У „Летопись Революции“ до сих пор не имеет широкого распространения в партийной массе. Между тем, это единственный регулярно выходящий литературный орган, дающий материал по истории Компартии и ревдвижений на Украине. Такой журнал необходим всем изучающим историю нашей Партии, всем полит. и совпартшколам и Ленинским кружкам, работающим по вопросам ревдвижений. Особенное значение имеет разработка в журнале вопросов по истории украинской революции, Октябрьского переворота на Украине, гетманского и деникинского подполья, по истории борьбы с партизанщиной и бандитизмом, по истории возникновения и развития большевистских организаций в разных городах Украины, — все эти вопросы, мало изученные историей и очень слабо разрабатываемые в других журналах Истпарта, освещаются в „Летописи Революции“ в живой и легко усвояемой форме воспоминаний самих участников Революции, что делает журнал доступным и для мало-подготовленных читателей.

Считая журнал „Летопись Революции“ чрезвычайно важным пособием по изучению истории украинской революции, ЦК КП(б)У предлагает принять самые серьезные меры для распространения этого журнала по библиотекам, полит. и совпартшколам, кружкам, клубам, среди членов Партии и Комсомола, путем проведения кампании подписки, используя при этом более жизнеспособные и подвижные аппараты распространения из числа местных отделений столичных газет, контрагентства, местные экспедиции, книжные магазины, городские и железнодорожные киоски и т. д. Необходимо добиться, чтобы все политпросветительные организации, а также ячейки КП(б)У и КСМУ были подписчиками журнала.

Секретарь ЦК КП(б)У Медведев
Зав. Отделом Печати Равич
Зав. Истпартом (подпись)

Ответственный редактор С. Шрейбер.

